

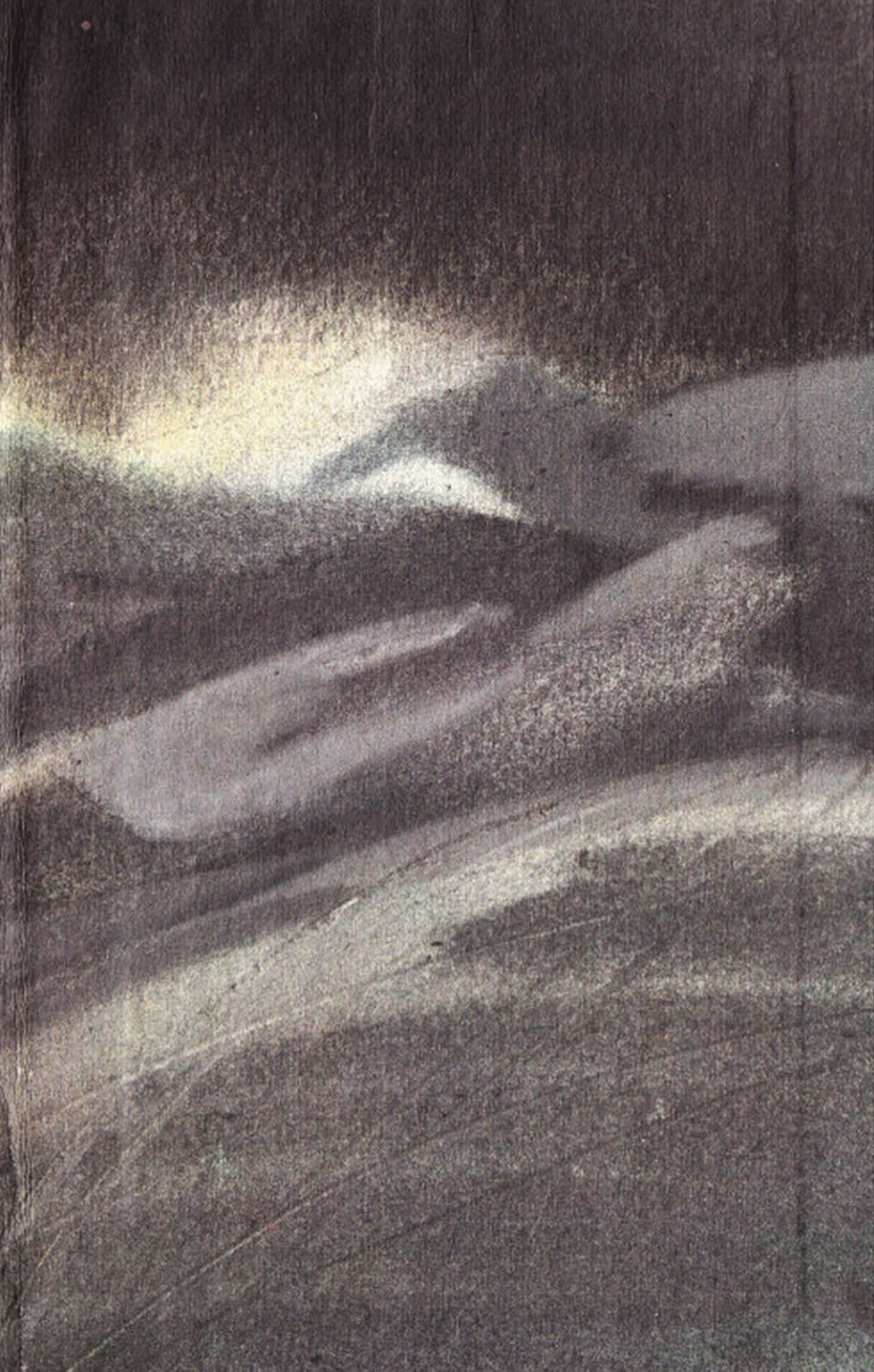
АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

ОТЕЛЬ
„У ПОГИБШЕГО
АЛЬПИНИСТА.“

Л

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

**АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ**

**ОТЕЦ
„У ПОГИБШЕГО
АЛЬПИНИСТА“**

Фантастическая повесть

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1983

P2
C87

Художник М. Лисогорский

Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.
C87 Отель «У Погибшего Альпиниста»: Научно-фантастическая повесть / Рис. М. Лисогорского. — М.: Дет. лит., 1983. — 175 с., ил. (Библиотечная серия).
В пер.: 45 к.

Научно-фантастическая повесть, посвященная проблеме контакта с внеземными цивилизациями.

С 4803010102—363 Без объявл.
M101(03)83

P2

© Оформление.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

«Как сообщают, в округе Винги, близ города Мюр, опустился летательный аппарат, из которого вышли желто-зеленые человечки о трех ногах и восьми глазах каждый. Падкая на сенсации бульварная пресса поспешила объявить их пришельцами из космоса...»

(Из газет)

Г Л А В А

1

Я остановил машину, вылез и снял черные очки. Все было так, как рассказывал Згүт. Отель был двухэтажный, желтый с зеленым, над крыльцом красовалась траурная вывеска: «У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА». Высокие ноздреватые сугробы по сторонам крыльца были утыканы разноцветными лыжами — я насчитал семь штук, одна была с ботинком. С крыши свисали мутные гофрированные сосульки толщиной в руку. В крайнее правое окно первого этажа выглянуло чье-то бледное лицо, и тут парадная дверь отворилась, и на крыльце появился лысый коренастый человек в рыжем меховом жилете поверх ослепительной лавсановой рубашки. Тяжелой медлительной поступью он приблизился и остановился передо мною. У него была грубая красная физиономия и шея борца-тяжеловеса. На меня он не смотрел. Его меланхолический взгляд был устремлен куда-то в сторону и исполнен печального достоинства. Несомненно, это был сам Алек Сневар, владелец отеля, долины и Бутылочного Горлышка.

— Там... — произнес он неестественно низким и глухим голосом. — Вон там это произошло. — Он простер указующую руку. В руке была сигара. — На той вершине...

Я повернулся и, прищурившись, поглядел на сизую, жуткого вида отвесную стену, ограждавшую долину с запада, на бледные языки снега, на иззубренный гребень, чет-

кий, словно нарисованный на сочно-синей поверхности неба.

— Лопнул карабин, — все тем же глухим голосом продолжал владелец. — Двести метров он летел по вертикали вниз, к смерти, и ему не за что было зацепиться на гладком камне. Может быть, он кричал. Никто не слышал его. Может быть, он молился. Его слышал только бог. Потом он достиг склона, и мы здесь услышали лавину, рев разбуженного зверя, жадный голодный рев, и земля дрогнула, когда он грянулся о нее вместе с сорока двумя тысячами тонн кристаллического снега...

— Чего ради его туда понесло? — спросил я, разглядывая зловещую стену.

— Позвольте мне погрузиться в прошлое, — проговорил владелец, склонил голову и приложил кулак с сигарой к лысому лбу.

Все было совершенно так, как рассказывал Эгут. Только вот собаки нигде не было видно, но я заметил множество ее визитных карточек на снегу возле крыльца и вокруг лыж. Я полез в машину и достал объемистый сверток.

— Привет от инспектора Эгута, — сказал я, и владелец тут же вынырнул из прошлого.

— Вот достойный человек! — сказал он с живостью и весьма обыкновенным голосом. — Как он поживает?

— Неплохо, — ответил я, вручая ему сверток.

— Я вижу, он не забыл вечера, которые провел у моего камина.

— Он только о них и говорит, — сказал я и снова повернулся было к машине, но хозяин схватил меня за руку.

— Ни шагу назад! — строго произнес он. — Этим займется Кайса. Кайса! — трубно взревел он.

На крыльцо выскочила собака — великолепный сенбернар, белый с желтыми пятнами, могучее животное ростом с теленка. Как я уже знал, это было все, что осталось от Погибшего Альпиниста, если не считать некоторых мелочей, экспонированных в номере-музее. Я был бы не прочь посмотреть, как этот пес с женским именем станет разгружать мой багаж, но хозяин твердой рукою уже направлял меня в дом.

Мы прошли через сумрачный холл, где ощущался теплый запах погасшего камина и тускло отсвечивали лаком модные низкие столики, свернули в коридор налево, и хо-

заяин плечом толкнул дверь с табличкой «Контора». Я был усажен в уютное кресло, сверток занял место на сейфе, и хозяин распахнул громоздкий грессбух.

— Прежде всего разрешите представиться, — сказал он, сосредоточенно обскабливая ногтями кончик пера. — Алек Сневар, владелец отеля и механик. Вы, конечно, заметили ветряки на выезде из Бутылочного Горлышка?

— Ах, это были ветряки?..

— Да. Ветряные двигатели. Я сам сконструировал их и сам построил. Вот этими руками.

— Что вы говорите... — пробормотал я.

— Да. Сам. И еще многое.

— А куда нести? — спросил у меня за спиной пронзительный женский голос.

Я обернулся. В дверях, с моим чемоданом в руке, стояла этакая кубышечка лет двадцати пяти, с румянцем во всю щеку, с широко расставленными и широко раскрытыми голубыми глазками.

— Это Кайса, — сообщил мне хозяин. — Кайса! Этот господин привез нам привет от господина Згута. Ты помнишь господина Згута, Кайса? Ты должна его помнить.

Кайса немедленно залилась краской и, поведя плечами, закрылась ладонью.

— Помнит, — объяснил мне хозяин. — Запомнила... Н-ну-с... Так я помещу вас в номер четыре. Это лучший номер в отеле. Кайса, отнеси чемодан господина... м-м...

— Глебски, — сказал я.

— Отнеси чемодан господина Глебски в четвертый номер... Поразительная дура, — сообщил он с какой-то даже гордостью, когда кубышечка скрылась. — В своем роде феномен... Итак, господин Глебски? — Он выжидательно взглянул на меня.

— Петер Глебски, — продиктовал я. — Инспектор полиции. В отпуске. На две недели. Один.

Хозяин прилежно записывал все эти сведения огромными корявыми буквами, а пока он писал, в контору, цокая когтями по линолеуму, вошел сенбернар. Он поглядел на меня, подмигнул и вдруг с грохотом, словно обрушилась вязанка дров, пал около сейфа, уронив морду на лапу.

— Это Лель, — сказал хозяин, завинчивая колпачок авторучки. — Сапиенс. Все понимает на трех европейских языках. Блох нет, но линяет.

Лель вздохнул и переложил морду на другую лапу.

— Пойдемте,— сказал хозяин, вставая.— Я провожу вас в номер.

Мы снова пересекли холл и стали подниматься по лестнице.

— Обедаем мы в шесть,— рассказывал хозяин.— Но перекусить можно в любое время, а равно и выпить чего-нибудь освежающего. В десять вечера — легкий ужин. Танцы, бильярд, картишки, собеседования у камина.

Мы вышли в коридор второго этажа и повернули налево. У первой же двери хозяин остановился.

— Здесь,— произнес он прежним глухим голосом.— Прошу.

Он распахнул передо мною дверь, и я вошел.

— С того самого незабываемого страшного дня...— начал он и вдруг замолчал.

Номер был неплохой, хотя и несколько мрачноватый. Шторы были приспущены, на кровати почему-то лежал альпеншток. Пахло свежим табачным дымом. На спинке кресла посередине комнаты висела чья-то брезентовая куртка, на полу рядом с креслом валялась газета.

— Гм...— сказал я озадаченно.— По-моему, здесь уже кто-то живет.

Хозяин безмолвствовал. Взгляд его был устремлен на стол. На столе ничего особенного не было, только большая бронзовая пепельница, в которой лежала трубка с прямым мундштуком. Кажется, «данхилл». Из трубки поднимался дымок.

— Живет...— произнес, наконец, хозяин.— Живет ли?.. Впрочем, почему бы и нет?

Я не нашелся, что ответить ему, и ждал продолжения. Чемодана моего нигде не было видно, но зато в углу стоял клетчатый саквояж с многочисленными гостиничными ярлыками. Не мой саквояж.

— Здесь,— окрепшим голосом продолжал хозяин,— вот уже шесть лет, с того самого незабываемого страшного дня, все пребывает так, как он оставил перед своим последним восхождением...

Я с сомнением посмотрел на курящуюся трубку.

— Да! — сказал хозяин с вызовом.— Это ЕГО трубка. Это вот — ЕГО куртка. А вот это — ЕГО альпеншток. «Возьмите с собой альпеншток», — сказал я ему в то утро.

Он только улыбнулся и покачал головой. «Но не хотите же вы остаться там навсегда!» — воскликнул я, холодея от страшного предчувствия. «Пуркуа па?» — отвечивал он мне по-французски. Мне до сих пор не удалось выяснить, что это означало...

— Это означало «почему бы и нет?», — заметил я. Хозяин горестно покивал.

— Я так и думал... А вот это — ЕГО саквояж. Я не разрешил полиции копаться в его вещах...

— А вот это — ЕГО газета, — сказал я. Я отчетливо видел, что это позавчерашний «Мюрский Вестник».

— Нет, — сказал хозяин. — Газета, конечно, не его.

— У меня тоже такое впечатление, — согласился я.

— Газета, конечно, не его, — повторил хозяин. — И трубку, естественно, раскурил здесь не он, а кто-то другой.

Я пробормотал что-то о недостатке уважения к памяти усопших.

— Нет, — задумчиво возразил хозяин, — здесь все сложнее. Здесь все гораздо сложнее, господин Глебски. Но мы поговорим об этом позже. Пойдемте в ваш номер.

Однако, прежде чем мы вышли, он заглянул в туалетную комнату, открыл и снова закрыл дверцы стенного шкафа и, подойдя к окну, похлопал ладонями по портьерам. По-моему, ему очень хотелось заглянуть также и под кровать, но он сдержался. Мы вышли в коридор.

— Инспектор Згут как-то рассказывал мне, — произнес хозяин после короткого молчания, — что его специальность — так называемые медвежатники. А у вас какая специальность, если это, конечно, не секрет?

Он распахнул передо мною дверь четвертого номера.

— У меня скучная специальность, — ответил я. — Должностные преступления, растраты, подлоги, подделка государственных бумаг...

Номер мне сразу понравился. Все здесь сияло чистотой, воздух был свеж, на столе — ни пылинки, за промытым окном — снежная равнина и сиреневые горы.

— Жаль, — сказал хозяин.

— Почему? — спросил я рассеянно и заглянул в спальню. Здесь еще хозяйничала Кайса. Чемодан мой был раскрыт, вещи аккуратно разложены, а Кайса взбивала подушки.

— А впрочем, и не жаль нисколько, — заявил хозяин. — Вам не приходилось, господин Глебски, замечать, насколько неизвестное интереснее познанного? Неизвестное будоражит мысль, заставляет кровь быстрее бежать по жилам, рождает удивительные фантазии, обещает, манит. Неизвестное подобно мерцающему огоньку в черной бездне ночи. Но ставши познанным, оно становится плоским, серым и неразлично сливается с серым фоном будней.

— Вы — поэт, господин Сневар, — заметил я еще рассеянное.

— А как же, — сказал хозяин. — Ну вот вы и дома. Располагайтесь, отдыхайте, делайте что хотите. Лыжи, мази, снаряжение — все к вашим услугам внизу, обращайтесь при необходимости прямо ко мне. Обед в шесть, а если вздумаете перекусить сейчас или освежиться — я имею в виду напитки, — обращайтесь к Кайсе. Приветствую вас.

И он ушел.

Кайса все трудилась над постелью, доводя ее до невысказанного совершенства, а я достал сигарету, закурил и подошел к окну. Я был один. Благословенное небо, всеблагий господи, наконец-то я был один! Я знаю — нехорошо так говорить и даже думать, но до чего же в наше время сложно устроиться таким образом, чтобы хоть на неделю, хоть на сутки, хоть на несколько часов остаться в одиночестве! Нет, я люблю своих детей, я люблю свою жену, у меня нет никаких злых чувств к моим родственникам, и большинство моих друзей и знакомых вполне тактичные и приятные в общении люди. Но когда изо дня в день, из часа в час они непрерывно толкуются около меня, сменяя друг друга, и нет никакой, ни малейшей возможности прекратить эту толчею, отделить себя от всех, запереться, отключиться... Сам я этого не читал, но вот сын утверждает, будто главный бич человека в современном мире — это одиночество и отчужденность. Не знаю, не уверен. Либо все это поэтические выдумки, либо такой уж я невезучий человек. Во всяком случае, для меня две недельки отчужденности и одиночества — это как раз то, что нужно. И чтобы не было ничего такого, что я обязан делать, а было бы только то, что мне хочется делать. Сигарета, которую я закурю, потому что мне хочется, а не потому, что мне суют под нос пачку. И которую я не закурю, если мне не хочется, а не потому, что мадам Зельц не выносит табачного дыма. Чашка кофе

у горящего камина — именно в тот момент, не раньше и не позже, когда мне придет в голову, что выпить чашку кофе у горящего камина — это хорошо. Это действительно будет неплохо. Вообще мне здесь, кажется, будет неплохо. И это просто прекрасно, мне хорошо с самим собой, с моим собственным телом, еще сравнительно не старым, еще крепким, которое можно будет поставить на лыжи и бросить вон туда, через всю равнину, к сиреневым отрогам, по свистящему снегу, и вот тогда станет совсем уже прекрасно...

— Принести что-нибудь? — спросила Кайса. — Угодно?

Я посмотрел на нее, и она опять повела плечом и закрылась ладонью. Была она в пестром платье в обтяжку, в крошечном кружевном фартуке, шею охватывало ожерелье из крупных деревянных бусин. Носки она держала несколько внутрь и не была похожа ни на одну из моих знакомых, и это было хорошо.

— Кто у вас тут сейчас живет? — спросил я.

— Где?

— У вас. В отеле.

— В отеле? У нас тут? Да живут здесь...

— Кто именно?

— Ну кто? Господин Мозес живут с женой. В первом и втором. И в третьем тоже. Только там они не живут. А может, с дочерью. Не разобрать. Красавица, все глазами смотрит...

— Так-так, — сказал я, чтобы ее подбодрить.

— Господин Симонэ живут. Тут вот, напротив. Ученые. Все на бильярде играют и по стенам ползают. Шалуны они, только унылые. На психической почве. — Она снова покраснела и принялась водить плечами.

— А еще кто? — спросил я.

— Господин дю Барнстокр, гипнотизеры из цирка...

— Барнстокр? Тот самый?

— Не знаю, может, и тот. Гипнотизеры... И Брюн...

— Кто это — Брюн?

— Да с мотоциклом они, в штанах. Также шалуны, хоть и молоденькие совсем.

— Так, — сказал я. — Все?

— Еще кто-то живет. Недавно вроде бы приехали. Только они просто так... Стоят просто. Не спят, не едят, только на постое стоят...

— Не понимаю, — признался я.

— А и никто не понимает. Стоят и все. Газеты читают. Давеча туфли у господина дю Барнстокра утащили. Ищем, ищем везде — нет туфель. А они их в музей занесли да там и оставили. И еще следы оставляют...

— Какие? — Очень мне хотелось ее понять.

— Мокрые. Так по всему коридору и идут. А еще манеру взяли мне звонить. То из одного номера, то из другого. Приду, а там никого нет.

— Ну ладно, — сказал я со вздохом. — Не понять мне тебя, Кайса. И не надо. Пойду-ка я лучше в душ.

Я раздавил окурок в девственно-чистой пепельнице и отправился в спальню за бельем. Там я сложил на столике в изголовье стопку книг, подумав мельком, что зря я их, пожалуй, сюда тащил, сбросил ботинки, сунул ноги в шлепанцы и, захватив купальное полотенце, отправился в душ. Кайса уже ушла, пепельница на столе снова сияла чистой. В коридоре было пустынно, откуда-то доносилось постукивание бильярдных шаров — должно быть, развлекался унылый шалун на психической почве. Как его... Симонэ, кажется.

Дверь в душевую я обнаружил на лестничной площадке, и дверь эта оказалась заперта. Некоторое время я стоял в нерешительности, осторожно крутя пластмассовую ручку. Кто-то неторопливо, грузным шагом прошел по коридору. Можно, конечно, спуститься в душевую на первом этаже, подумал я. А можно и не спускаться. Можно сначала пробежаться на лыжах. Я рассеянно уставился на деревянную лестницу, ведущую, видимо, на крышу. Или, например, подняться на крышу и полюбоваться видом. Говорят, здесь неописуемо хороши восходы и закаты. А все-таки свинство, что душ заперт. Или там кто-то засел? Да нет, тихо... Я еще раз подергал ручку. А, ладно. Бог с ним, с душем. Успеется. Я повернулся и пошел к себе.

Что-то изменилось в моем номере, я почувствовал это сразу. Через секунду я понял: пахло трубочным табаком, как в номере-музее. Я взглянул на пепельницу. Курящейся трубки там не было — была горка пепла вперемешку с табачными крошками. На постое стоят, вспомнилось мне. Не пьют, не едят, только следы оставляют...

И тут рядом кто-то протяжно и громко зевнул. Из спальни, стуча когтями, лениво вышел сенбернар Лель, с ухмылкой посмотрел на меня и потянулся.

— Ах, так это ты здесь курил? — сказал я.

Лель подмигнул и помотал головой. Словно муху отгонял.

Г Л А В А

2

Судя по следам на снегу, кто-то здесь уже пытался ходить на лыжах, — отъехал метров на пятьдесят, падая на каждом шагу, а затем возвратился, проваливаясь по колено, таща лыжи и палки в охапке, роняя их, подбирая и снова роняя, — казалось, над этими скорбными голубыми рытвинами и шрамами в снегу до сих пор не осели замерзшие проклятия. Но в остальном снежный покров долины был чист и нетронут, как новенькая накрахмаленная простыня.

Я попрыгал на месте, пробуя крепления, гикнул и побежал навстречу солнцу, все наращивая темп, зажмурившись от солнца и наслаждения, с каждым выдохом выбрасывая из себя скуку прокуренных кабинетов, затхлых бумаг, слезливых подследственных и брюзжащего начальства, тоску заунывных политических споров и бородатых анекдотов, мелочных хлопот жены и наскоков подрастающего поколения... унылые заслякощенные улицы, провонявшие сургучом коридоры, пустые пасти угрюмых, как подбитые танки, сейфов, выцветшие голубенькие обои в столовой, и выцветшие розовенькие обои в спальне, и забрызганные чернилами желтенькие обои в детской... с каждым выдохом освобождаясь от самого себя — казенного, высокоморального, до скрипучести законопослушного человечка со светлыми пуговицами, внимательного мужа и примерного отца, хлебосольного товарища и приветливого родственника, радуясь, что все это уходит, надеясь, что все это уходит безвозвратно, что отныне все будет легко, упруго, кристально чисто, в бешеном, веселом, молодом темпе, и как же это здорово, что я сюда приехал... молодец Згут, умница Згут, спасибо тебе, Згут, хоть ты и lupишь своих «медвежатников» по физиям... и какой же я еще крепкий, ловкий, сильный — могу вот так, по идеальной прямой, сто тысяч километров по идеальной прямой, а могу вот так, круто вправо, круто влево, выбросив из-под лыж тонну снега... а ведь я

уже три года не ходил на лыжах, с тех самых пор, как мы купили этот проклятый новый домик, и на кой черт мы это сделали, снабдились приютом на старость, всю жизнь работаешь на старость... а, черт с ним со всем, не хочу я об этом сейчас думать, черт с ней, со старостью, черт с ним, с домиком, и черт с тобой, Петер, Петер Глебски, законолюбивый чиновник, спаси тебя бог...

Потом волна первого восторга схлынула, и я обнаружил, что стою возле дороги, мокрый, задыхающийся, с ног до головы запорошенный снежной пылью. Просто удивительно, как быстро проходят волны восторга. Грызть себя, уязвлять себя, нудить и зудеть можно часами и сутками, а восторг приходит и тут же уходит. Вот и уши ветром заложило... Я снял перчатку, сунул мизинец в ухо, повертел и вдруг услышал трескучий грохот, словно по соседству шел на посадку спортивный биплан. Я едва успел протереть очки, как он пронесся мимо меня — не биплан, конечно, а громадный мотоцикл из этих новых, которые пробивают стены и губят больше жизней, чем все насильники, грабители и убийцы, вместе взятые. Он обдал меня ошметками снега, очки снова залепило, но я все-таки заметил тощую согнутую фигуру, развевающиеся черные волосы и торчащий, как доска, конец красного шарфа. За езду без шлема, подумал я автоматически, пятьдесят крон штрафа и лишение водительского удостоверения на месяц... Впрочем, не могло быть и речи о том, чтобы разглядеть номер — я не мог разглядеть даже отель и половину долины впридачу — снежное облако поднялось до неба. А, какое мне дело! Я навалился на палки и побежал вдоль дороги вслед за мотоциклом к отелю.

Когда я подъехал, мотоцикл остывал перед крыльцом. Рядом на снегу валялись громадные кожаные перчатки с раструбами. Я воткнул лыжи в сугроб, почистился и снова посмотрел на мотоцикл. До чего все-таки зловещая машина. Так и чудится, что в следующем году отель станет называться «У Погибшего Мотоциклиста». Хозяин возьмет вновь прибывшего гостя за руку и скажет, показывая на проломленную стену: «Сюда. Сюда он врезался на скорости сто двадцать миль в час и пробил здание насквозь. Земля дрогнула, когда он ворвался в кухню, увлекая за собою четыреста тридцать два кирпича...» Хорошая вещь — реклама, подумал я, поднимаясь по ступенькам. Приду вот

сейчас к себе в номер, а за моим столом расселся скелет с дымящейся трубкой в зубах, и перед ним фирменная настойка на мухоморах, три кроны литр.

Посередине холла стоял невообразимо длинный и очень сутулый человек в черном фраке с фалдами до пят. Заложив руки за спину, он строго выговаривал тощему гибкому существу неопределенного пола, изящно развалившемуся в глубоком кресле. У существа было маленькое бледное личико, наполовину скрытое огромными черными очками, масса черных спутанных волос и пушистый красный шарф.

Когда я закрыл за собою дверь, длинный человек замолчал и повернулся ко мне. У него оказался галстук бабочкой и благороднейших очертаний лицо, украшенное аристократическим носом. Такой нос мог быть только у одного человека, и этот человек не мог не быть той самой знаменитостью. Секунду он разглядывал меня, словно бы в недоумении, затем двинулся мне навстречу, протягивая узкую белую ладонь.

— Дю Барнстокр, — почти пропел он. — К вашим услугам.

— Неужели тот самый дю Барнстокр? — с искренней почтительностью осведомился я, пожимая его руку.

— Тот самый, сударь, тот самый, — произнес он. — С кем имею честь?

Я отрекомендовался, испытывая какую-то дурацкую робость, которая нам, полицейским чиновникам, вообще-то несвойственна. Ведь с первого же взгляда было ясно, что такой человек не может не скрывать доходов и налоговые декларации заполняет туманно.

— Какая прелесть! — пропел вдруг дю Барнстокр, хватая меня за лацкан. — Где вы это нашли? Брюн, дитя мое, взгляните, какая прелесть!

В пальцах у него оказалась синенькая фиалка. И запах-ло фиалкой. Я заставил себя поаплодировать, хотя таких вещей не люблю. Существо в кресле зевнуло во весь маленький рот и закинуло одну ногу на подлокотник.

— Из рукава, — заявило оно хриплым басом. — Хилая работа, дядя.

— Из рукава! — грустно повторил дю Барнстокр. — Нет, Брюн, это было бы слишком элементарно. Это действительно была бы, как вы выражаетесь, хилая работа. Хилая и недостойная такого знатока, как господин Глебски.

Он положил фиалку на раскрытую ладонь, поглядел на нее, задрав брови, и фиалка пропала. Я закрыл рот и потряс головой. У меня не было слов.

— Вы мастерски владеете лыжами, господин Глебски,— сказал дю Барнстокр.— Я следил за вами из окна. И надо сказать, получил истинное наслаждение.

— Ну что вы,— пробормотал я.— Так, бегал когда-то...

— Дядя,— воззвало вдруг существо из недр кресла.— Сотворите лучше сигаретку.

Дю Барнстокр, казалось, спохватился.

— Да! — сказал он.— Позвольте представить вам, господин Глебски: это Брюн, единственное дитя моего дорогого покойного брата... Брюн, дитя мое!

Дитя неохотно выбралось из кресла и приблизилось. Волосы у него были богатые, женские, а впрочем, может быть, и не женские, а, так сказать, юношеские. Ноги, затянутые в эластик, были тощие, мальчишеские, а впрочем, может быть, совсем наоборот — стройные девичьи. Куртка же была размера на три больше, чем требовалось. Одним словом, я бы предпочел, чтобы дю Барнстокр представил чадо своего дорогого покойника просто как племянницу или племянника. Дитя равнодушно улыбнулось мне розовым нежным ртом и протянуло обветренную исцарапанную руку

— Хорошо мы вас шуганули? — осведомилось оно синло.— Там, на дороге...

— Мы? — переспросил я.

— Ну, не мы, конечно. Буцефал. Он это умеет... Все очки ему залепил,— сообщило оно дяде.

— В данном случае,— любезно пояснил дю Барнстокр,— Буцефал не есть легендарный конь Александра Македонского. В данном случае Буцефал — это мотоцикл, безобразная и опасная машина, которая медленно убивает меня на протяжении двух последних лет и в конце концов, как я чувствую, вгонит меня в гроб.

— Сигаретку бы,— напомнило дитя.

Дю Барнстокр удрученно покачал головой и беспомощно развел руки. Когда он их свел опять, между пальцами у него дымилась сигарета, и он протянул ее чаду. Чадо затаилось и капризно-буркнуло:

— Опять с фильтром...

— Вы, наверное, захотите принять душ после вашей-

го броска, — сказал мне дю Барнстокр. — Скоро обед...

— Да, — сказал я. — Конечно. Прошу прощения.

Для меня было большим облегчением удрать от этой компании. Я не чувствовал себя в форме. Меня застали врасплох. Все-таки знаменитый фокусник на арене — это одно, а знаменитый фокусник в частной жизни — это совсем другое. Я кое-как откланялся и пошел шагать через три ступеньки на свой этаж.

В коридоре по-прежнему было пусто, где-то в отдалении по-прежнему сухо пощелкивали бильярдные шары. Проклятый душ был по-прежнему заперт. Я кое-как умылся у себя в номере, переоделся и, взяв сигарету, завалился на диван. Мною овладела приятная истома, и на несколько минут я даже задремал. Разбудил меня чей-то взвизг и зловеющий рыдающий хохот в коридоре. Я подскочил. В ту же минуту в дверь постучали, и голос Кайсы промяукал: «Кушать, пожалуйста!» Я откликнулся в том смысле, что да-да, сейчас иду, и спустил ноги с дивана, на шаривая туфли. «Кушать, пожалуйста!» — донеслось издали, а потом еще раз: «Кушать, пожалуйста!», а потом снова короткий визг и призрачный хохот. Мне даже послышалосьбряканье ржавых цепей.

Я причесался перед зеркалом, опробовал несколько выражений лица, как-то: рассеянное любезное внимание; мужественная замкнутость профессионала; простодушная готовность к любым знакомствам и ухмылка типа «гы». Ни одно выражение не показалось мне подходящим, поэтому я не стал далее утруждать себя, сунул в карман сигареты и вышел в коридор. Выйдя, я остоленел.

Дверь номера напротив была распахнута. В проеме, у самой притолоки, упираясь ступнями в одну филенку, а спиной — в другую, висел молодой человек. Поза его при всей неестественности казалась вполне непринужденной. Он глядел на меня сверху вниз, скалил длинные желтоватые зубы и отдавал по-военному честь.

— Здравствуйте, — сказал я, помолчав. — Вам помочь?

Тогда он мягко, как кошка, спрыгнул на пол и, продолжая отдавать честь, встал передо мною во фронт.

— Честь имею, инспектор, — сказал он. — Разрешите представиться: старший лейтенант от кибернетики Симон Симонэ.

— Вольно, — сказал я, и мы пожали друг другу руки.

— Собственно, я физик, — сказал он. — Но «от кибернетики» звучит почти так же плавно, как «от инфантерии». Получается смешно. — И он неожиданно разразился тем самым ужасным рыдающим хохотом, в котором чудились сырые подземелья, невыводимые кровавые пятна и звон ржавых цепей на прикованных скелетах.

— Что вы там делали наверху? — спросил я, преодолевая оторопь.

— Тренировался, — отвечал он. — Я ведь альпинист...

— Погибший? — сострил я и сейчас же пожалел об этом, потому что он снова обрушил на меня лавину своего замогильного хохота.

— Неплохо, неплохо для начала, — проговорил он, вытирая глаза. — Нет, я еще живой. Я приехал сюда полазать по скалам, но никак не могу до них добраться. Вокруг снег. Вот я и лазаю по дверям, по стенам... — Он вдруг замолчал и взял меня под руку. — Собственно говоря, — сказал он, — я приехал сюда проветриться. Переутомление. Проект «Мидас», слышали? Совершенно секретно. Четыре года без отпуска. Вот врачи и прописали мне курс чувственных удовольствий. — Он снова захохотал, но мы уже дошли до столовой. Оставив меня, он устремился к столику, где были расставлены закуски. — Держитесь за мной, инспектор, — гаркнул он на бегу. — Торопитесь, а не то друзья и близкие Погибшего съедят всю икру...

Столовая была большая, в пять окон. Посередине стоял огромный овальный стол персон на двадцать; роскошный, почерневший от времени буфет сверкал серебряными кубками, многочисленными зеркалами и разноцветными бутылками; скатерть на столе была крахмальная, посуда — прекрасного фарфора, приборы — серебряные, с благородной чернью. Но при всем при том порядки здесь, видимо, были самые демократические. На столике для закусок красовались закуски — хватай, что успеешь. На другой столик, поменьше, Кайса водружала фаянсовые лохани с овощным супом и бульоном — сам выбирай, сам наливай. Для желающих освежиться существовала буфетная батарея — бренди, ирландский джин, пиво и фирменная настойка на лепестках эдельвейса, как утверждал Згут.

За столом уже сидели дю Барнстокр и чадо его покойно-

го брата. Дю Барнстокр изящно помешивал серебряной ложечкой в тарелке с бульоном и укоризненно косился на чадо, которое, растопылив на столе локти, уплетало овощной суп.

Во главе стола царил незнакомая мне дама ослепительной и странной красоты. Лет ей было не то двадцать, не то сорок, нежные смугло-голубоватые плечи, лебединая шея, огромные полужакрытые глаза с длинными ресницами, пепельные, высоко взбитые волосы, бесценная диадема — это была, несомненно, госпожа Мозес, и ей, несомненно, было не место за этим простоватым табльдотом. Таких женщин я видел раньше только на фото в великосветских журналах и в супербоевиках.

Хозяин, оглянув стол, уже направлялся ко мне с подносом в руке. На подносыке в хрустальной граненой рюмке жутко голубела настойка.

— Боевое крещение! — объявил хозяин, приблизившись. — Набирайте закуску поострее.

Я повиновался. Я положил себе маслин и икры. Потом я посмотрел на хозяина и положил пикуль. Потом я посмотрел на настойку и выдавил на икру пол-лимона. Все смотрели на меня. Я взял рюмку, выдохнул воздух (еще пару затхлых кабинетов и коридоров) и вылил настойку в рот. Я содрогнулся. Все смотрели на меня, поэтому я содрогнулся только мысленно и откусил половину пикуля. Хозяин крикнул. Симонэ тоже крикнул. Госпожа Мозес произнесла хрустальным голосом: «О! Это настоящий мужчина». Я улыбнулся и засунул в рот вторую половину пикуля, горько сожалея, что не бывает пикулей величиной с дыню. «Дает!» — отчетливо произнесло чадо.

— Госпожа Мозес! — произнес хозяин. — Разрешите представить вам инспектора Глебски.

Пепельная башня во главе стола чуть качнулась, поднялись и опустились чудные ресницы.

— Господин Глебски! — сказал хозяин. — Госпожа Мозес.

Я поклонился. Я бы с удовольствием согнулся пополам, так у меня пекло в животе, но она улыбнулась, и мне сразу полегчало. Скромно отвернувшись, я покончил с закуской и отправился за супом. Хозяин усадил меня напротив Барнстокров, так что справа от меня, к сожалению слишком далеко, оказалась госпожа Мозес, а слева, к сожалению

слишком близко, оказался унылый шалун Симонэ, готовый в любую минуту разразиться жутким хохотом.

Разговор за столом направлял хозяин. Говорили о загадочном и непознанном, а точнее — о том, что в отеле происходят в последние дни странные вещи. Меня, как новичка, посвятили в подробности. Дю Барнстокр подтвердил, что действительно два дня назад у него пропали туфли, которые обнаружили только к вечеру в номере-музее. Симонэ, похохатывая, сообщил, что кто-то читает его книги — по преимуществу специальную литературу — и делает на полях пометки — по преимуществу совершенно безграмотные. Хозяин, заходясь от удовольствия, поведал о сегодняшнем случае с дымящейся трубкой и газетой и добавил, что ночами кто-то бродит по дому. Он слышал это своими ушами и один раз даже видел белую фигуру, скользнувшую от входной двери через холл по направлению к лестнице. Госпожа Мозес, несколько не чинясь, охотно подтвердила эти сообщения и добавила, что вчера ночью кто-то заглянул к ней в окно. Дю Барнстокр тоже подтвердил, что кто-то ходит, но лично он считает, что это всего лишь наша добрая Кайса, так ему во всяком случае показалось. Хозяин заметил, что это совершенно исключено, а Симон Симонэ похвастался, будто он вот спит по ночам как мертвый и ничего такого не слышал. Но он уже дважды замечал, что лыжные ботинки его постоянно пребывают в мокром состоянии, как будто кто-то ночью бежит в них по снегу. Я, потешаясь про себя, рассказал про случай с пепельницей и сенбернардом, а чадо хрипло объявило — к сведению всех присутствующих, — что оно, чадо, в общем ничего особенного против этих штучек-дрючек не имеет, оно к этим фокусам-покусам привыкло, но совершенно не терпит, когда посторонние валяются на его, чадиной, постели. При этом оно так целиком в меня своими окулярами, что я порадовался, что приехал только сегодня.

Атмосферу сладкой жути, воцарившуюся за столом, нарушил господин физик.

— Приезжает как-то один штабс-капитан в незнакомый город, — объявил он. — Останавливается в гостинице и велит позвать хозяина...

Внезапно он замолчал и огляделся.

— Пардон, — произнес он. — Я не уверен, что в присутствии дам, — тут он поклонился в сторону госпожи Мо-

зес, — а также юно... э-э... юношества, — он посмотрел на чадо, — э-э...

— А, дурацкий анекдот, — сказала чадо с пренебрежением. — «Все прекрасно, но не делится пополам». Этот?

— Именно! — воскликнул Симонэ и разразился хохотом.

— Делится пополам? — улыбаясь, спросила госпожа Мозес.

— Не делится! — сердито поправило чадо.

— Ах, не делится? — удивилась госпожа Мозес. — А что именно не делится?

Дитя открыло было рот, но дю Барнстокр сделал неуловимое движение, и рот оказался заткнут большим румяным яблоком, от которого дитя тут же сочно откусило.

— В конце концов удивительное происходит не только в нашем отеле, — сказал дю Барнстокр. — Достаточно вспомнить, например, о знаменитых летающих неопознанных объектах...

Чадо с грохотом отодвинуло стул, поднялось и, продолжая хрустеть яблоком, направилось к выходу. Черт знает что! То вдруг чудилось в этой стройной ладной фигуре молоденькая прелестная девушка. Но стоило смягчиться душою, и девушка пропадала, а вместо нее самым непристойным образом появлялся расхлябанный нагловатый подросток — из тех, что разводят блох на пляжах и накачивают себя наркотиками в общественных уборных. Я все размышлял, у кого бы спросить, мальчик это, черт возьми, или девочка, а дю Барнстокр продолжал журчать:

— ...Джордано Бруно, господа, был сожжен не зря. Космос, несомненно, обитаем не только нами. Вопрос лишь в плотности распределения разума во Вселенной. По оценкам различных ученых — господин Симонэ поправит меня, если я ошибаюсь, — только в нашей Галактике может существовать до миллиона обитаемых солнечных систем. Если бы я был математиком, господа, я бы на основании этих данных попытался установить вероятность хотя бы того, что наша Земля является объектом чьего-то научного внимания...

Самого дю Барнстокра спросить как-то неловко, размышлял я. К тому же он, по-моему, и сам не знает. Откуда ему знать? Дитя и дитя. И дело с концом. Любезному хозяину наверняка наплевать. Кайса глупа. У Симонэ спро-

свить — пережить лишний вал загробного веселья... Впрочем, что это я? Мне-то какое до этого дело?.. Жаркого еще взять, что ли?.. Кайса, конечно, глупа, но в кулинарии толк знает...

— ...Согласитесь, — журчал дю Барнстокр, — мысль о том, что чужие глаза внимательно и прилежно изучают нашу старушку-планету через бездны Космоса, — эта мысль уже сама по себе занимает воображение...

— Подсчитал, — сказал Симонэ. — Если они умеют отличать населенные системы от ненаселенных и наблюдают только населенные, то это будет единица минус «е» в степени минус единица.

— Неужели так и будет? — сдержанно ужаснулась госпожа Мозес, одаряя Симонэ восхищенной улыбкой.

Симонэ заржал. Он даже на стуле задвигался. Глаза его увлажнились.

— Сколько же это будет в численном выражении? — осведомился дю Барнстокр, переждав сей акустический налет.

— Приблизительно две трети, — ответил Симонэ, вытирая глаза.

— Но это же огромная вероятность! — с жаром сказал дю Барнстокр. — Я понимаю это так, что мы почти наверняка являемся объектом наблюдения!

Тут дверь в столовую за моей спиной загрохотала и задребезжала, как будто ее толкали плечом с большой силой.

— На себя! — крикнул хозяин. — На себя, пожалуйста!

Я обернулся, и в ту же секунду дверь распахнулась. На пороге появилась удивительная фигура. Массивный пожилой мужчина с совершенно бульдожьим лицом, облаченный в какое-то нелепое подобие средневекового камзола цвета семги с полами до колен. Под камзолом виднелись форменные брюки с золотыми генеральскими лампасами. Одну руку он держал за спиной, а другой сжимал высокую металлическую кружку.

— Ольга! — прорычал он, глядя перед собой мутными глазами. — Супу!

Возникла короткая суета. Госпожа Мозес с какой-то недостойной торопливостью бросилась к столу с супами, хозяин отвалился от буфета и принялся совершать руками движения, означающие готовность всячески услужить, Симонэ поспешно набил рот картофелем и выкатил глаза,

чтобы не загоготать, а господин Мозес — ибо, несомненно, это был он, — торжественно вздрагивая щеками, пронес свою кружку к стулу напротив госпожи Мозес и там уселся, едва не промахнувшись мимо сиденья.

— Погода, господа, нынче — снег, — объявил он. Госпожа Мозес поставила перед ним суп, он сурово заглянул в тарелку и отхлебнул из кружки. — О чем речь? — осведомился он.

— Мы обсуждали здесь возможность посещения Земли визитерами из космического пространства, — пояснил дю Барнстокр, приятно улыбаясь.

— Что это вы имеете в виду? — спросил господин Мозес, с огромным подозрением уставясь поверх кружки на дю Барнстокра. — Не ожидал этого от вас, Барн... Барл... дю!

— О, это чистая теория! — легко воскликнул дю Барнстокр. — Господин Симонэ подсчитал нам вероятность...

— Вздор, — сказал господин Мозес. — Чепуха. Математика — это не наука... А это кто? — спросил он, выкатывая на меня правый глаз. Мутный какой-то глаз, нехороший.

— Позвольте представить, — поспешно сказал хозяин. — Господин Мозес — господин инспектор Глебски. Господин Глебски — господин Мозес.

— Инспектор... — проворчал Мозес. — Фальшивые квитанции, подложные паспорта... Так вы имейте в виду, Глебски, у меня паспорта не подложные. Память хорошая?

— Не жалуюсь, — сказал я.

— Ну так вот, не забывайте. — Он снова строго посмотрел в тарелку и отхлебнул из кружки. — Хороший суп сегодня, — сообщил он. — Ольга, убери это и дай какого-нибудь мяса. Но что же вы замолчали, господа? Продолжайте, продолжайте, я слушаю.

— По поводу мяса, — сейчас же сказал Симонэ. — Некий чревоугодник заказал в ресторане филе...

— Филе. Так! — одобрительно сказал господин Мозес, пытаясь разрезать жаркое одной рукой. Другую руку он не отнимал от кружки.

— Официант принял заказ, — продолжал Симонэ, — а чревоугодник в ожидании любимого блюда разглядывает девиц на эстраде...

— Смешно, — сказал господин Мозес. — Очень смешно пока. Соли маловато. Ольга, подай сюда соль. Ну-с?

Симонэ заколебался.

— Пардон,— сказал он нерешительно.— У меня тут появились сильнейшие опасения...

— Так. Опасения,— удовлетворенно повторил господин Мозес.— А дальше?

— Все,— сказал с унынием Симонэ и откинулся на спинку стула.

Мозес воззрился на него.

— Как — все? — спросил он с негодованием.— Но ему принесли филе?

— М-м... Собственно... Нет,— сказал Симонэ.

— Это наглость,— сказал Мозес.— Надо было вызвать метрдотеля.— Он с отвращением отодвинул от себя тарелку.— На редкость неприятную историю вы рассказали нам, Симонэ.

Уж какая есть,— сказал Симонэ, бледно улыбаясь.

Мозес отхлебнул из кружки и повернулся к хозяину.

Сневар,— сказал он,— вы нашли негодяя, который крадет туфли? Инспектор, вот вам работа. Займитесь-ка на досуге. Все равно вы здесь бездельничаете. Какой-то негодяй крадет туфли и заглядывает в окна.

Я хотел было ответить, что займусь обязательно, но тут чадо завело под самыми окнами своего Буцефала. Стекла в столовой задребезжали, разговаривать стало затруднительно. Все уткнулись в тарелки, а дю Барнстокр, прижав растопыренную пятерню к сердцу, расточал направо и налево немые извинения. Потом Буцефал взревел совсем уж невыносимо, за окнами взлетело облако снежной пыли, рев стремительно удалился и превратился в едва слышное жужжание.

— Совершенно как на Ниагаре,— прозвенел хрустальный голосок госпожи Мозес.

— Как на ракетодроме! — возразил Симонэ.— Зверская машина.

Кайса на цыпочках приблизилась к господину Мозесу и поставила перед ним графин с ананасным сиропом. Мозес благосклонно посмотрел на графин и отхлебнул из кружки.

— Инспектор,— произнес он,— а что вы думаете по поводу этих краж?

— Я думаю, что это шутки кого-то из присутствующих,— ответил я.

— Странная мысль,— неодобрительно сказал Мозес.

— Нисколько, — возразил я. — Во-первых, во всех этих действиях не усматривается никаких иных целей, кроме мистификации. Во-вторых, собака ведет себя так, словно в доме только свои.

— О да! — произнес хозяин глухим голосом. — Конечно, в доме только свои. Но он был для Леля не просто своим. Он был для него богом, господом!

Мозес уставился на него.

— Кто ОН? — спросил он строго.

— ОН. Погибший.

— Как интересно! — прошебетала госпожа Мозес.

— Не забивайте мне голову, — сказал Мозес хозяину. — А если вы знаете, кто занимается этими вещами, то посоветуйте — действительно посоветуйте! — ему прекратить. Вы меня понимаете? — Он обвел нас налитыми глазами. — Иначе я тоже начну шутить! — рявкнул он.

Воцарилось молчание. По-моему, все пытались представить себе, чем все это кончится, если Мозес тоже начнет шутить. Не знаю, как у других, а у меня картина получилась очень уж безотрадная. Мозес разглядывал каждого из нас по очереди, не забывая прихлебывать из кружки. Совершенно невозможно было понять, кто он таков и что здесь делает. И почему на нем этот шутовской лапсердак? (Может быть, он уже начал шутить?) И что у него в кружке? И почему она у него все время словно бы полна, хотя он на моих глазах уже прикладывался к ней раз пятьдесят, и весьма основательно?

Потом госпожа Мозес отставила тарелку, приложила к губам салфетку и, подняв глаза к потолку, сообщила:

— Ах, как я люблю красивые закаты! Этот пир красок!

Я немедленно ощутил сильнейший позыв к одиночеству. Я встал и сказал твердо:

— Благодарю вас, господи. До ужина.

Г Л А В А

3

— Представления не имею, кто он такой, — произнес хозяин. — Записался он у меня в книге коммерсантом, путешествуя по собственной надобности. Но он не ком-

мерсанта. Полоумный алхимик, волшебник, изобретатель... но только не коммерсанта.

Мы сидели в каминной. Жарко полыхал уголь, кресла были старинные, настоящие, надежные. Кофе был горячий, с лимоном, ароматный. Полутьма была уютная, красноватая, совершенно домашняя. На дворе начиналась пурга, в каминной трубе посвистывало. В доме было тихо, только временами издалека, как с кладбища, доносились взрывы рыдающего хохота да резкие, как выстрелы, трески удачных клапшtosов. На кухне Кайса позвякивала кастрюлями.

— Коммерсанты обычно скупы, — продолжал хозяин задумчиво. — А господин Мозес не скуп, нет. «Могу ли я осведомиться, — спросил я его, — чьей рекомендации обязан я честью вашего посещения?» Вместо ответа он вытащил из бумажника стокроновый билет, поджег его зажигалкой, раскурил от него сигарету и, выпустив дым мне в лицо, ответил: «Я — Мозес, сударь. Альберт Мозес! Мозес не нуждается в рекомендациях. Мозес везде и всюду дома». Что вы на это скажете?

Я подумал.

— У меня был знакомый фальшивомонетчик, который вел себя примерно так же, когда у него спрашивали документы, — сказал я.

— Отпадает, — с удовольствием сказал хозяин. — Билеты у него настоящие.

— Значит, взбесившийся миллионер.

— То, что он миллионер, это ясно, — сказал хозяин. — А вот кто он такой? Путешествует по собственной надобности... По моей долине не путешествуют. У меня здесь ходят на лыжах или лазят по скалам. Здесь тупик. Отсюда никуда нет дороги.

Я совсем лег в кресло и скрестил ноги. Было необычайно приятно расположиться таким вот образом и с самым серьезным видом размышлять, кто такой господин Мозес.

— Ну хорошо, — сказал я. — Тупик. А что делает в этом тупике знаменитый господин дю Барнстокр?

— О, господин дю Барнстокр — это совсем другое дело. Он приезжает ко мне ежегодно вот уже тринадцатый год подряд. Впервые он присхал еще тогда, когда отель назывался просто «Шалаш». Он без ума от моей настойки. А господин Мозес, осмелюсь заметить, за все время не взял у меня ни бутылки.

Я значительно хмыкнул и отхлебнул кофе.

— Изобретатель, — решительно сказал хозяин. — Изобретатель или волшебник.

— Вы верите в волшебников, господин Сневар?

— Алек, если вам будет угодно. Просто Алек.

Я поднял чашечку и сделал еще один хороший глоток в честь Алека.

— Тогда зовите меня просто Петер, — сказал я.

Хозяин торжественно кивнул и сделал хороший глоток в честь Петера.

— Верю ли я в волшебников? — сказал он. — Я верю во все, что могу себе представить, Петер. В волшебников, в господа бога, в дьявола, в привидения... в летающие тарелки... Раз человеческий мозг может все это вообразить, значит, все это где-то существует, иначе зачем бы мозгу такая способность?

— Вы философ, Алек.

— Да, Петер, я философ. Я поэт, философ и механик. Вы видели мои вечные двигатели?

— Нет. Они работают?

— Иногда. Мне приходится часто останавливать их, слишком быстро изнашиваются детали... Кайса! — заорал он вдруг так, что я вздрогнул. — Еще чашечку кофе господину инспектору!

Вошел сенбернар, обнюхал нас, с сомнением поглядел на огонь, отошел к стене и с грохотом обрушился на пол.

— Лель, — сказал хозяин. — Иногда я завидую этому псу. Он многое, очень многое видит и слышит, когда бродит ночами по коридорам. Он мог бы многое рассказать нам, если бы умел. И если бы захотел, конечно.

Появилась Кайса, очень румяная и слегка растрепанная. Она подала мне кофе, сделала книксен, хихикнула и удалилась.

— Пышечка, — пробормотал я машинально. Хозяин добродушно хохотнул.

— Неотразима, — признал он. — Даже господин дю Барнстокр не удержался и ущипнул ее вчера. А уж что делается с нашим физиком...

— По-моему, наш физик имеет в виду прежде всего госпожу Мозес, — возразил я.

— Госпожа Мозес... — задумчиво произнес хозяин. — А вы знаете, Петер, у меня есть довольно веские основания

предполагать, что никакая она не госпожа и не Мозес.

Я не возражал. Подумаешь...

— Вы, вероятно, уже заметили,— продолжал хозяин,— что она гораздо глупее Кайсы. И потом...— Он понизил голос.— По-моему, Мозес ее бьет.

Я вздрогнул.

— Как — бьет?

— По-моему, плеткой. У Мозеса есть плетка. Арапник. Едва я его увидел, как сразу задал себе вопрос: зачем господину Мозесу арапник? Вы можете ответить на этот вопрос?

— Ну, знаете, Алек...— сказал я.

— Я не настаиваю,— сказал хозяин.— Я ни на чем не настаиваю. И вообще о господине Мозесе заговорили вы, я бы никогда не позволил себе первым коснуться такого предмета. Я говорил о нашем великом физике.

— Ладно,— согласился я.— Поговорим о великом физике.

— Он гостит у меня не то третий, не то четвертый раз,— сказал хозяин,— и с каждым разом приезжает все более великим.

— Подождите,— сказал я.— Кого вы, собственно, имеете в виду?

— Господина Симонэ, разумеется. Неужели вы никогда раньше не слыхали этого имени?

— Никогда,— сказал я.— А что, он попадался на подлогах багажных квитанций?

Хозяин посмотрел на меня укоризненно.

— Героев национальной науки надо знать,— строго сказал он.

— Вы серьезно? — осведомился я.

— Абсолютно.

— Этот унылый шалун — герой национальной науки?

Хозяин покивал.

— Да,— сказал он.— Я понимаю вас... Конечно... Прежде всего манеры, а потом уже все остальное... Впрочем, вы правы. Господин Симонэ служит для меня неиссякаемым источником размышлений о разительном несоответствии между поведением человека, когда он отдыхает, и его значением для человечества, когда он работает.

— Гм...— произнес я. Это было почище арапника.

— Я вижу, вы не верите,— сказал хозяин.— Но должен вам заметить...

Он замолчал, и я почувствовал, что в каминной появился еще кто-то. Пришлось повернуть голову и скосить глаза. Это было единственное дитя покойного брата господина дю Барнстокра. Оно возникло совершенно неслышно и теперь сидело на короточках рядом с Лелем и гладило собаку по голове. Багровые блики от раскаленных углей светились в огромных черных очках. Дитя было какое-то очень одинокое, всеми забытое и маленькое. И от него исходил едва заметный запах пота, хороших духов и бензина.

— Метель какая... — сказала оно тоненьким жалобным голоском.

— Брюн, — сказал я. — Дитя мое. Снимите на минутку ваши ужасные очки.

— Зачем? — жалобно спросило чадо.

Действительно, зачем? — подумал я и сказал:

— Я хотел бы увидеть ваше лицо.

— Это совершенно не нужно, — сказала чадо, вздохнуло и попросило: — Дайте, пожалуйста, сигаретку.

Ну, конечно же, это была девушка. Очень милая девушка. И очень одинокая. Это ужасно — в таком возрасте быть одиноким. Я поднес ей пачку с сигаретами, я щелкнул зажигалкой, я поискал, что сказать, и не нашел. Конечно, это была девушка. Она и курила, как девушка — короткими нервными затяжками.

— Как-то мне страшно, — сказала она. — Кто-то трогал ручку моей двери.

— Ну-ну, — сказал я. — Наверное, это был ваш дядя.

— Нет, — возразила она. — Дядя спит. Уронил книжку на пол и лежит с открытым ртом. И мне почему-то показалось, что он умер...

— Чашечку кофе, Брюн? — сказал хозяин глухим голосом. Кофе не помешает в такую ночь, а, Брюн?

— Не хочу, — сказала Брюн и передернула плечами. — Вы еще долго будете здесь сидеть?

У меня сил не стало слушать этот жалобный голос.

— Черт возьми, Алек, — сказал я. — Вы хозяин или нет? Неужели нельзя приказать Кайсе провести ночь с бедной девушкой?

— Эта идея мне нравится, — сказала дитя, оживившись. — Кайса — это как раз то, что надо. Кайса или что-нибудь в этом роде.

Я в замешательстве поперхнулся, а дитя вдруг выпус-

тило в камин длинный точный плевок и отправило следом окурок.

— Машина, — сказало оно сиплым басом. — Слышите?

Хозяин поднялся, подхватил меховой жилет и направился к выходу. Я устремился за ним.

На дворе бушевала настоящая метель. Перед крыльцом стояла большая черная машина, возле нее в отсветах фар размахивали руками и ругались.

— Двадцать крон! — вопили фальцетом. — Двадцать крон и ни грошом меньше! Черт бы вас подрал, вы что, не видели, какая дорога?

— Да за двадцать крон я куплю тебя вместе с твоим драндулетом! — визжали в ответ.

Хозяин ринулся с крыльца.

— Господа! — загудел его мощный голос. — Это все пустяки!..

— Двадцать крон! Мне еще назад возвращаться!..

— Пятнадцать и ни гроша больше! Вымогатель! Дай мне твой номер, я запишу!

— Скупердай ты, вот и все! Из-за пятерки удавиться готов!..

Мне стало холодно, и я вернулся к камину. Ни собаки, ни чада здесь уже не было. Это меня огорчило. Я направился в буфетную. В холле я задержался — дверь распахнулась, и на пороге появился громадный, залепленный снегом человек с чемоданом в руке. Он сказал «бр-р-р», мощно встряхнулся и оказался светловолосым викингом. Румяное лицо его было мокрое, на ресницах белым пухом лежали снежинки. Заметив меня, он коротко улыбнулся, показав ровные чистые зубы, и произнес приятным баритоном:

— Олаф Андварафорс. Можно просто Олаф!

Я тоже представился. Дверь снова распахнулась, появился хозяин с двумя баулами, а за ним — маленький, закутанный до глаз человечек, тоже весь залепленный снегом и очень недовольный.

— Проклятые хапуги! — говорил он с истерическим надрывом. — Подрядились за пятнадцать. Ясно, кажется, — по семь с половиной с носа. Почему двадцать? Что за чертовы порядки в этом городишке? Я, черт побери, в полицию его сволоку!..

— Господа, господа!.. — приговаривал хозяин. — Все это пустяки... Прошу вас сюда, налево... Господа!..

Маленький человечек, продолжая кричать про разбитые в кровь физиономии и про полицию, дал себя увлечь в контору, а викинг Олаф пробасил: «Скряга...» — и принялся оглядываться с таким видом, словно ожидал здесь обнаружить толпу встречающих.

— Кто он такой? — спросил я.

— Не знаю. Взяли одно такси. Другого не было.

Он замолчал, глядя через мое плечо. Я оглянулся. Ничего особенного там не было. Только чуть колыхалась портьера, закрывающая вход в коридор, который вел в каминную и к номерам Мозеса. Наверное, от сквозняка.

Г Л А В А

4

К утру метель утихла. Я поднялся на рассвете, когда отель еще спал, выскочил в одних трусах на крыльцо и, крикая и вскрикивая, хорошенько обтерся свежим пушистым снегом, чтобы встряхнуться от сна. Солнце едва высунилось из-за хребта на востоке, и длинная синяя тень отеля протянулась через долину. Я заметил, что третье окно справа на втором этаже распахнуто настежь. Видимо, кто-то даже ночью пожелал вдохнуть целебный горный воздух.

Я вернулся к себе, оделся, запер дверь на ключ и сбежал в буфетную. Кайса, красная, распаренная, уже возилась на кухне у пылающей плиты. Она поднесла мне кружку какао и сэндвич, и я уничтожил все это, стоя тут же в буфетной и слушая краем уха, как хозяин мурлыкает какую-то песенку у себя в мастерских. Только бы никого не встретить, думал я. Утро слишком хорошо для двоих. Думая об этом утре, об этом ясном небе, о золотом солнце, о пустой пушистой долине, я чувствовал себя таким же скрягой, как давешний, закутанный до бровей в шубу человечиска, закативший скандал из-за пяти крон. (Хинкус, ходатай по делам несовершеннолетних, в отпуске по болезни.) И я никого не встретил, кроме сенбернара Леля, который с доброжелательным безразличием наблюдал, как я застегиваю крепления, и утро, ясное небо, золотое солнце, пушистая белая долина — все это досталось мне одному.

Когда, совершив десятимильную пробежку к реке и

обратно, я вернулся в отель перекусить, жизнь там уже была ключом. Все население вывалило погреться на солнышке. Чадо со своим Буцефалом на радость зрителям вспарывало и потрошило свежие сугробы — от обоих валил пар. Ходатай по делам несовершеннолетних, оказавшийся вне шубы жилистым остролицым типчиком лет тридцати пяти, гикая, описывал на лыжах сложные восьмерки вокруг отеля, не удаляясь, впрочем, слишком далеко. Сам господин дю Барнстокр взгромоздился на лыжи и был уже весь вывалян в снегу, как неимоверно длинная и истощенная снежная баба. Что же касается викинга Олафа, то он демонстрировал танцы на лыжах, и я почувствовал себя несколько уязвленным, когда понял, что это — настоящий умелец. С плоской крыши на все это взирали блистательная госпожа Мозес в изящной меховой пелерине, господин Мозес в своем камзоле и с неизменной кружкой в руке и хозяин, что-то им втолковывающий. Я искал глазами господина Симонэ. Великий физик тоже должен был быть где-то здесь — ржание и лай его я услышал мили за три от отеля. И он был здесь — висел на верхушке совершенно гладкого телефонного столба и отдавал мне честь.

Меня вообще приветствовали очень тепло. Господин дю Барнстокр поведал мне, что у меня появился достойный соперник, а госпожа Мозес с крыши прозвенела подобно серебряному колокольчику о том, что господин Олаф прекрасен, как возмужалый бог. Это меня кольнуло, и я не замедлил свалить дурака. Когда чадо, которое сегодня, несомненно, было парнем, таким диким ангелом без манер и без морали, предложило гонки на лыжах за мотоциклом, я бросил вызов судьбе и викингу и первым подхватил конец троса.

Десяток лет назад я занимался этим видом спорта, однако тогда мировая промышленность, по-видимому, не выпускала еще Буцефалов, да и сам я был покрепче. Короче говоря, через три минуты я снова оказался перед крыльцом, и вид у меня, вероятно, был неважный, потому что госпожа Мозес спросила, не надо ли меня растереть, господин Мозес ворчливо посоветовал растереть этого гореспортсмена в порошок, а хозяин, мигом очутившийся внизу, заботливо подхватил меня под мышки и стал уговаривать немедленно глотнуть чудодейственной фирменной настойки — «ароматной, крепкой, утоляющей боль и вос-

становливающей душевное равновесие». Господин Симонэ издевательски рыдал и гукал с вершины телефонного столба, господин дю Барнстокр, извиняясь, прижимал к сердцу растопыренную пятерню, а подъехавший ходатай Хинкус, азартно толкаясь и вертя головой, спрашивал у всех, много ли переломов и «куда его унесли».

Пока меня отряхивали, ощупывали, массировали, вытирали мне лицо, выгребали у меня из-за шиворота снег и искали мой шлем, конец троса подхватил Олаф Андварафорс, и тогда меня бросили, чтобы упиться новым зрелищем — действительно, довольно эффектным. Всеми покинутый и забытый, я все еще приводил себя в порядок, а изменчивая толпа восторженно приветствовала нового кумира. Но фортуне, знаете ли, безразлично, кто вы — белокурый бог снегов или стареющий полицейский чиновник. В апогее триумфа, когда викинг уже возвышался у крыльца, картинно опершись на палки и посылая ослепительные улыбки госпоже Мозес, фортуна слегка повернула свое крылатое колесо. Сенбернар Лель деловито подошел к победителю, пристально его обнюхал и вдруг коротким, точным движением поднял лапу прямо ему на пьексы. О большем я и мечтать не мог. Госпожа Мозес взвизгнула, разразился многоголосый взрыв возмущения, и я ушел в дом. По натуре я человек не злорадный, я только люблю во всем справедливость.

В буфетной у Кайсы я не без труда выяснил, что душ в отеле работает только на первом этаже, и поспешил за свежим бельем и полотенцем. Но как я ни спешил, а все же опоздал. Душ оказался уже занят, из-за двери доносился плеск струй и неразборчивое пение. Перед дверью стоял Симонэ, тоже с полотенцем через плечо. Я встал за ним, а за мной сейчас же пристроился господин дю Барнстокр. Симонэ, давясь от смеха, оглядываясь по сторонам, принялся рассказывать анекдот про холостяка, который поселился у вдовы с тремя дочками. Но тут, к счастью, в холле объявилась госпожа Мозес, которая спросила у нас, не проходил ли здесь господин Мозес, ее супруг и повелитель. Господин дю Барнстокр галантно ответил, что, увы, нет. Симонэ впился в госпожу Мозес томным взором, а я прислушался к голосу, доносившемуся из душевой, и высказал предположение, что господин Мозес находится там. Госпожа Мозес встретила это предположение явным недо-

верием. Она улынулась, покачала головой и поведала нам, что в особняке на Рю де Шанель у них две ванны — одна золотая, а другая платиновая, и, когда мы не нашли, что на это ответить, сообщила, что пойдет поищет господина Мозеса в другом месте. Симонэ тут же вызвался сопровождать ее, и мы с дю Барнстокром остались вдвоем. Дю Барнстокр, понизив голос, осведомился, видел ли я досадную сцену, имевшую место между сенбернар Лелем и господином Андварафорсом. Я доставил себе маленькое удовольствие, ответивши, что нет, не видел. Тогда дю Барнстокр описал мне эту сцену со всеми подробностями и, когда я кончил всплескивать руками и сокрушенно цокать языком, скорбно добавил, что наш добрый хозяин совершенно распустил своего пса, ибо не далее как позавчера сенбернар точно так же обошелся в гараже с госпожой Мозес. Я снова всплеснул руками и зацокал языком, на этот раз вполне искренне, но тут к нам присоединился Хинкус, который немедленно принялся раздражаться в том смысле, что деньги вот дерут за двоих, а душ вот работает только один. Господин дю Барнстокр успокоил его: извлек у него из полотенца двух леденцовых петушков на палочке. Хинкус немедленно замолчал и даже, бедняга, переменился в лице. Он принял петушков, сунул их в рот и устался на великого престижиста с ужасом и недоверием. Господин дю Барнстокр, очень довольный произведенным эффектом, пустился развлекать нас умножением и делением в уме многозначных чисел.

А в душе все шумели струи, и только пение прекратилось, сменившись неразборчивым бормотанием. С верхнего этажа, тяжело ступая, сошли рука об руку господин Мозес и опозоренный собакой кумир дня Олаф. Сойдя, они расстались. Господин Мозес, прихлебывая на ходу, унес свою кружку к себе за портьеры, а викинг, не говоря ни слова, встал в наш строй. Я посмотрел на часы. Мы ждали уже больше десяти минут.

Хлопнула входная дверь. Мимо нас, не задерживаясь, пронеслось наверх неслышными скачками чадо, оставив за собой запахи бензина, пота и духов. И тут до моего сознания дошло, что из кухни слышатся голоса хозяина и Кайсы, и какое-то странное подозрение впервые осенило меня. Я в нерешительности устался на дверь душевой.

— Давно стоите? — осведомился Олаф.

— Да, довольно давно,— отозвался дю Барнстокр. Хинкус вдруг неразборчиво что-то пробормотал и, толкнув Олафа плечом, устремился в холл.

— Послушайте,— сказал я.— Кто-нибудь приехал сегодня утром?

— Только вот эти господа,— сказал дю Барнстокр.— Господин Андварафорс и господин... э-э... вот этот маленький господин, который только что ушел...

— Мы приехали вчера вечером,— возразил Олаф.

Я и сам знал, когда они приехали. На секунду в воображении моем возникло видение скелета, мурлыкающего песенки под горячими струями и моющего у себя под мышками. Я рассердился и толкнул дверь. И конечно же, дверь открылась. И конечно же, в душевой никого не было. Шумела пущенная до отказа горячая вода, пар стоял столбом, на крючке висела знакомая брезентовая куртка Погибшего Альпиниста, а на дубовой скамье под нею бормотал и пошвыстывал старенький транзисторный приемник.

— Кэ дьябль! — воскликнул дю Барнстокр.— Хозяин! Подите сюда!

Поднялся шум. Бухая тяжелыми башмаками, прибежал хозяин. Вынырнул, словно из-под земли, Симонэ. Перегнулось через перила чадо с сигаретой, прилипшей к нижней губе. Из холла опасно выглянул Хинкус.

— Это невероятно! — возбужденно говорил дю Барнстокр.— Мы стоим здесь и ждем никак не менее четверти часа, не правда ли, инспектор?

— А у меня опять кто-то на постели валялся,— сообщило сверху чадо.— И полотенце мокрое.

В глазах Симонэ прыгало дьявольское веселье.

— Господа, господа...— приговаривал хозяин, делая успокаивающие жесты. Он заглянул в душевую и прежде всего выключил воду. Затем он снял с крючка куртку, взял приемник и повернулся к нам. Лицо у него было торжественное.— Господа! — произнес он глухим голосом.— Я могу только засвидетельствовать факты. Это ЕГО приемник, господа. И это ЕГО куртка.

— А, собственно, чья...— спокойно начал Олаф.

— ЕГО. Погибшего.

— Я хотел спросить, чья очередь? — по-прежнему спокойно сказал Олаф.

Я молча отстранил хозяина, вошел в душевую и запер

за собой дверь. Уже содрав с себя одежду, я сообразил, что очередь, собственно, не моя, а Симонэ, но никаких угрызений совести не ощутил. Он же и устроил, подумал я со злостью. Пусть теперь постоит. Герой национальной науки. Сколько воды зря пропало... Нет, этих шутников надо ловить. И наказывать. Я вам покажу, как со мной шутки шутить...

Когда я вышел из душевой, публика в холле продолжала обсуждать происшествие. Ничего нового, впрочем, не говорилось, и я не стал задерживаться. На лестнице я миновал чадо, по-прежнему висящее на перилах. «Сумасшедший дом!» — сказало оно мне с вызовом. Я промолчал и пошел прямо к себе в номер.

Под влиянием душа и приятной усталости злость моя совершенно улеглась. Я придвинул к окну кресло, выбрал самую толстую и самую серьезную книгу и уселся, задрав ноги на край стола. На первой же странице я задремал и пробудился, вероятно, часа через полтора — солнце переместилось изрядно, и тень отеля лежала теперь под моим окном. Судя по тени, на крыше сидел человек, и я спросонок подумал, что это, должно быть, великий физик Симонэ прыгает там с трубы на трубу и гогочет. Я снова заснул, потом книга свалилась на пол, я вздрогнул и проснулся окончательно. Теперь на крыше отчетливо виднелись тени двух человек — один, по-видимому, сидел, другой стоял. Загорают, подумал я и отправился умываться. Пока я умывался, мне пришло в голову, что неплохо было бы выпить чашечку кофе для бодрости, да и перекусить не мешало бы слегка. Я вышел в коридор. Было уже что-то около трех.

На лестничной площадке я встретился с Хинкусом. Он спускался по чердачной лестнице, и вид у него был какой-то странный. Он был голый до пояса и лоснился от пота, лицо у него было белое до зелени, глаза не мигали, обеими руками он прижимал к груди ком смятой одежды.

Увидев меня, он сильно вздрогнул и приостановился.

— Загораете? — спросил я из вежливости. — Не сгорите. Вид у вас нездоровый.

Проявив таким образом заботу о ближнем, я, не дожидаясь ответа, пошел вниз. Хинкус топал по ступенькам следом.

— Захотелось вот выпить, — проговорил он хрипловато.

— Жарко? — спросил я, не оборачиваясь.

— Д-да... Жарковато.

— Смотрите, — сказал я. — Мартовское солнце в горах злое.

— Да ничего... Выпью вот, и ничего.

Мы спустились в холл.

— Вы бы все-таки оделись, — посоветовал я. — Вдруг там госпожа Мозес...

— Да, — сказал он. — Натурально. Совсем забыл.

Он остановился и принялся торопливо натягивать рубашку и куртку, а я прошел в буфетную, где получил от Кайсы тарелку с холодным ростбифом, хлеб и кофе. Хинкус, уже одетый и уже не такой зеленый, присоединился ко мне и потребовал чего-нибудь покрепче.

— Симонэ тоже там? — спросил я. Мне пришлось в голову скоротать время за бильярдом.

— Где? — отрывисто спросил Хинкус, осторожно поднося ко рту полную рюмку.

— На крыше.

Рука у Хинкуса дрогнула, бренди потекло по пальцам. Он торопливо выпил, потянул носом воздух и, вытирая рот ладонью, сказал:

— Нет. Никого там нет.

Я с удивлением посмотрел на него. Губы у него были поджаты, он наливал себе вторую рюмку.

— Странно, — сказал я. — Мне почему-то показалось, что Симонэ тоже там, на крыше.

— А вы перекреститесь, чтобы вам не казалось, — грубо ответил ходатай по делам, выпил и налил снова.

— Что это с вами? — спросил я.

Некоторое время он молча смотрел на полную рюмку.

— Так, — сказал он наконец, — неприятности. Могут быть у человека неприятности?

Было в нем что-то жалкое, и я смягчился.

— Да, конечно, — сказал я. — Извините, если я нечаянно...

Он опрокинул третью рюмку и вдруг сказал:

— Послушайте, а вы не хотите позагорать на крыше?

— Да нет, спасибо, — ответил я. — Боюсь сгореть. Кожа чувствительная.

— И никогда не загораете?

— Нет.

Он подумал, взял бутылку, навинтил колпачок.

— Воздух там хорош, — произнес он. — И вид прекрасный. Вся долина, как на ладони... Горы...

— Пойдемте сыграем на бильярде, — предложил я. — Вы играете?

Он впервые посмотрел мне прямо в лицо маленькими больными глазами.

— Нет, — сказал он. — Я уж лучше подышу воздухом.

Затем он снова отвинтил колпачок и налил себе четвертую рюмку. Я доел ростбиф, выпил кофе и собрался уходить. Хинкус тупо разглядывал свою рюмку с бренди.

— Смотрите не свалитесь с крыши, — сказал я ему.

Он криво усмехнулся и ничего не ответил. Я снова поднялся на второй этаж. Стука шаров не было слышно, и я толкнулся в номер Симонэ. Никто не отозвался. Из-за дверей соседнего номера слышались неразборчивые голоса, и я постучался туда. Симонэ там тоже не было. Дю Барнстокр и Олаф, сидя за столом, играли в карты. Посередине стола высилась кучка смятых банкнот. Увидев меня, дю Барнстокр сделал широкий жест и воскликнул:

— Заходите, заходите, инспектор! Дорогой Олаф, вы, конечно, приглашаете господина инспектора.

— Да, — сказал Олаф, не отрываясь от карт. — С радостью. — И объявил пики.

Я извинился и закрыл дверь. Куда же запропастился этот хохотун? И не видно его и, что самое удивительное, не слышно. А впрочем, что мне он? Погоняю шары в одиночку. В сущности никакой разницы нет. Даже еще лучше. Я направился к бильярдной и по дороге испытал небольшой шок. По чердачной лестнице, придерживая двумя пальцами подол длинного роскошного платья, спускалась госпожа Мозес. Увидев меня, она улыбнулась совершенно обворожительно.

— Вы тоже загорали? — ляпнул я, потерявшись.

— Загорала? Я? Что за странная мысль. — Она пересекла площадку и приблизилась ко мне. — Какие странные предположения вы высказываете, инспектор!

— Не называйте меня, пожалуйста, инспектором, — попросил я. — Мне до такой степени надоело слышать это на работе... а теперь еще от вас...

— Я о-бо-жаю полицию, — произнесла госпожа Мозес, закатывая прекрасные глаза. — Эти герои, эти смельчаки... Вы ведь смельчак, не правда ли?

Как-то само собой получилось, что я предложил ей руку и повел ее в бильярдную. Рука у нее была белая, твердая и удивительно холодная.

— Сударыня, — сказал я. — Да вы совсем замерзли...

— Нисколько, инспектор, — ответила она и тут же спохватилась: — Простите, но как же мне вас называть?

— Может быть, Петер? — предложил я.

— Это было бы прелестно. У меня был друг Петер, барон фон Готтескнехт. Вы не знакомы?.. Однако тогда вам придется звать меня Ольгой. А если услышит Мозес?

— Переживет, — пробормотал я. Я искоса глядел на ее чудные плечи, на царственную шею, на гордый профиль, и меня бросало то в жар, то в холод. Ну, глупа, лихорадочно неслось у меня в голове, ну и что же? И пусть. Мало ли кто глуп!

Мы прошли через столовую и оказались в бильярдной. В бильярдной был Симонэ. Почему-то он лежал на полу в неглубокой, но широкой нише. Лицо у него было красное, волосы взлохмачены.

— Симон! — вскрикнула госпожа Мозес и прижала ладони к щекам. — Что с вами?

В ответ Симонэ заклекотал и, упираясь руками и ногами в края ниши, полез к потолку.

— Боже мой, да вы убьетесь! — закричала госпожа Мозес.

— В самом деле, Симонэ, — сказал я с досадой. — Бросьте эти дурацкие штучки, вы ломаете себе шею.

Однако шалун и не думал убиваться и ломать себе шею. Он добрался до потолка, повисел там, все более наливаясь кровью, потом легко и мягко спрыгнул вниз и отдал нам честь. Госпожа Мозес зааплодировала.

— Вы просто чудо, Симон, — сказала она. — Как муха!

— Ну что, инспектор, — сказал Симонэ, чуть задыхаясь. — Сразимся во славу прекрасной дамы? — Он схватил кий и сделал фехтовальный выпад. — Я вас вызываю, инспектор Глебски, защищайтесь!

С этими словами он повернулся к бильярдному столу и не целясь, с таким треском залепил восьмерку в угол через весь стол, что у меня в глазах потемнело. Однако отступить было некуда. Я угрюмо взял кий.

— Сражайтесь, господа, сражайтесь, — сказала госпожа Мозес. — Прекрасная дама оставляет залог победите-

лю.— Она бросила на середину стола кружевной платочек.— А я вынуждена покинуть вас.— Она послала нам воздушный поцелуй и удалилась.

— Чертовски завлекательная женщина,— заявил Симонэ.— С ума можно сойти.— Он подцепил кием платочек, погрузил нос в кружева и закатил глаза.— Прелесть!.. У вас, я вижу, тоже без всякого успеха, инспектор?

— Вы бы побольше путались под ногами,— мрачно сказал я, собирая шары в треугольник.— Кто вас просил торчать здесь, в бильярдной?

— А зачем вы, голова садовая, повели ее в бильярдную? — резонно возразил Симонэ.

— Не в буфетную же мне ее вести...— огрызнулся я.

— Не умеете — не беритесь,— посоветовал Симонэ.— И поставьте шары ровнее, вы имеете дело с чемпионом... Вот так. Что играем? Лондонскую?

— Нет. Давайте что-нибудь попроще.

— Проще так попроще,— согласился Симонэ.

Он аккуратно положил платочек на подоконник, задержался на секунду, склонив голову и заглядывая сквозь стекло куда-то вбок, потом вернулся к столу.

— Вы помните, что сделал Ганнибал с римлянами при Каннах? — спросил он.

— Давайте, давайте,— сказал я.— Начинайте.

— Сейчас я вам напомню,— пообещал Симонэ. Он элегантнейшим образом покатал кием биток, установил его, прицелился и положил шар. Потом он положил еще шар и при этом разбил пирамиду. Затем, не давая мне времени извлекать его добычу из луз, он закатил подряд еще два шара и наконец скиксовал.

— Ваше счастье,— сообщил он, меля кий.— Реабилитируйтесь.

Я пошел вокруг стола, выбирая шар полегче.

— Глядите-ка,— сказал Симонэ. Он снова стоял у окна и заглядывал куда-то вбок.— Какой-то дурак сидит на крыше... Пардон! Два дурака. Один стоит, я принял его за печную трубу. Положительно, мои лавры не дают кому-то покоя.

— Это Хинкус,— проворчал я, пристраиваясь поудобней для удара.

— Хинкус — это такой маленький и все время брюзжит,— сказал Симонэ.— Ерундовый человечек. Вот Олаф—

это да. Это истый потомок древних конунгов, вот что я вам скажу, инспектор Глебски.

Я наконец ударил. И промазал. Совсем несложный шар промазал. Обидно. Я осмотрел конец кия, потрогал накладку.

— Не разглядывайте, не разглядывайте,— сказал Симонэ, подходя к столу.— Нет у вас никаких оправданий.

— Что вы собираетесь бить? — спросил я недоуменно, следя за ним.

— От трех бортов в угол,— с невинным видом сообщил он.

Я застонал и пошел к окну, чтобы не видеть этого. Симонэ ударил. Потом еще раз ударил. Хлестко, с треском, с лязгом. Потом еще раз ударил и сказал:

— Пардон. Действуйте, инспектор.

Тень сидящего человека запрокинула голову и подняла руку с бутылкой. Я понял, что это Хинкус. Сейчас отхлебнет как следует и передаст бутылку стоящему. А кто это, собственно, стоит?..

— Вы будете бить или нет? — спросил Симонэ.— Что там такое?

— Хинкус,— сказал я.— Ох, свалится он сегодня с крыши.

Хинкус опустил бутылку, а затем принял прежнюю позу. Угощать стоявшего он не стал. Кто же это такой? А, так это же чадо, наверное... Я вернулся к столу, выбрал шар полегче и опять промазал.

— Вы читали мемуар Кориолиса о бильярдной игре? — спросил Симонэ.

— Нет,— сказал я мрачно.— И не собираюсь.

— А я вот читал,— сказал Симонэ. Он в два удара кончил партию и наконец разразился своим жутким хохотом. Я положил кий поперек стола.

— Вы остались без партнера, Симонэ,— сказал я мстительно.— Можете теперь сморкаться в свой приз в полном одиночестве.

Симонэ взял платочек и торжественно сунул его в нагрудный карман.

— Прекрасно,— сказал он.— Чем мы теперь займемся? Я подумал.

— Пойду-ка я побреюсь. Обед скоро.

— А я? — спросил Симонэ.

— А вы играйте сами с собой в бильярд,— посоветовал я.— Или ступайте в номер к Олафу. У вас есть деньги? Если есть, то вас там примут с распростертыми объятиями.

— А,— сказал Симонэ.— Я уже.

— Что — уже?

— Уже просадил Олафу двести крон. Играет, как машина, ни одной ошибки. Даже неинтересно. Это я и напустил на него Барнстокра. Фокусник есть фокусник, пусть-ка он его пощиплет...

Мы вышли в коридор и сразу же наткнулись на чадо любимого покойного брата господина дю Барнстокра. Чадо загородило нам дорогу и, нагло поблескивая вытаращенными черными окулярами, потребовало сигаретку.

— Как там Хинкус? — спросил я, доставая пачку.— Здорово набрался?

— Хинкус? Ах, этот... — Чадо закурило и, сложив губы колечком, выпустило дым.— Ну, надраться не надрался, но зарядился основательно и еще взял бутылку с собой.

— Ого,— сказал я.— Это уже вторая...

— А что здесь еще делать? — спросило чадо.

— А вы тоже с ним заряжались? — спросил Симонэ с интересом.

Чадо пренебрежительно фыркнуло.

— Черта с два! Он меня и не заметил. Ведь там была Кайса...

Тут мне пришло в голову, что пора наконец выяснить, парень это или девушка, и я раскинул сеть.

— Значит, вы были в буфетной? — спросил я вкрадчиво.

— Да. А что? Полиция не разрешает?

— Полиция хочет знать, что вы там делали.

— И научный мир тоже,— добавил Симонэ. Кажется, та же мысль пришла в голову и ему.

— Кофе пить полиция разрешает? — осведомилось чадо.

— Да,— ответил я.— А еще что вы там делали?

Вот сейчас... Сейчас она... оно скажет: «Я закусывал» или «закусывала». Не может же оно сказать: «Я закусывало»...

— А ничего,— хладнокровно сказала чадо.— Кофе и пирожки с кремом. Вот и все мои занятия в буфетной.

— Сладкое перед обедом вредно, — с упрёком сказал Симонэ. Он был явно разочарован. Я тоже.

— Ну, а надираться среди бела дня — это не по мне, — закончило чадо, торжествуя победу. — Пусть этот ваш Хинкус надирается.

— Ладно, — пробормотал я. — Пойду побреюсь.

— Может быть, есть еще вопросы? — спросило чадо нам вслед.

— Да нет, бог с вами, — сказал я.

Хлопнула дверь — чадо удалилось в свой номер.

— Схожу-ка и я перекушу, — сказал Симонэ, останавливаясь возле лестничной площадки. — Пойдемте, инспектор, до обеда еще час с лишним...

— Знаю я, как вы там будете перекусывать, — сказал я. — Ступайте сами, я человек семейный, меня Кайса не интересует.

Симонэ хохотнул и сказал:

— Раз уж вы человек семейный, вы мне можете сказать, парень это или девчонка? Никак не разберу.

— Занимайтесь Кайсой, — сказал я. — Оставьте эту загадку полиции... Скажите лучше, это вы учинили шуточку с душем?

— И не думал, — возразил Симонэ. — Если хотите знать, по-моему, это сам хозяин.

Я пожал плечами, и мы разошлись. Симонэ застучал ботинками по ступенькам, а я направился в свой номер. В тот момент, когда я проходил мимо номера-музея, там послышался треск, что-то с грохотом повалилось, разбилось что-то стеклянное и послышалось недовольное ворчание. Не теряя ни секунды, я рванул дверь, влетел в номер и едва не сшиб с ног самого господина Мозеса. Господин Мозес, высоко задрав одной рукою край ковра, а в другой сжимая свою неизменную кружку, с отвращением глядел на опрокинутую тумбочку и на черепки разбитой вазы.

— Проклятый притон, — прохрипел он при виде меня. — Грязное логово.

— Что вы тут делаете? — спросил я свирепо.

Господин Мозес немедленно взвинтился.

— Что я тут делаю? — взревел он, изо всех сил рванув ковер на себя. При этом он чуть не потерял равновесие и повалил кресло. — Я ищу мерзавца, который шатается по отелю, ворует вещи у порядочных людей, топает по ночам

в коридорах и заглядывает в окна к моей жене! Какого дьявола я должен этим заниматься, когда в доме торчит полицейский?

Он отшвырнул ковер и повернулся ко мне. Я даже попятился.

— Может быть, я должен объявить награду? — продолжал он, взвинчивая себя все круче. — Проклятая полиция ведь и пальцем не шевельнет, пока ей не пообещают награду! Извольте, объявляю. Сколько вам нужно, вы, инспектор? Пятсот? Тысячу? Извольте: полторы тысячи крон тому, кто найдет мои пропавшие золотые часы! Две тысячи крон!

— У вас пропали часы? — спросил я, нахмурившись.

— Да!

— Когда вы обнаружили пропажу?

— Только что!

Шутки кончились. Золотые часы — это не войлочные туфли и не занятый душ.

— Когда вы видели их в последний раз?

— Сегодня рано утром.

— Где вы их обычно храните?

— Я не храню часы! Я ими пользуюсь! Они лежали у меня на столе!

Я подумал.

— Советую вам, — сказал я наконец, — написать формальное заявление. Тогда я вызову полицию.

Мозес уставился на меня, и некоторое время мы молчали. Потом он отхлебнул из кружки и сказал:

— На кой черт вам заявление и полиция? Я вовсе не хочу, чтобы мое имя трепали вонючие газетчики. Почему вы не можете заняться этим сами? Я же объявил награду. Хотите задаток?

— Мне неудобно вмешиваться в это дело, — возразил я, пожав плечами. — Я не частный сыщик, я государственный служащий. Существует профессиональная этика, и кроме того...

— Ладно, — сказал он вдруг. — Я подумаю... — Он помолчал. — Может быть, они сами найдутся. Хотелось бы надеяться, что это очередная глупая шутка. Но если часы не найдутся до завтра, утром я напишу это заявление.

На том мы и порешили. Мозес пошел к себе, а я — к себе.

Не знаю, что новенького обнаружил Мозес у себя в номере. У меня новенького было полно. Во-первых, на двери косо висел лозунг: «Когда я слышу слово «культура», я вызываю мою полицию». Лозунг я, конечно, содрал, но это было только начало. Стол в моем номере оказался залит уже застывшим гуммиарабиком — поливали прямо из бутылки, бутылка валялась тут же — и в центре этой засохшей лужи красовался листок бумаги. Записка. Совершенно дурацкая записка. Корявыми печатными буквами было написано: «Господина инспектора Глебски извещают, что в отеле находится в настоящее время под именем Хинкус опасный гангстер, маньяк и садист, известный в преступных кругах под кличкой Филин. Он вооружен и грозит смертью одному из клиентов отеля. Господина инспектора убедительно просят принять какие-нибудь меры».

Я был до такой степени взбешен и ошарашен, что прочел записку дважды, прежде чем понял ее содержание. Потом я внимательно оглядел номер. Следов, конечно, я никаких не заметил. Я расправил смятый лозунг и сравнил его с запиской. Буквы лозунга были тоже печатные и тоже корявые, но выписаны они были карандашом. Впрочем, с лозунгом и так все было ясно — это была, конечно, чадова работа. Просто шутка. Один из тех дурацких лозунгов, которые французы писали на своей Сорбонне. С запиской же дело обстояло значительно хуже. Мистификатор мог подсунуть записку под дверь, мог воткнуть ее в замочную скважину, просто положить на стол и придавить, например, пепельницей. Нужно было быть полным кретином или дикарем, чтобы ради дурацкой шутки загадить такой хороший стол. Я еще раз перечитал записку, чертыхнулся и подошел к окну. Вот тебе и отпуск, подумал я. Вот тебе и долгожданная свобода...

Солнце было уже совсем низко, тень отеля протянулась на добрую сотню метров. На крыше по-прежнему торчал опасный гангстер, маньяк и садист господин Хинкус. Он был один.

Я остановился перед номером Хинкуса и осторожно огляделся. Коридор был как всегда пуст. Из бильярдной доносился треск шаров — там был Симонэ. Дю Барнстокр продолжал чистить Олафа в номере у Олафа. Чадо возилось с мотоциклом. Мозесы были у себя. Хинкус сидел на крыше. Пять минут назад он спустился в буфетную, взял еще бутылку, зашел в номер, облачился в шубу и теперь намерен, вероятно, дышать чистым воздухом по крайней мере до обеда. А я стоял перед его номером, пробовал в замочной скважине ключи из связки, которую утащил из конторки хозяина, и готовился совершить должностной проступок. Конечно, я не имел ни малейшего права вторгаться в чужой номер и производить там обыск без ордера. Но я чувствовал, что это необходимо сделать, иначе я не смогу спокойно спать и вообще жить.

Пятый или шестой ключ мягко щелкнул, и я проскользнул в номер. Я сделал это так, как обычно делают герои шпионских боевиков — других способов я не знал. Солнце уже почти зашло за хребет, но в номере было довольно светло. Вид у номера был нежилой, кровать не смята, пепельница пуста и чиста, а оба баула стояли прямо посередине комнаты. Никак не подумаешь, что человек собирается прожить здесь две недели.

Содержимое первого, более тяжелого баула насторожило меня еще сильнее. Это был типичный фальшивый багаж: какое-то тряпье, драные простыни и наволочки и пачка книг, подобранных самым нелепым образом. Ясно было, что Хинкус валил в этот баул все, что подвертывалось под руку. Настоящий багаж содержался во втором бауле. Здесь было три смены белья, пижама, несессер, набор авторучек, пачка денег — солидная пачка, больше моей — и две дюжины носовых платков. Была там также небольшая серебряная фляжка — пустая, футляр с темными очками и бутылка с иностранной наклейкой — полная. А на самом дне баула, под бельем, я нашел массивные золотые часы со сложным циферблатом и маленький дамский браунинг.

Я сел на пол и прислушался. Пока все было тихо, но времени на размышление у меня оставалось крайне мало.

Я оглядел часы. На крышке была выгравирована какая-то сложная монограмма. Золото было настоящее, червонное, с красноватым отблеском, циферблат был украшен знаками зодиака. Это были, несомненно, пропавшие часы господина Мозеса. Потом я оглядел пистолет. Безделушка с перламутровой рукояткой, никелированный ствол, калибр 0.25, оружие для рукопашного боя и, строго говоря, вообще не оружие... Вздор, все это вздор. Гангстеры не обременяют себя такой чепухой. И если на то пошло, гангстеры не воруют часов, даже таких тяжелых и массивных. Настоящие гангстеры, с именем и репутацией. Тем более в гостинице, в первый же день, с риском немедленно засыпаться.

Так-так-так... Давай-ка быстренько сформулируем. Никаких доказательств, что Хинкус — опасный гангстер, маньяк и садист, и сколько угодно доказательств, что кому-то очень хочется выдать его за гангстера. Правда, фальшивый багаж... Ладно, с этим я разберусь потом. Что делать с пистолетом и часами? Если изъять их, а Хинкус действительно вор (хотя и не гангстер), тогда он выходит сухим из воды... Если их ему подбросили... Черт, никак не соображу... Опыта не хватает. Тоже мне, Эркюль Пуаро... Если их изъять, то, во-первых, куда я их дену? Таскать при себе? Еще обвинят в воровстве... В номере прятать нельзя...

Я снова прислушался. В столовой звенели посудой — Кайса уже накрывала на стол. Кто-то протопал мимо дверей. Голос Симонэ зычно осведомился: «А где же инспектор? Где он, наш храбрец?» Пронзительно взвизгнула Кайса, леденящий хохот сотряс этаж.

Так ничего и не придумав, я торопливо разрядил обойму, сунул патроны в карман, а пистолет и часы вернул на дно баула. Я едва успел выскочить и повернуть ключ, как в другом конце коридора появился дю Барнстокр. Обратив ко мне аристократический профиль, он говорил кому-то, по-видимому Олафу:

— Дорогой мой, о чем может быть речь? Когда это дю Барнстокры отказывались от реванша? Сегодня же, если вам будет угодно! Скажем, в десять часов вечера, у вас...

Я принял непринужденную позу (то есть вытащил зубочистку и стал ею орудовать), а дю Барнстокр повернулся и, увидев меня, приветливо помахал рукой.

— Дорогой инспектор! — провозгласил он. — Победа, слава, богатство! Таков всегдашний удел дю Барнстокров.

Я пошел ему навстречу, и мы сблизились возле дверей его номера.

— Обчистили Олафа? — спросил я.

— Представьте себе, да! — сказал он, счастливо улыбаясь. — Наш милый Олаф слишком уж методичен, играет, как машина, никакой фантазии. Даже скучно... Минуточку, что это у вас? — Он ловко выдернул у меня из нагрудного кармана игральную карту.

— А, это тот самый туз червей, которым я окончательно сразил беднягу Олафа...

Бедняга Олаф вышел из своего номера, огромный, румяный, легкий, прошел мимо нас и добродушно улыбнулся, буркнув: «Пройдусь перед обедом...» Дю Барнстокр, улыбаясь, проводил его глазами и вдруг, словно что-то вспомнив, схватил меня за рукав.

— Кстати, милый инспектор. Вы знаете, какую новую шутку учинил наш дорогой покойник? Зайдемте-ка на минуточку ко мне...

Он втащил меня к себе в номер, пихнул в кресло и предложил сигару.

— Где же она? — пробормотал он, похлопывая себя по карманам. — Ага! Вот, извольте взглянуть, что я получил сегодня. — Он протянул мне смятый клочок бумаги.

Это опять была записка. Корявыми печатными буквами, с орфографическими ошибками там было написано: «Мы вас нашли. Я держу вас на мушке. Не пытайтесь бежать и не делайте глупостей. Стрелять буду без предупреждения. Ф».

Стиснув зубами сигару, я перечитал это послание дважды и трижды.

— Прелестно, не правда ли? — сказал дю Барнстокр, охарашиваясь перед зеркалом. — Даже подпись есть. Надо бы спросить хозяина, как звали Погибшего...

— Как она к вам попала?

— Ее подбросили в номер к Олафу, когда мы играли. Олаф отправился в буфет, а я сидел и курил сигару. Раздался стук в дверь, я сказал: «Да-да, войдите», но никто не вошел. Я удивился, и вдруг я увидел, что у двери лежит эта записка. Видимо, ее подсунули под дверь.

— Вы, конечно, выглянули в коридор и, конечно, никого не увидели, — сказал я.

— Ну, мне пришлось довольно долго выкарабкиваться

из кресла, — сказал дю Барнстокр. — Пойдемте? Откровенно говоря, я основательно проголодался.

Я положил записку в карман, и мы отправились в столовую, захватив по дороге чадо и так и не сумев уговорить его помыть руки.

— Какой-то у вас озабоченный вид, инспектор, — заметил дю Барнстокр, когда мы подошли к столовой.

Я посмотрел в его ясные старческие глаза, и мне вдруг пришло в голову, что всю историю с этими записками устроил он. На секунду меня охватило холодное бешенство, мне захотелось затопать ногами и заорать: «Оставьте меня в покое! Дайте мне спокойно кататься на лыжах!» Но я, конечно, сдержался.

Мы вошли в столовую. Кажется, все уже были в сборе. Госпожа Мозес обслуживала господина Мозеса, Симонэ и Олаф топтались возле стола с закусками, хозяин разливал настойку. Дю Барнстокр и чадо отправились на свои места, а я присоединился к мужчинам. Симонэ зловещим шепотом рассказывал Олафу о воздействии эдельвейсовой настойки на человеческие внутренности. Упоминались: лейкемия, желтуха, рак двенадцатиперстной кишки. Олаф, добродушно хмыкая, поедая икру. Тут вошла Кайса и принялась тархтеть, обращаясь к хозяину:

— Они не желают идти, они сказали, раз не все собрались, так и они не пойдут. А когда все соберутся, тогда они и придут. Они так и сказали... И две бутылки пустые...

— Так пойд и скажи, что все собрались, — приказал хозяин.

— Они мне не верят, я и так сказала, что все собрались, а они мне...

— О ком речь? — отрывисто спросил господин Мозес.

— Речь идет о господине Хинкусе, — ответил хозяин. — Он все еще пребывает на крыше, а я...

— Чего там — на крыше! — сиплым басом сказала чадо. — Вон он — Хинкус! — И оно указало вилкой с нанизанным пикулем на Олафа.

— Дитя мое, вы заблуждаетесь, — мягко произнес дю Барнстокр, а Олаф добродушно осклабился и прогудел:

— Олаф Андварафорс к вашим услугам, детка. Можно просто Олаф.

— А почему тогда он?.. — Вилка с пикулем протянулась в мою сторону.

— Господа, господа! — вмешался хозяин. — Не надо спорить. Все это пустяки. Господин Хинкус, пользуясь той свободой, которую гарантирует каждому администрация нашего отеля, пребывает на крыше, и Кайса сейчас приведет его.

— Да не идут они... — заныла Кайса.

— Какого дьявола, Сневар, — сказал Мозес. — Не хочет идти — пусть торчит на морозе.

— Уважаемый господин Мозес, — произнес хозяин с достоинством, — именно сейчас весьма желательно, чтобы все были в сборе. Я имею сообщить моим уважаемым гостям весьма приятную новость... Кайса, быстро!

— Да не идут они...

Я поставил тарелку с закуской на столик.

— Погодите, — сказал я. — Сейчас я его приведу.

Выходя из столовой, я услышал, как Симонэ сказал: «Правильно! Пусть-ка полиция займется своим делом», после чего залился кладбищенским хохотом, сопровождавшим меня до самой чердачной лестницы.

Я поднялся по лестнице, толкнул грубую деревянную дверь и оказался в круглом, сплошь застекленном павильончике с узкими скамейками для отдыха вдоль стен. Здесь было холодно, странно пахло снегом и пылью, горой громоздились сложенные шезлонги. Фанерная дверь, ведущая на крышу, была приоткрыта.

Плоская крыша была покрыта толстым слоем снега, вокруг павильончика снег был утоптан, а дальше, к покосившейся антенне вела тропинка, и в конце этой тропинки неподвижно сидел в шезлонге закутанный Хинкус. Левой рукой он придерживал на колене бутылку, а правую прятал за пазухой, должно быть, отогревал. Лица его почти не было видно, оно было закрыто воротником шубы и козырьком меховой шапки, только настороженные глаза поблескивали оттуда — словно тарантул глядел из норки.

— Пойдемте, Хинкус, — сказал я. — Все собрались.

— Все? — хрипло спросил он.

Я приблизился и сунул руки в карманы.

— Все до одного. Ждут вас.

— Значит, все... — повторил Хинкус.

Я кивнул и огляделся. Солнце скрылось за хребтом, снег в долине казался лиловатым, в темнеющее небо поднималась бледная луна.

Краем глаза я заметил, что Хинкус внимательно следит за мной.

— А чего меня ждать? — спросил он. — Начинали бы... Зачем людей зря беспокоить?

— Хозяин хочет сделать нам какой-то сюрприз, и ему нужно, чтобы мы все собрались.

— Сюрприз... — сказал Хинкус и покашлял. — Туберкулез у меня, — сообщил он вдруг. — Врачи говорят, мне все время надо на свежем воздухе... и мясо черномясой курицы, — добавил он, помолчав.

Мне стало его жалко.

— Черт возьми, — сказал я искренне, — сочувствую вам. Но обедать-то все-таки тоже нужно...

— Нужно, конечно, — согласился он и встал. — Пообедаю и спать сюда вернусь. — Он поставил бутылку в снег. — Как вы думаете, врут доктора или нет? Насчет свежего воздуха...

— Думаю, что нет, — сказал я. Я вспомнил, какой бледно-зеленый он спускался днем по лестнице, и спросил: — Послушайте, зачем вы так глушите водку? Ведь вам это должно быть вредно.

— Э-э! — произнес он с тихим отчаянием. — Разве можно без водки? — Он замолчал. Мы спускались по лестнице. — Без водки мне нельзя, — сказал он решительно. — Страшно. Я без водки с ума сойти могу.

— Ну-ну, Хинкус, — сказал я. — Туберкулез теперь лечат. Это вам не девятнадцатый век.

— Да, наверное, — вяло согласился он. Мы свернули в коридор. В столовой звенела посуда, гудели голоса. — Вы идите, я шубу сброшу, — сказал он, останавливаясь у своей двери.

Я кивнул и вошел в столовую.

— А где арестованный? — громогласно спросил Симонэ.

— Я же говорю, они не идут... — пискнула Кайса.

— Все в порядке, — сказал я. — Сейчас придет.

Я сел на свое место, затем, вспомнив о здешних правилах, вскочил и пошел за супом. Дю Барнстокр что-то рассказывал о магии чисел. Госпожа Мозес ахала. Симонэ отрывисто похохатывал. «Бросьте, Бардл... Дюбр... — гудел Мозес. — Все это — средневековый вздор». Я налил себе хорошую порцию супа, и тут появился Хинкус. Губы у не-

го дрожали, и опять он был какой-то зеленоватый. Его встретил взрыв приветствий, а он, торопливо обведя стол глазами, как-то неуверенно направился к своему месту между мною и Олафом.

— Нет-нет! — вскричал хозяин, набегая на него с рюмкой настойки. — Боевое крещение!

Хинкус остановился, поглядел на рюмку и что-то сказал, неслышное за общим шумом.

— Нет-нет! — возразил хозяин. — Это — лучшее лекарство. От всех скорбей! Так сказать, панацея. Прошу!

Хинкус не стал спорить. Он выплеснул в рот зелье, поставил рюмку на поднос и сел за стол.

— Ах, какой мужчина! — восхищенно прозвенела госпожа Мозес. — Господа, вот истинный мужчина!

Я вернулся на свое место и принялся за еду. Хинкус за первым не пошел, он только положил себе немного жаркого. Теперь он выглядел не так дурно и, казалось, о чем-то сосредоточенно размышлял. Я стал слушать разглагольствования дю Барнстокра, и в это время хозяин постучал ножом о край тарелки.

— Господа! — торжественно провозгласил он. — Прошу минуточку внимания! Теперь, когда мы все собрались здесь, я позволю себе сообщить вам приятную новость. Идя навстречу многочисленным пожеланиям гостей, администрация отеля приняла решение устроить сегодня праздничный бал Встречи Весны. Конца обеда не будет! Танцы, господа, вино, карты, веселая беседа!

Симонэ с треском ударил в костлявые ладони. Госпожа Мозес тоже зааплодировала. Все оживились, и даже неуступчивый господин Мозес, сделав основательный глоток из кружки, просипел: «Ну, карты — это еще куда ни шло...» А дитя стучало вилкой о стол и показывало мне язык. Розовый такой язычок, вполне приятного вида. И в самый разгар этого шума и оживления Хинкус вдруг придвинулся ко мне и зашептал на ухо:

— Слушайте, инспектор, вы, говорят, полицейский... Что мне делать? Полез я сейчас в баул... за лекарством. Мне велено пить перед обедом микстуру какую-то... А у меня там... ну, одежда кос-какая теплая, жилет меховой, носки там... Так ничего этого у меня не осталось. Тряпки какие-то — не мои, белье рваное... и книжки...

Я осторожно опустил ложку на стол и посмотрел на

него. Глаза у него были круглые, правое веко подергивалось, и в глазах был страх. Крупный гангстер. Маньяк и садист.

— Ну, хорошо, — сказал я сквозь зубы. — А чего вы от меня хотите?

Он сразу как-то увял и втянул голову в плечи.

— Да нет... ничего... Я только не понимаю, это шутка или как... Если кража, так ведь вы — полицейский... А может быть, конечно, и шутка, как вы полагаете?

— Да, Хинкус, — сказал я, отведя глаза и снова принимаясь за суп. — Тут все шутят. Считайте, что это шутка, Хинкус.

Г Л А В А

6

К моему немалому удивлению, затея с вечеринкой удалась. Пообедали быстро и неосновательно, и никто не покинул столовой, кроме Хинкуса, который, пробормотав какие-то извинения, поплелся обратно на крышу промывать легкие горным кислородом. Я проводил его взглядом, испытывая что-то вроде угрызений совести. У меня мелькнула мысль, что хорошо бы сейчас снова забраться к нему в номер и извлечь из баула эти проклятые часы. Шутки шутками, а из-за этих часов у него могут быть серьезные неприятности. Хватит с него неприятностей, подумал я. Хватит с меня этих неприятностей, этих шуток и моей собственной глупости. Не выпить ли мне немного бренди? В кои-то веки, а? Я пошарил глазами по столу и пододвинул к себе большую рюмку. Какое мне до всего этого дело? Я в отпуске. И вообще я не полицейский. Мало ли как я там зарегистрировался... На самом деле я отставной учитель физкультуры... нет, на самом деле, если хотите знать, я торговый агент. Торгую поддержанными умывальниками. И унитазами... Мельком я подумал, что для ходатая по делам, даже по делам несовершеннолетних, у Хинкуса слишком уж бедный лексикон. Я отогнал эту мысль и старательно загоготал вместе с Симонэ над какой-то его очередной суконной остротой, которую не расслышал. Я залпом проглотил бренди и налил еще. В голове у меня зашумело.

Между тем веселье началось. Кайса еще не успела со-

брать грязную посуду, а господин Мозес и дю Барнстокр, делая друг другу приглашающие жесты, проследовали к карточному столику с зеленым сукном, появившемуся вдруг в углу столовой. Хозяин включил оглушительную музыку. Олаф и Симонэ одновременно устремились к госпоже Мозес, и, поскольку та оказалась не в силах выбрать кавалера, они принялись отплясывать втроем. Чадо снова показало мне язык. Правильно! Я вылез из-за стола и, ступая по возможности твердо, двинулся к этой разбойнице... к этому разбойнику. Сейчас или никогда, думал я. Такое расследование во всяком случае интереснее, чем кража часов и иного барахла. Впрочем, я ведь торговец... Хорошо и прямо-таки чудом сохранившиеся умывальники...

— Танец, мадамзель? — произнес я, плюхнувшись на стул рядом с чадом.

— Я не танцую, сударыня, — лениво ответило чадо. — Дайте лучше сигаретку.

Я дал ему сигаретку и принялся объяснять этому существу, что его поведение — по-ве-де-ни-е! — аморально, что так нельзя. Что я когда-нибудь его выпорю, дайте мне только срок. Или, добавил я, подумав, привлеку за ношение неподобающей одежды в местах общественного пользования. Развешивание лозунгов, сказал я, нехорошо. На дверях. Шокирует и будирует. Будирует! Я честный торговец, и я не позволю. Блестящая мысль осенила меня. Я пожалуйюсь на вас в полицию, сказал я, заливаясь счастливым смехом. Со своей же стороны могу предложить вам... нет, не унитаз, конечно, это было бы неприлично, тем более за столом... но... прекрасный умывальник. Дивно сохранившийся, несмотря ни на что. Фирмы «Павел Буре». Не угодно ли? Отдыхать так отдыхать!..

Чадо отвечало мне что-то, и довольно остроумно, то хрипловатым мальчишеским баском, то нежным девичьим альтом. Голова у меня шла кругом, и скоро мне стало казаться, что разговариваю я сразу с двумя собеседниками. Где-то тут обретался испорченный, вставший на неправильный путь подросток, за которого я нес ответственность как работник полиции, опытный торговый агент и старший по чину. И где-то тут же пребывала очаровательная пикантная девушка, которая, слава богу, ну совершенно не походила на других и к которой я, кажется, начинал испытывать чувства более нежные, нежели отеческие. Отпихи-

вая все время ввязывавшегося в разговор подростка, я изложил девушке свои взгляды на брак как на добровольный союз двух сердец, взявших на себя определенные моральные обязательства. И никаких велосипедов-мотоциклов, добавил я строго. Условимся об этом сразу же. Дядя этого не выносит. Мы условились и выпили. Почему бы, черт возьми, молодой совершеннолетней девице не выпить немножко хорошего коньяку? Несколько раз повторив не без вызова эту мысль, показавшуюся мне самому несколько спорной, я откинулся на стуле и оглядел зал.

Все шло прекрасно. Законы и моральные нормы не нарушались. Никто не вывешивал лозунгов, не писал записок, не крал часов. Музыка гремела. Дю Барнстокр, Мозес и хозяин резались в тринадцать без ограничения ставок. Госпожа Мозес лихо отплясывала с Симонэ что-то современное, Кайса убирала посуду. Тарелки, вилки и Олафы так и вились вокруг нее. Вся посуда на столе находилась в движении — я едва успел подхватить убегающую чашку с кофе и облил себе брюки.

— Брюн, — сказал я проникновенно, — не обращайтесь внимания. Это все идиотские шутки. Всякие там золотые часы, пододеяльники... — Тут меня осенила новая мысль. — А что, парень, — сказал я, — не поучить ли мне тебя стрелять из пистолета?

— Я не парень, — грустно сказала девушка. — Мы же с вами условились.

— Тем более! — воскликнул я с энтузиазмом. — У меня есть дамский браунинг...

Некоторое время мы с нею беседовали о пистолетах, обручальных кольцах и почему-то о телекинезе. Потом мною овладело сомнение.

— Нет! — сказал я решительно. — Так я не согласен. Сначала снимите очки. Я не желаю их видеть.

Это была ошибка. Девушка обиделась и куда-то пропала, а подросток остался и принялся хамить. Но тут ко мне подошла госпожа Мозес и пригласила меня на танец, и я с удовольствием согласился. Через минуту у меня появилась твердая уверенность в том, что я болван, что отныне я всегда буду танцевать с госпожой Мозес, и только с нею. С моей Ольгой. У нее были божественно мягкие ручки, нисколько не обветренные и совсем без цыпок, и она охотно позволяла целовать их, и у нее были прекрасные, хорошо

различимые глаза, не скрытые никакой оптикой, и от нее очаровательно пахло, и у нее не было родственника-брата, грубого, разбитного юнца, не дающего слова сказать. Правда, кругом все время почему-то оказывался Симонэ, унылый шалун и великий физик, но с этим вполне можно было мириться, поскольку он не был родственником. Мы с ним были пожилые воспитанные люди и, наступая друг другу на ноги, мужественно и честно признавались: «Извини, старик, это я виноват...»

Потом я как-то внезапно осознал, что нахожусь с госпожой Мозес за портьерой у окна. Я держал ее за талию, а она, склонив голову мне на плечо, говорила:

— Посмотри, какой очаровательный вид!..

Это неожиданное обращение на «ты» смутило меня, и я принялся тупо рассматривать вид, раздумывая, как бы это поделикатнее убрать руку с ее талии, пока нас тут не обнаружили. Впрочем, вид действительно не был лишен очарования. Луна, наверное, уже поднялась высоко, вся долина казалась голубой в ее свете, а близкие горы словно висели в неподвижном воздухе. Тут я заметил унылую тень несчастного Хинкуса, сгорбившегося на крыше, и пробормотал:

— Бедняга Хинкус...

Госпожа Мозес слегка отстранилась и удивленно посмотрела на меня снизу вверх.

— Бедняга? — спросила она. — Почему бедняга?

— Он тяжело болен, — объяснил я. — У него туберкулез, и он страшно боится.

— Да-да, — подхватила она. — Вы тоже заметили? Он все время чего-то боится. Какой-то подозрительный и очень неприятный господин. И совсем не нашего круга...

Я горестно покачал головой и вздохнул.

— Ну вот, и вы туда же, — сказал я. — Ничего подозрительного в нем нет. Просто несчастный одинокий человек. Очень жалкий. Вы бы посмотрели, как он поминутно зеленеет и покрывается потом... А тут еще над ним все время шутки шутят...

Она вдруг засмеялась своим чудесным хрустальным смехом.

— Граф Грэйсток тоже, бывало, поминутно зеленел. До того забавный!

Я не нашелся, что на это ответить, и, с облегчением сняв

наконец руку с ее талии, предложил ей сигарету. Она отказалась и принялась рассказывать что-то о графах, баронах, виконтах и князьях, а я смотрел на нее и все пытался вспомнить, каким это ветром занесло меня с нею за эту портьеру. Потом портьера раздвинулась, и перед нами возникло чад. Не глядя на меня, оно неуклюже шаркнуло ногой и сипло произнесло:

— Пермете ву...

— Битте, мой мальчик, — очаровательно улыбаясь, отозвалась госпожа Мозес, подарила мне очередную ослепительную улыбку и, подхваченная чадом, заскользила по паркету.

Я вытер лоб платком. Стол был уже убран. Тройка картежников в углу продолжала резаться. Симонэ лупил шарами в бильярдной, Олаф и Кайса испарились. Музыка гремела вполсилы, госпожа Мозес и Брюн демонстрировали незаурядное мастерство. Я осторожно обошел их стороной и направился в бильярдную.

Симонэ приветствовал меня взмахом кия и, не теряя ни секунды драгоценного времени, предложил мне пять шаров форы. Я снял пиджак, засучил рукава, и игра началась. Я проиграл огромное количество партий и был за это наказан огромным количеством анекдотов. На душе у меня стало совсем легко. Я хохотал над анекдотами, которых почти не понимал, ибо речь в них шла о каких-то кварках, левожующих коровах и профессорах с иностранными именами, я пил содовую, не поддаваясь на уговоры и насмешки партнера, я преувеличенно стонал и хватался за сердце, промахиваясь, я исполнялся торжества, попадая, я придумывал новые правила игры и с жаром их отстаивал, я распоясался до того, что снял галстук и расстегнул воротник сорочки. По-моему, я был в ударе. Симонэ тоже был в ударе. Он клал невообразимые и теоретически невозможные шары, он бегал по стенам и даже, кажется, по потолку, в промежутках между анекдотами он во все горло распевал песни математического содержания, он постоянно сбивался на «ты» и говорил при этом: «Пардон, старина! Проклятое демократическое воспитание!...»

Через раскрытую дверь бильярдной я мельком видел то Олафа, танцующего с чадом, то хозяина, несущего к карточному столику поднос с прохладительным, то раскрасневшуюся Кайсу. Музыка все гремела, игроки азартно

вскрикивали, то объявляя пики, то убивая черви, то козыряя бубнами. Время от времени слышалось хриплое: «Послушайте, Драбл... Бандрл... дю!...», и негодующий стук кружки по столу, и голос хозяина: «Господа, господа! Деньги — это прах...», и раздавался хрустальный смех госпожи Мозес и ее голосок: «Мозес, что вы делаете, ведь пики уже прошли...» Потом часы пробили половину чего-то, в столовой задвигали стульями, и я увидел, как Мозес хлопает дю Барнстокра по плечу рукой, свободной от кружки, и услышал, как он гудит: «Как вам угодно, господа, но Мозесам пора спать. Игра была хороша, Барн... дю... Вы — опасный противник. Спокойной ночи, господа! Пойдемте, дорогая...» Потом, помнится, Симонэ захотелось пива, и я пошел в столовую.

В зале все еще играла музыка, но уже никого не было, только дю Барнстокр, сидя спиной ко мне за карточным столиком, задумчиво творил чудеса с двумя колодами. Он плавным движением узких белых рук извлекал карты из воздуха, заставлял их исчезать с раскрытых ладоней, пускал колоды из руки в руку мерцающей струей, веером рассыпал их в воздухе перед собой и отправлял в небытие. Меня он не заметил, а я не стал его отвлекать. Я просто взял с буфета бутылку с пивом и на цыпочках вернулся в бильярдную.

Когда Симонэ уже приканчивал пиво, я мощным ударом выбросил за борт сразу два шара и порвал сукно на бильярде. Симонэ пришел в восхищение, но я понял, что с меня достаточно.

— Все,— сказал я и положил кий.— Пойду подышу свежим воздухом.

Я миновал столовую, теперь уже совсем пустую, спустился в холл и вышел на крыльцо. Почему-то мне было грустно, что вечеринка кончилась, а ничего интересного не произошло, что я упустил шанс с госпожой Мозес и, кажется, наговорил какой-то ерунды чаду покойного брата господина дю Барнстокра, и что луна яркая, маленькая и ледяная, и что вокруг на много миль только снег да скалы. Я поговорил с сенбернарном, совершавшим ночной обход, и он согласился, что ночь действительно излишне тиха и пустынна и что одиночество — это действительно при всех его огромных преимуществах паршивая вещь, но он наотрез отказался огласить долину воем или в крайнем случае

лаем. В ответ на мои уговоры он только помотал головой, отошел и лег у крыльца.

Я прошелся взад-вперед по расчищенной дорожке перед фасадом отеля, поглазел на залитый голубой луной фасад. Светилось желтым окно кухни, светилось розовым окно в спальне госпожи Мозес, горел свет и у дю Барнстокра и за портьерами в столовой, а остальные окна были темны, и окно в номере Олафа было раскрыто настежь, как и утром. На крыше одиноко торчал закутанный с головой в шубу страдалец Хинкус, такой же одинокий, как и мы с Лелем, но еще более несчастный, согнутый под бременем своего страха.

— Хинкус! — тихонько позвал я, но он не шевельнулся. Может быть, дремал, а может быть, не слышал сквозь теплые наушники и поднятый воротник.

Я замерз и с удовольствием ощутил, что теперь наступило самое время выпить чего-нибудь горяченького.

— Пойдем, Лель, — сказал я, и мы вернулись в холл. Там мы встретили хозяина, и я посвятил его в свой замысел. Я встретил полное понимание.

— Сейчас можно отлично посидеть в каминной, — сказал он. — Ступайте туда, Петер, а я пойду распоряжусь.

Я последовал его приглашению и, устроившись перед огнем, принялся греть озябшие руки. Я слышал, как хозяин ходит по холлу, как он что-то бубнит Кайсе и опять ходит по холлу, щелкая выключателями, потом шаги его затихли, а наверху в столовой смолкла музыка. Грузно ступая по ступенькам лестницы, он снова спустился в холл, негромко выговаривая Лелю: «Нет-нет, Лель, не приставай, — говорил он строго. — Ты опять совершил это безобразие. На этот раз прямо в доме. Господин Олаф жаловался мне, и это позор. Где это видано, чтобы добропорядочная собака...»

Итак, викинга опозорили вторично, подумал я с некоторым злорадством. Я вспомнил, как лихо Олаф отплясывал в столовой с чадом, и мое злорадство усилилось. Поэтому, когда Лель с виновато опущенной головой подошел ко мне, цокая когтями, и сунул холодный нос мне в кулак, я потрепал его по шее и шепнул: «Молодец, собака, так ему и надо!»

В этот самый момент пол слегка дрогнул под моими ногами, жалобно задребезжали стекла, и я услышал отдаленный мощный грохот. Лель вскинул голову и приподнял

уши. Я машинально поглядел на часы — было десять часов две минуты. Я ждал, весь напрягшись. Грохот не повторился. Где-то наверху с силой хлопнула дверь, звякнули кастрюли на кухне. Кайса громко сказала: «Ой, господи!» Я поднялся, но тут раздались шаги, и в каминную вошел хозяин с двумя чашками кофе.

— Слыхали? — спросил он.

— Да. Что это было?

— Обвал в горах. И не очень далеко... Подождите-ка, Петер.

Он поставил чашки на каминную полку и вышел. Я взял чашку и снова уселся в свое кресло. Я был совершенно спокоен. Обвалы меня не пугали, а кофе с лимоном был превыше всяческих похвал. Хорошо! — подумал я, устраиваясь поудобнее.

— Хорошо! — сказал я вслух. — Правда, Лель?

Лель не возражал.

Вернулся хозяин. Он сел рядом и некоторое время молча смотрел на раскаленные угли.

— Дело швах, Петер, — глухо и торжественно произнес, наконец, он. — Мы отрезаны от внешнего мира.

— То есть как? — спросил я.

— До которого числа у вас отпуск, Петер? — продолжал он тем же глухим голосом.

— Скажем, до двадцатого. А в чем дело?

— До двадцатого, — медленно повторил он. — Почти двадцать дней... Да, у вас, пожалуй, есть шанс вовремя вернуться на службу.

Я саркастически посмотрел на этого мистификатора.

— Говорите прямо, Алек, — сказал я. — Вернулся наконец ОН?

Хозяин довольно осклабился.

— Нет. До этого, к счастью, не дошло. Должен вам сказать — между нами, — что ОН был на редкость сварливый тип, и если бы ОН вернулся... Впрочем, о мертвых либо ничего, либо хорошо. Поговорим о живых. Я рад, что у вас есть двадцать дней, потому что раньше нас, может быть, не откопают.

Я понял.

— Завалило дорогу?

— Да. Сейчас я попробовал связаться с миром. Телефон не действует. Это может означать только то, что означало

уже несколько раз за последние десять лет: обвалом забило Бутылочное Горлышко, вы его проезжали, единственный проход в мою долину.

Он отпил из чашки.

— Я сразу понял, что к чему,— продолжал он.— Грохот донесся с севера. Теперь нам остается только ждать. Пока о нас вспомнят, пока организуют рабочую бригаду...

— Воды у нас хватит,— задумчиво сказал я.— А вот не впадем ли мы в людоедство?

— Нет,— сказал хозяин с видимым сожалением.— Разве что вам захочется разнообразить меню. Только я заранее предупреждаю: Кайсу я вам не отдам. Можете обглаживать господина дю Барнстокра. Он выиграл у меня сегодня семьдесят крон, старый мошенник.

— А как насчет топлива? — спросил я.

— У нас всегда есть в резерве мои вечные двигатели.

— Гм...— сказал я.— Они деревянные?

Хозяин взглянул на меня с упреком.

Некоторое время мы молча смотрели на угли. Мне было хорошо как никогда. Я обдумывал возникшие перспективы, и чем больше я их обдумывал, тем больше они мне нравились. Потом хозяин вдруг сказал:

— Одно меня беспокоит, Петер, если говорить серьезно. У меня такое впечатление, что я потерял хороших клиентов.

— Каким образом? — спросил я.— Наоборот, восемь жирных мух запутались в вашей паутине, и у них теперь нет никаких шансов выбраться раньше, чем через двадцать дней. А какая реклама! Все они потом будут рассказывать, как были погребены заживо и чуть не съели друг друга...

— Это так,— самодовольно признался хозяин.— Об этом я уже подумал. Но ведь мух могло быть и больше, сюда вот-вот должны были приехать друзья Хинкуса...

— Друзья Хинкуса? — удивился я.— Он сказал вам, что ждет друзей?

— Нет, не то чтобы сказал... Он звонил в Мюр на телеграф и продиктовал телеграмму.

— Ну и что?

Хозяин поднял палец и торжественно продекламировал:

— «Мюр, отель «У Погибшего Альпиниста». Жду, поторопитесь». Примерно вот так.

— Вот уж никогда бы не подумал, — пробормотал я, — что у Хинкуса есть друзья, которые согласны разделить с ним его одиночество. Хотя... почему бы и нет? Пуркуа па, так сказать...

Г Л А В А

7

К полуночи мы с хозяином обсудили, как бы поэффектнее оповестить остальных гостей о том, что они замурованы заживо, и решили несколько мировых проблем, а именно: обречено ли человечество на вымирание (да, обречено, однако нас к тому времени уже не будет); существует ли в природе нечто недоступное познавательным усилиям человека (да, существует, однако нам этого никогда не познать); является ли сенбернар Лель разумным существом (да, является, однако убедить в этом дураков ученых не представляется возможным); угрожает ли Вселенной так называемая тепловая смерть (нет, не угрожает, ввиду наличия в сарае у хозяина вечных двигателей как первого, так и второго рода); какого пола Брюн (здесь я доказать ничего не сумел, а хозяин высказал и обосновал странную идею, будто Брюн — это зомби, то есть оживленный магией мертвец, пола не имеющий)...

Кайса прибрала в столовой, перемыла всю посуду и явилась за разрешением лечь спать. Мы ее отпустили. Глядя ей вслед, хозяин пожаловался мне на одиночество и на то, что от него ушла жена. То есть не то, чтобы ушла... тут все не так просто... но, одним словом, жены у него теперь нет. Я ответил, что не советую ему жениться на Кайсе. Во-первых, это повредило бы заведению. А во-вторых, Кайса слишком инфантильна, чтобы сделаться хорошей женой. Хозяин согласился, что все это верно, он сам много думал об этом и пришел к точно таким же выводам. Но, сказал он, на ком же тогда ему жениться, если все мы теперь навеки замурованы в этой долине. Я оказался не в силах что-либо ему посоветовать. Я только покался, что женат уже вторично и таким образом, вероятно, исчерпал его, хозяина, лимит. Это была страшная мысль, и хотя хозяин тут же простил мне все, я все же ощутил себя эгоистом и ущемителем интересов ближнего. И чтобы

хоть как-то скомпенсировать эти свои отвратительные качества, я решил посвятить хозяина во все технические тонкости подделки лотерейных билетов. Хозяин слушал внимательно, но мне этого показалось мало, и я потребовал, чтобы он все записал. «Забудете ведь! — повторял я с отчаянием. — Заснете и все забудете...» Хозяин страшно перепугался, что действительно все забудет, и потребовал практических занятий. Кажется, именно в эту минуту сенбернар Лель вдруг вскочил и глухо гавкнул. Хозяин воззрился на него.

— Не понял! — строго сказал он.

Лель гавкнул два раза подряд и направился в холл.

— Ага, — сказал хозяин, поднимаясь. — Кто-то пожаловал.

Мы последовали за Лелем. Мы были исполнены гостеприимства. Лель стоял перед парадной дверью. Из-за двери доносились странные скребущие и скулящие звуки. Я схватил хозяина за руку.

— Медведь! — прошептал я. — Гризли! Ружье есть? Быстро!

— Боюсь, что это не медведь, — глухим голосом произнес хозяин. — Боюсь, что это, наконец, ОН. Надо отпереть.

— Не надо! — возразил я.

— Надо. Он заплатил за две недели, а прожил всего одну. Мы не имеем права. У меня отберут лицензию.

За дверью скреблись и прискуливали. Лель вел себя странно: он стоял к двери боком и смотрел на нее с вопросительным выражением, то и дело шумно потягивая воздух носом. Именно так должны вести себя собаки, впервые встретившись с привидением. Пока я мучительно подыскивал законные основания не отпирать, хозяин принял самостоятельное решение. Он смело протянул руку и отодвинул засов.

Дверь отворилась, и к нашим ногам медленно сползло облепленное снегом тело. Мы все трое бросились к нему, втащили в холл и перевернули на спину. Облепленный снегом человек застонал и вытянулся. Глаза его были закрыты, длинный нос побелел.

Хозяин, не теряя ни секунды, развил бешеную деятельность. Он разбудил Кайсу, велел ей греть воду, влил в рот незнакомцу стакан горячего портвейна, растер ему лицо шерстяной рукавицей, а затем объявил, что нужно отнести

его в душевую. «Берите его под мышки, Петер, — распорядился он, — а я возьму за ноги...» Я выполнил приказание и ощутил некоторый шок — оказалось, что незнакомец был однорукий, правой руки у него не было до самого плеча. Мы перетащили беднягу в душевую, уложили на скамью, а затем прибежала Кайса, и хозяин объявил мне, что дальше справится сам.

Я вернулся в каминную. Голова у меня была совершенно ясная, я был способен анализировать и сопоставлять с необыкновенной быстротой. Одет незнакомец был явно не по сезону. На нем был кургузый пиджачок, брюки дудочкой и модельные туфли. В здешних местах так мог быть одет только человек, едущий на автомобиле. Значит, у него что-то случилось с автомобилем, и он был вынужден добираться до отеля пешком. И видимо, издалека, раз он так обессилен и замерз. Тут я понял. Совершенно ясно: он ехал сюда на автомобиле и попал под лавину в Бутылочном Горлышке. Это был приятель Хинкуса, вот кто! Надо разбудить Хинкуса... Может быть, в машине остались еще люди, искалеченные так, что они не могут двигаться. Может быть, были жертвы... Хинкус должен знать...

Я выскочил из каминной и побежал во второй этаж. Пробегая мимо душевой, я слышал, как там обильно лилась вода и хозяин свирепым шепотом разносил Кайсу за голову. Свет в коридоре был погашен, я довольно долго искал выключатель, а потом еще дольше стучал в дверь к Хинкусу. Хинкус не отзывался. Да ведь он все еще на крыше! — ужаснулся я. Неужели дрыхнет там? А вдруг он замерз? Я стремглав помчался к чердачной лестнице. Так и есть, сидит на крыше. Он сидел в прежней позе, нахохлившись, уйдя головой в огромный воротник и сунув руки в рукава.

— Хинкус! — гаркнул я.

Он не пошевелился. Тогда я подбежал к нему и потряс за плечо. Я обалдел. Хинкус вдруг как-то странно осел, мягко подавшись у меня под руку.

— Хинкус! — растерянно закричал я, непроизвольно подхватывая его.

Шуба раскрылась, из нее вывалилось несколько комьев снега, свалилась меховая шапка, и только тогда я понял, что Хинкуса нет, а есть только снежное чучело, облаченное в его шубу. Вот в этот момент я всем нутром ощутил, что

дело дрянь. Я быстро огляделся. Яркая маленькая луна висела прямо над головой, и все было видно, как днем. На крыше было много следов, и все это были следы одинаковые, не разберешь чьи. Рядом с шезлонгом снег был промят, разбросан и разрыт — то ли здесь боролись, то ли просто собирали снег для чучела. Снежная долина, насколько хватало глаз, была пуста и чиста, темная полоса дороги уходила на север и терялась в серо-голубой дымке, скрывающей устье Бутылочного Горлышка.

Стоп, подумал я, стараясь держать себя в руках. Попробуем сообразить, зачем Хинкусу понадобилась вся эта бутафория. Несомненно, чтобы мы думали, будто он сидит на крыше. А он в это время находился совсем в другом месте и обделывал какие-то свои делишки... лже-туберкулезник, лже-бедняга... Какие же делишки и где? Я снова внимательно осмотрел крышу, попытался разобраться в следах, ничего не понял, искал в снегу, нашел две бутылки — одна была пустая, в другой еще оставалось бренди. Вот это самое недопитое бренди доконало меня. Я понял, что с того момента, как Хинкус счел возможным выбросить коту под хвост бренди на сумму не менее трех крон, события приняли действительно серьезный оборот. Я медленно спустился на второй этаж, снова постучался к Хинкусу, и снова никто не отозвался. На всякий случай я нажал на ручку. Дверь отворилась. Готовый ко всяким неожиданностям, вытянув перед собой руку, чтобы предупредить возможное нападение из темноты, я вошел и, быстро нашарив выключатель, зажег свет. В комнате все было как будто по-прежнему, и баулы стояли на прежних местах, но оба они были раскрыты. Хинкуса, конечно, в номере не было, да я и не ожидал его здесь найти. Я присел над баулами и снова тщательно обследовал их. В них тоже все было по-прежнему, за одним маленьким исключением: исчезли и золотые часы, и браунинг. Если бы Хинкус бежал, он захватил бы деньги. Хорошая пачка, увесистая. Значит, он не бежал. Значит, он здесь. А если и отлучился, то намерен вернуться.

Одно мне было ясно: готовилось какое-то преступление. Какое? Убийство? Ограбление? Мысль об убийстве я торопливо прогнал от себя. Я просто не мог себе представить, кого здесь могут убить и зачем. Потом я вспомнил про записку, которую подбросили дю Барнстокру. Мне сдела-

лось нехорошо. Впрочем, из записки явствовало, что его убьют лишь в том случае, если он попытается бежать...

Я выключил свет и вышел в коридор, прикрыв за собою дверь. Я подошел к номеру дю Барнстокра и потрогал ручку. Дверь была заперта. Тогда я постучал. Никто не откликнулся. Я постучал вторично и приложил ухо к замочной скважине. Невнятный, явно со сна, голос дю Барнстокра отозвался: «Одну минуточку, я сейчас...» Старик был жив, и старик не собирался бежать. Объясняться с ним мне не хотелось, я выскочил на лестничную площадку и прижался к стене под чердачной лестницей. Через минуту щелкнул ключ, скрипнула дверь. Голос дю Барнстокра с изумлением произнес: «Странно, однако...» Снова скрипнула дверь, и снова щелкнул ключ. Здесь все было в порядке — по крайней мере пока.

Нет, решительно подумал я. Убийство — это, конечно, чепуха, и записку ему подбросили либо в шутку, либо для отвода глаз. А вот как насчет ограбления? Кого здесь имеет смысл грабить? Насколько я понимаю, в отеле два богатых человека: Мозес и хозяин. Так. Прекрасно. Оба на первом этаже. Номера Мозеса в южном крыле, сейф хозяина — в северном. Их разделяет холл. Если я засяду в холле... Впрочем, в контору к хозяину можно попасть и сверху, спустившись из столовой в кухню и пройдя потом через буфетную. Если припереть снаружи дверь буфетной... Решено, проведем ночь в холле, а завтра видно будет. Вдруг я вспомнил об одноруком незнакомце. Гм... Судя по всему, он приятель Хинкуса и, следовательно, сообщник. Может быть, он действительно попал в аварию, а может быть, все это комедия, вроде снежной бабы на крыше... Нет, на этом нас не поймает, господа!

Я спустился в холл. В душевой уже никого не было, а посередине холла стояла с ошалелым видом Кайса и держала в охапке мокрую мятую одежду незнакомца. В коридоре южного крыла горел свет, из пустовавшего номера, что напротив каминной, доносился приглушенный бас хозяина. Незнакомца, по-видимому, устроили там, а ему, может быть, только того и надо было. Хороший расчет: не потащат же полуживого человека на второй этаж...

Кайса, очнувшись наконец, двинулась было на хозяйскую половину, но я ее остановил. Я отобрал у нее одежду и обыскал карманы. К моему огромному изумле-

нию, в карманах не оказалось ничего. Решительно ничего. Ни денег, ни документов, ни сигарет, ни носового платка — ничего.

— Что на нем сейчас? — спросил я.

— Как это? — спросила Кайса, и я оставил ее в покое.

Я вернул ей одежду и пошел посмотреть сам. Незнакомец лежал в постели, закутанный одеялом до подбородка. Хозяин поил его с ложечки чем-то горячим, приговаривая: «Надо, сударь, надо... пропотеть надо... хорошенько пропотеть надо...» Вид у незнакомца, надо сказать, был ужасный. Лицо было синее, кончик острого носа — белый как снег, один глаз был болезненно сощурен, а другой и вовсе закрыт. Он слабо постанывал при каждом вздохе. Если это и был сообщник, то он ни к черту не годился. Но несколько вопросов я должен был ему задать. В любом случае.

— Вы один? — спросил я.

Он молча смотрел на меня сощуренным глазом и тихонько стонал.

— Кто-нибудь еще остался в машине? — спросил я раздельно. — Или вы ехали один?

Незнакомец приоткрыл рот, подышал немного и снова закрыл рот.

— Слаб, — сказал хозяин. — У него все тело, как тряпка.

— Черт возьми, — пробормотал я. — А ведь придется сейчас кому-нибудь ехать к Бутылочному Горлышку.

— Да, — согласился хозяин. — Вдруг там еще кто-нибудь остался... Я думаю, они попали под обвал.

— Придется вам поехать, — сказал я решительно, и в этот момент незнакомец заговорил.

— Олаф, — сказал он без выражения. — Олаф Анд-ва-ра-форс... Позовите.

Я испытал очередной шок.

— Ага, — сказал хозяин и поставил кружку с питьем на стол. — Сейчас позову.

— Олаф... — повторил незнакомец.

Хозяин вышел, и я сел на его место. Я чувствовал себя идиотом. В то же время у меня немного отлегло от сердца: мрачная при всем ее изяществе схема, которую я построил, развалилась сама собой.

— Вы были один? — спросил я снова. — Кто-нибудь еще пострадал?

— Один...— простонал незнакомец.— Авария... Позовите Олафа... Где Олаф Андварафорс?

— Здесь, здесь,— сказал я.— Сейчас придет.

Он закрыл глаза и затих. Я откинулся на спинку стула. Ну ладно. А куда все-таки девался Хинкус? И как там хозяйский сейф? В голове у меня была каша.

Вернулся хозяин, брови у него были высоко задраны, губы поджаты. Он наклонился к моему уху и прошептал:

— Странное дело, Петер. Олаф не отзывается. Дверь заперта, оттуда несет холодом. И мои запасные ключи куда-то пропали...

Я молча извлек из кармана связку, которую стащил у него в конторе, и протянул ему.

— Ага,— сказал хозяин. Он взял ключи.— Ну, все равно. Вы знаете, Петер, пойдете-ка вместе. Что-то мне все это не нравится...

— Олаф...— простонал незнакомец.— Где Олаф?

— Сейчас, сейчас,— сказал я ему. Я чувствовал, что у меня начала подергиваться щека. Мы с хозяином вышли в коридор.— Вот что, Алек,— сказал я.— Позовите сюда Кайсу. Пусть сидит возле этого парня и не трогается с места, пока мы не вернемся.

— Ага,— произнес хозяин, играя бровями.— Вот, значит, как дела обстоят... То-то я смотрю...

Он трусцой побежал на свою половину, а я медленно направился к лестнице. Я уже поднялся на несколько ступенек, когда хозяин позади строго произнес:

— Иди сюда, Лель. Сиди здесь... Сидеть. Никого не впускать. Никого не выпускать.

Он нагнал меня уже в коридоре второго этажа, и мы вместе подошли к номеру Олафа. Я постучал и в ту же секунду увидел на двери перед самым носом записку. Записка была приколотая кнопкой на уровне глаз. «В соответствии с договоренностью, был, не застал. Если по-прежнему жаждете реванша, до одиннадцати часов к Вашим услугам. Дю Б.».

— Вы это видели? — быстро спросил я хозяина.

— Да. Только не успел вам сказать.

Я снова постучался и, уже не ожидая ответа, отобрал у хозяина связку ключей.

— Который? — спросил я.

Хозяин показал. Я сунул ключ в замочную скважину.

Черта с два — дверь была заперта изнутри, и в скважине уже был один ключ. Пока я возился, выталкивая его, отворилась дверь соседнего номера, и, затягивая пояс халата, в коридор вышел дю Барнстокр, заспанный, но благодушный.

— Что происходит, господа? — осведомился он. — Почему постояльцам не дают спать?

— Тысячā извинений, господин дю Барнстокр, — сказал хозяин, — но у нас тут происходят кое-какие события, требующие решительных действий.

— Ах вот как? — произнес дю Барнстокр с интересом. — Надеюсь, я не помешаю?

Я расчистил путь для своего ключа и выпрямился. Из-под двери несло зимним холодом, и я был совершенно уверен, что комната окажется пуста, как и номер Хинкуса. Я повернул ключ и распахнул дверь. Волна морозного воздуха окатила меня, но я почти не почувствовал этого. Номер не был пуст. На полу лежал человек. Света из коридора было недостаточно, чтобы узнать его. Я видел только огромные подошвы на пороге прихожей. Я шагнул в прихожую и зажег свет.

Это был Олаф Андварафорс, истый потомок конунгов и возмужалый бог. Он был явно и безнадежно мертв.

Г Л А В А

8

Я тщательно запер окно на все задвижки, взял чемодан и, осторожно перешагнув через тело, вышел в коридор. Хозяин уже ждал меня с клеем и полосками бумаги. Дю Барнстокр не ушел, он стоял тут же, прислонившись плечом к стене, и выглядел постаревшим лет на двадцать. Аристократический нос его обвис и жалко подрагивал.

— Какой ужас! — бормотал он, с отчаянием глядя на меня. — Какой кошмар!..

Я запер дверь, опечатал ее пятью полосками бумаги и дважды расписался на каждой полоске.

— Какой ужас!.. — бормотал дю Барнстокр у меня за спиной. — И ни реванша теперь... ничего...

— Идите к себе в номер, — сказал я ему. — Запритесь и

сидите, пока я вас не позову... Да, одну минуту. Записка ваша?

— Моя, — сказал дю Барнстокр. — Я...

— Ладно, потом, — сказал я. — Идите. — Я повернулся к хозяину. — Оба ключа от номера я забираю себе. Больше ключей нет? Хорошо. У меня к вам просьба, Алек. Ничего пока не сообщайте этому... однорукому. Соврите что-нибудь, если он станет очень уж беспокоиться. Посмотрите гараж — все ли машины на месте... Теперь вот что. Если увидите Хинкуса, задержите его, хотя бы силой. Пока все. Я буду у себя в номере. И никому ни слова, поняли?

Хозяин молча кивнул и пошел вниз.

У себя в номере я поставил чемодан Олафа на стол и раскрыл его. Здесь тоже все оказалось не как у людей. Еще хуже, чем фальшбагаж Хинкуса. Там, по крайней мере, были тряпки и книжки. А здесь, в этом плоском элегантном чемодане, занимая весь его объем, помещался какой-то прибор — черная металлическая коробка с шероховатой поверхностью... какие-то разноцветные кнопки, стеклянные окошечки, никелированные верньеры... Ни белья, ни пижамы, ни мыльницы... Я закрыл чемодан, повалился в кресло и закурил.

Ладно. Что мы имеем, инспектор Глебски? Вместо того, чтобы лежать между свежими простынями и крепко спать. Вместо того, чтобы встать пораньше, обтереться снегом и обежать на лыжах всю долину по периметру. Вместо того, чтобы потом весело пообедать, сгонять партию в бильярд, пофлиртовать с госпожой Мозес, а вечером уютно устроиться у камина. Вместо того, чтобы наслаждаться каждым днем первого настоящего отпуска за четыре года... Что мы имеем вместо всего этого? Мы имеем свежий труп. Зверское убийство. Тоскливую уголовную неразбериху.

Ладно. В ноль часов двадцать четыре минуты третьего марта сего года мною, полицейским инспектором Глебски, в присутствии добрых граждан Алека Сневар и дю Барнстокра обнаружен труп некоего Олафа Андварафорса. Труп находился в номере упомянутого Андварафорса, каковой номер был закрыт изнутри, но имел настежь раскрытое окно. Тело лежало ничком, вытянувшись на полу. Голова мертвого была зверским и неестественным образом вывернута на сто восемьдесят градусов, так что, хотя тело лежало

ничком, лицо было обращено к потолку. Руки мертвого были вытянуты и почти касались небольшого чемодана, каковой чемодан был единственным багажом, принадлежащим убитому. В правой руке убитый сжимал ожерелье из деревянных бус, принадлежавшее, как достоверно известно, доброй гражданке Кайсе. Черты лица убитого искажены, глаза широко раскрыты, рот оскален. Вблизи рта ощущается слабый, но явственный запах какого-то едкого химического вещества, то ли карболки, то ли формалина. Определенные и недвусмысленные следы борьбы в номере отсутствуют. Покрывало застеленной кровати смято, дверцы стенного шкафа приотворены, сильно сдвинуто тяжелое кресло, предназначенное стоять в подобных номерах у стола. Следов на подоконнике, а также на покрытом снегом карнизе обнаружить не удалось. Следов на бородке ключа (я достал из кармана ключ и еще раз внимательно осмотрел его)... следов на бородке ключа при визуальном осмотре также не обнаружено. Ввиду отсутствия специалистов, инструментов и лаборатории, медицинское, дактилоскопическое и всякое иное специальное исследование провести не представилось возможным (и не представится). Судя по всему, смерть последовала в результате того, что Олафу Андварафорсу с чудовищной силой и жестокостью свернули шею.

Непонятен странный запах изо рта, и непонятно, какой же гигантской силой должен обладать убийца, чтобы свернуть шею этому великану без длительной, шумной и оставляющей множество следов борьбы. Впрочем, два минуса, как известно, иногда дают плюс. Можно предположить, что Олаф был сначала отравлен, приведен в беспомощное состояние каким-то ядом, после чего его и прикончили таким злодейским способом, который, между прочим, тоже требует немалой силы. Да, такое предположение кое-что объясняет, хотя сразу же возникают новые вопросы. Зачем было добивать ослабевшего таким зверским и трудным способом? Почему его просто не ткнули ножом или не придушили веревкой, на худой конец? Ярость, бешенство, ненависть, месть?.. Садизм?.. Хинкус? Может быть, и Хинкус, хотя Хинкус на вид жидковат... А может быть, тот, кто подбросил мне записку о Хинкусе?..

Нет, так у меня не пойдет. Ну почему это не фальшивый лотерейный билет и не подчищенная бухгалтерская книга?

Там бы я быстро разобрался... Вот что мне надо делать: садиться в автомобиль и гнать по дороге до самого завала, а там попытаться перейти завал на лыжах, добраться до Мюра и вернуться с ребятами из отдела убийств. Я даже приподнялся было, но снова сел. Хороший, конечно, это был бы выход, но уж больно плохой. Оставить здесь все на произвол судьбы, дать убийце время и разные возможности... оставить дю Барнстокра, которому грозили... Да и как я переберусь через завал? Можно себе представить, что это такое: лавина в Бутылочном Горлышке.

В дверь постучали. Вошел хозяин, неся на подносе стакан с горячим кофе и сэндвичи.

— Машины все на месте, — объявил он, ставя передо мною поднос. — Лыжи тоже. Хинкуса нигде не нашел. На крыше валяется шуба и шапка, но это вы, наверное, видели.

— Да, это я видел, — проговорил я, отхлебывая кофе. — А что однорукий?

— Спит, — сказал хозяин. Он поджал губы и потрогал пальцем натеки клея на столе. — Н-да... Так вот, он спит. Станный тип. Уже порозовел и выглядит вполне прилично. Я там держу Леля. Так, на всякий случай.

— Спасибо, Алек, — сказал я. — Идите пока, и пусть все будет тихо. Пусть все спят.

Хозяин покачал головой.

— Уже не выйдет. Мозес уже встал, у него свет... Ладно, я пойду. А Кайсу я запру, она у меня дура. Хотя она еще ничего не знает.

— И пусть не знает, — сказал я.

Хозяин вышел. Я с наслаждением выпил кофе, отодвинул тарелку с сэндвичами и снова закурил. Когда я видел Олафа последний раз? Я играл на бильярде, он танцевал с чадом. Это было еще до того, как разошлись картежники. А они разошлись, когда пробило половину чего-то. Сразу после этого Мозес объявил, что ему пора спать. Ну, это время будет нетрудно установить. Но вот насколько раньше этого времени я в последний раз видел Олафа? А ведь, пожалуй, незадолго. Ладно, это мы установим. Теперь так: ожерелье Кайсы, записка дю Барнстокра, слышали ли что-нибудь соседи Олафа — дю Барнстокр и Симонэ...

Я только-только начал чувствовать, что у меня вырисовывается какой-то план расследования, как вдруг услышал глухие и довольно сильные удары в стену — из номе-

ра-музея. Я даже тихонько застонал от бешенства. Я сбросил пиджак, засучил рукава и осторожно, на цыпочках вышел в коридор. По физиономии, по щекам, мельком подумал я. Я ему покажу шуточки, кто бы это ни был...

Я распахнул дверь и пулей влетел в номер-музей. Там было темно, и я быстро включил свет. Номер был пуст, и стук вдруг прекратился, но я чувствовал, что здесь кто-то есть. Я сунулся в туалет, в шкаф, за портьеры. Позади меня глухо замычали. Я подскочил к столу и отшвырнул тяжелое кресло.

— Вылезай! — яростно приказал я.

В ответ снова раздалось глухое мычание. Я присел на корточки и заглянул под стол. Там, втиснутый между тумбочками, в страшно неудобной позе, обмотанный веревкой и с кляпом во рту, сидел, скрючившись в три погибели, опасный гангстер, маньяк и садист Хинкус и таращил на меня из сумрака слезящиеся мученические глаза. Я выволок его на середину комнаты и вырвал изо рта кляп.

— Что это значит? — спросил я.

В ответ он принялся кашлять. Он кашлял долго, с надрывом, с сипением, он отплевывался во все стороны, он охал и хрипел. Я заглянул в туалетную, взял бритву Погибшего Альпиниста и разрезал на Хинкусе веревки. Бедняга так затек, что не мог даже поднять руку и вытереть физиономию. Я дал ему воды. Он жадно выпил и, наконец, подал голос: сложно и скверно выругался. Я помог ему встать и усадил его в кресло. Бормоча ругательства, плачевно сморщив лицо, он принялся ощупывать свою шею, запястья, бока.

— Что с вами случилось? — спросил я. Глядя на него, я испытывал определенное облегчение: оказывается, мысль о том, что где-то за кулисами убийства прячется невидимый Хинкус, очень беспокоила меня.

— Что случилось... — пробормотал он. — Сами видите, что случилось! Связали, как барана, и сунули под стол...

— Кто?

— Почему я знаю? — сказал он мрачно, и вдруг его всего передернуло. — Бог ты мой! — пробормотал он. — Выпить бы... У вас нет чего-нибудь выпить, инспектор?

— Нет, — сказал я. — Но будет. Как только вы ответите на мои вопросы.

Он с трудом поднял левую руку и отогнул рукав.

— А, черт, часы раздавил, сволочь...— пробормотал он.— Сколько сейчас времени, инспектор?

— Час ночи,— ответил я.

— Час ночи...— повторил он.— Час ночи...— Глаза у него остановились.— Нет,— сказал он и поднялся.— Надо выпить. Схожу в буфетную и выпью.

Легким толчком в грудь я усадил его снова.

— Успеется,— сказал я.

— А я вам говорю, что хочу выпить! — сказал он, повышая голос и снова делая попытку встать.

— А я вам говорю, что это успеется! — сказал я, снова пресекая эту попытку.

— Кто вы такой, чтобы распоряжаться? — уже в полный голос взвизгнул он.

— Не орите,— сказал я.— Я — полицейский инспектор. А вы на подозрении, Хинкус.

— На каком еще подозрении? — спросил он, сразу сбавив тон.

— Сами знаете,— ответил я. Я старался выиграть время, чтобы сообразить, как действовать дальше.

— Ничего я не знаю,— угрюмо заявил он.— Что вы мне голову морочите? Ничего я не знаю и знать не хочу. А вы за ваши штучки ответите, инспектор.

Я и сам чувствовал, что мне придется отвечать за мои штучки.

— Слушайте, Хинкус,— сказал я.— В отеле произошло убийство. Так что лучше отвечайте на мои вопросы, потому что, если вы будете финтить, я изуродую вас, как бог черепахи. Мне терять нечего, семь бед — один ответ.

Некоторое время он молча смотрел на меня, приоткрыв рот.

— Убийство...— повторил он как бы разочарованно.— Вот те на! А только я-то здесь при чем? Меня самого без малого уколошили... А кто убит?

— А вы как думаете — кто?

— Откуда мне знать? Когда я из столовой уходил, все вроде были живы. А потом...— Он замолчал.

— Ну? — сказал я.— Что было потом?

— А ничего не было. Я сидел себе на крыше, задремал. Вдруг чувствую, душат, валят, а больше ничего не помню. Очнулся под этим паршивым столом, чуть с ума не сошел:

думал, заживо похоронили. Принялся стучать. Стучал, стучал — никто не идет. Потом вы пришли. Вот и все.

— Вы можете сказать, когда примерно вас схватили?

Он задумался и некоторое время сидел молча. Потом он вытер ладонью рот, посмотрел на пальцы, его снова передернуло, и он вытер ладонь о штанину.

— Ну? — сказал я.

Он поднял на меня тусклые глаза.

— Что?

— Я спрашиваю, когда примерно вас...

— А... Да что-то около девяти. Последний раз, когда я смотрел на часы, было восемь сорок.

— Дайте сюда ваши часы, — сказал я.

Он послушно отстегнул часы и протянул мне. Я заметил, что запястье у него покрыто сине-багровыми пятнами.

— Разбиты они, — сообщил он.

Часы были не разбиты, они были раздавлены. Часовая стрелка была отломана, а минутная показывала сорок три минуты.

— Кто это был? — снова спросил я.

— Откуда мне знать? Я же говорю, что задремал.

— И не проснулись, когда вас схватили?

— Меня схватили сзади, — угрюмо произнес он. — Нет у меня глаз на заду.

— А ну, поднимите подбородок!

Он мрачно смотрел на меня исподлобья, и я понял, что я на верном пути. Я взял его двумя пальцами за челюсть и толчком вздернул его голову. Бог знает, что означали эти синяки и царапины на его худой жилистой шее, но я уверенно сказал:

— Перестаньте лгать, Хинкус. Вас душили спереди, и вы его видели. Кто это был?

Дернув головой, он освободился.

— Идите к черту, — прохрипел он. — К дьяволу. Не ваше собачье дело. Кого бы здесь не стукнули, я к этому отношения не имею, а на остальное мне наплевать... И мне нужно выпить! — заорал он вдруг. — У меня все болит, понимаете вы это, полицейская балда?

По-видимому, он был прав. В чем бы он ни был замешан, к убийству он отношения не имел, во всяком случае, прямого. Однако и я не имел права отступать.

— Как угодно, — холодно сказал я. — Тогда я запру вас

в кладовку, и вы не получите ни бренди, ни сигарет, пока не скажете все, что знаете.

— Да что вам от меня нужно?.. — простонал он. Я видел, что он вот-вот заплачет. — Чего вы ко мне привязались?

— Кто вас схватил?

— Ч-черт! — прошипел он в отчаянии. — Да не желаю я об этом говорить, можете вы это понять? Видел, да, видел, кто это был! — Его снова передернуло, прямо-таки перекосило на сторону. — Врагу своему не пожелаю такое увидеть!.. Вам, черт бы вас подрал, не пожелаю такого! Вы бы сдохли от страха!

Он был не в себе.

— Ладно, — сказал я и поднялся. — Пойдемте.

— Куда?

— Тут рядом, — сказал я.

Мы вышли в коридор. Он пошатывался и цеплялся за мой рукав. Мне было интересно, как он отреагирует, увидев наклейки на двери Олафа, но он ничего не заметил, ему явно было не до того. Я привел его в столовую, налил в стакан бренди и подал ему. Он жадно схватил стакан и залпом выпил.

— Господи, — прохрипел он, утираясь. — Смачно-то как!..

Я смотрел на него. Можно было, конечно, предположить, что он в сговоре с убийцей, что все это задумано для отвода глаз, тем более что он приехал вместе с Олафом, можно было даже предположить, что он и есть убийца и что сообщники потом связали его для создания алиби, но я чувствовал, что это слишком сложно для правды. То есть с ним явно не все в порядке: никакой он не туберкулезник, и никакой он, видимо, не ходатай по делам несовершеннолетних, и остается открытым вопрос, для чего он торчал на крыше... Меня вдруг осенило. Что бы он ни делал на крыше, это кому-то мешало, возможно, как-то мешало покончить с Олафом, и его убрали. Его убрали, а тот, кто его убирал, внушал почему-то Хинкусу невыносимый ужас, а значит, не был постояльцем отеля, ибо никого в отеле Хинкус, по-видимому, не боялся. Чепуха какая-то... И тут я вспомнил все эти истории с душем, с трубкой, с тайнственными записками и вспомнил, каким зеленым и напуганным был Хинкус, когда днем спускался с крыши...

— Слушайте, Хинкус, — мягко сказал я. — Тот, кто вас схватил... ведь вы видели его и раньше, днем?

Он дико взглянул на меня и потянулся к бутылке.

— Так, — сказал я. — Ну, пойдете. Я запрю вас в номере.

— А вы? — хрипло спросил он.

— Что — я?

— Вы уйдете?

— Естественно, — сказал я.

— Послушайте, — сказал он. — Послушайте, инспектор... — Глаза у него бегали, он искал, что сказать. — Вы... Я... Вы... вы заглядывайте ко мне, ладно? Я, может быть, вспомню еще что-нибудь... или, может быть, я побуду с вами? — Он умоляюще глядел на меня. — Я не убегу, и... ничего... клянусь вам...

— Вы боитесь остаться один в номере? — спросил я.

— Да, — ответил он.

— Но ведь я вас запрю, — сказал я. — И ключ унесу с собой...

В каком-то отчаянии он махнул рукой.

— Это не поможет, — пробормотал он.

— Ну-ну, Хинкус, — строго сказал я. — Будьте же мужчиной! Что вы раскисли?

Он ничего не ответил. Я отвел его в номер и, еще раз пообещав навестить, запер. Ключ я действительно вынул и сунул в карман. Я чувствовал, что Хинкус — это неразработанная жила и что им еще придется заниматься. Я ушел не сразу. Я постоял несколько минут у дверей, приложив ухо к замочной скважине. Слышно было, как потекла вода в умывальнике, потом скрипнула кровать, потом раздались частые прерывистые звуки. Я не сразу догадался, что это, а потом понял: Хинкус плакал.

Я оставил его наедине с совестью и направился к дню Барнстокру. Старик открыл мне немедленно. Он был страшно возбужден. Он даже не предложил мне сесть. Комната была полна сигарного дыма.

— Мой дорогой инспектор! — немедленно начал он, выделывая фантастические вещи с сигарой, которую он держал двумя пальцами в приподнятой руке. — Мой уважаемый друг! Я чувствую себя чертовски неловко, но дело зашло слишком далеко. Я должен признаться вам в одной своей маленькой провинности...

— Что вы убили Олафа Андварафорса, — мрачно сказал я, опускаясь в кресло.

Он содрогнулся и всплеснул руками.

— О боже! Нет! Я в жизни своей никого не тронул пальцем! Кэль идэ! Нет! Я хочу только чистосердечно признаться в том, что регулярно мистифицировал публику в нашем отеле... — Он прижал руки к груди, обсыпая халат сигарным пеплом. — Поверьте, поймите меня правильно: это были просто шутки! Пусть не бог весть какие изящные и остроумные, но совершенно невинные... Это у меня профессиональное, я обожаю атмосферу таинственности, мистификации, всеобщего недоумения... Никакого злого умысла, уверяю вас! Никакой корысти...

— Какие именно шутки вы имеете в виду? — спросил я сухо. Я был зол и разочарован. Я не ожидал, что этим занимался именно дю Барнстокр. Я был о старике лучшего мнения.

— Н-ну... Все это маленькие розыгрыши по поводу тени Погибшего Альпиниста. Ну там туфли, которые я сам у себя украл и сунул к нему под кровать... Шутки с душем... Вас я немножко помистифицировал — помните, пепел из трубки?.. Ну и тому подобное, я уж не упомяну всего...

— Стол у меня испоганили тоже вы? — спросил я.

— Стол? — Он растерянно посмотрел на меня, потом оглянулся на свой собственный стол.

— Да, стол. Залили клеем, безнадежно испортили хорошую вещь...

— Н-нет, — испуганно сказал он. — Клеем... стол... Нет-нет, это не я, клянусь вам! — Он снова прижал руки к груди. — Вы поймите, инспектор, ведь все, что я делал, было совершенно невинно, я никому не причинял ни малейшего ущерба... Мне даже казалось, что это всем нравится, а наш дорогой хозяин так прекрасно мне подыгрывал...

— Хозяин был с вами в сговоре?

— Нет, что вы! — Он замахал на меня руками. — Я имею в виду, что он... что ему это в общем нравилось, он же и сам немножко мистификатор, вы заметили? Как он говорит, знаете, таким особенным голосом, и это его знаменитое «позвольте мне погрузиться в прошлое...».

— Понятно, — сказал я. — А следы в коридорах?

Лицо дю Барнстокра сделалось сосредоточенным и серьезным.

— Нет-нет,— сказал он.— Это не я. Но я знаю, о чем вы говорите. Я это видел однажды. Это было еще до вашего приезда. Мокрые следы босых ног, они шли с лестничной площадки и вели, как это ни глупо, в номер-музей... Тоже шутка, конечно, но не моя...

— Хорошо,— сказал я.— Оставим это. Еще один вопрос. Записка, которую вам якобы подбросили, это тоже ваш розыгрыш, как я понимаю?

— Тоже не мой,— сказал дю Барнстокр с достоинством.— Передавая вам эту записку, я рассказывал чистую правду.

— Минуточку,— сказал я.— Значит, дело было так. Олаф вышел, вы остались сидеть. Кто-то постучал в дверь, вы откликнулись, потом глянули и увидели на полу у дверей записку. Так?

— Так.

— Минуточку,— повторил я. Я ощутил приближение новой мысли.— Позвольте, господин дю Барнстокр, а почему вы, собственно, решили, что это угрожающее послание адресовано именно вам?

— Совершенно с вами согласен,— сказал дю Барнстокр.— Уже потом я понял, уже прочитав, что будь записка адресована мне, ее, наверное, подсунули бы под мою дверь. Но в тот момент я действовал как-то подсознательно, что ли... Ведь тот, кто постучал, слышал мой голос, то есть знал, что я здесь... Вы меня понимаете? Во всяком случае, когда наш бедный Олаф вернулся, я немедленно показал ему эту записку, чтобы вместе посмеяться над нею...

— Так,— сказал я.— И что же Олаф? Смеялся?

— Н-нет, он не смеялся... У него, знаете ли, чувство юмора... В общем, он прочел, пожал плечами, и мы тут же продолжили игру. Он оставался совершенно спокоен, флегматичен и больше ни разу не вспомнил об этой записке... А я, как вы знаете, решил, что это чья-то мистификация и, откровенно говоря, продолжаю думать так же и сейчас... Вы знаете, в узком кругу отдыхающих, скучающих людей всегда найдется человек...

— Знаю,— сказал я.

— Вы полагаете, эта записка действительно...

— Все может быть,— сказал я. Мы помолчали.— А теперь расскажите, что вы делали с того момента, как Мозес ушли спать.

— Извольте,— сказал дю Барнстокр.— Я ожидал этого вопроса и специально восстановил в памяти всю последовательность своих действий. Дело было так. Когда все разошлись, а было это примерно в половине десятого, я некоторое время...

— Одну минуту,— прервал я его.— Это было в половине десятого, говорите вы?

— Да, примерно.

— Хорошо. Тогда скажите сначала мне вот что. Не можете ли вы припомнить, кто находился в столовой между половиной девятого и половиной десятого?

Дю Барнстокр взялся за лоб длинными белыми пальцами.

— М-м-м...— произнес он.— Это будет посложнее. Я ведь был занят игрой... Ну, естественно, Мозес, хозяин... Время от времени карту брала госпожа Мозес... Это у нас за столиком. Брюн и Олаф танцевали, а потом... нет, пардон, еще до этого... танцевали госпожа Мозес и Брюн... Но вы понимаете, мой дорогой инспектор, я совершенно не в состоянии установить, когда это было — в половине девятого, в девять... О! Часы пробили девять, и я, помнится, оглядел зал и подумал, как мало народу осталось. Играла музыка, и зал был пуст, только танцевали Брюн с Олафом... Вы знаете, это, пожалуй, единственное ясное впечатление, которое осталось у меня в памяти,— закончил он с сожалением.

— Так,— сказал я.— А хозяин и господин Мозес хоть раз выходили из-за стола?

— Нет,— сказал он уверенно.— Оба они оказались чрезвычайно азартными партнерами.

— То есть в девять часов в зале были только трое игроков, Брюн и Олаф?

— Именно так. Это я помню совершенно отчетливо.

— Хорошо,— сказал я.— Теперь вернемся к вам. Итак, после того как все разошлись, вы посидели еще некоторое время за карточным столиком, упражняясь в карточных фокусах...

— Упражняясь в фокусах? А, вполне возможно. Иногда в задумчивости я даю волю своим пальцам, это происхо-

дит неосознанно. Да. Затем я решил выкурить сигару и направился сюда, к себе в номер. Я выкурил сигару, сел в это кресло и, признаться, вздремнул. Проснулся я словно бы от какого-то толчка — я вдруг вспомнил, что в десять часов обещал реванш бедному Олафу. Я взглянул на часы. Точного времени не помню, но было самое начало одиннадцатого, и я с облегчением понял, что опоздаю ненамного. Я наскоро привел себя в порядок перед зеркалом, взял пачку ассигнаций, сигары и вышел в коридор. В коридоре, инспектор, было пусто, это я помню. Я постучал в дверь к Олафу — никто не отозвался. Я постучал вторично, и снова без всякого успеха. Я понял, что господин Олаф сам забыл о реванше и занят какими-нибудь более интересными делами. Однако в таких вопросах я страшно щепетилен. Я написал известную вам записку и приколот ее к двери. Затем я честно прождал до одиннадцати, читая вот эту книгу, и в одиннадцать лег спать. И вот что интересно, инспектор. Незадолго до того, как вы с хозяином принялись шуметь и стучать в коридоре, меня разбудил стук в мою дверь. Я открыл, но никого не оказалось. Я лег снова и больше уже не смог заснуть.

— Угу,— сказал я.— Понятно. Значит, с того момента, как вы приколоты записку, и до одиннадцати часов, когда вы легли спать, не произошло больше ничего существенного... не было никакого шума, движения?

— Нет,— сказал дю Барнстокр.— Ничего.

— А где вы были? Здесь или в спальне?

— Здесь, сидел в этом кресле.

— Угу,— сказал я.— И последний вопрос. Вчера до обеда вы не разговаривали с Хинкусом?

— С Хинкусом?... А, это такой маленький, жалкий... Постойте, мой милый друг... Да, конечно! Мы же все вместе стояли возле душа, помните? Господин Хинкус был раздражен ожиданием, и я успокоил его каким-то маленьким фокусом... Ах да, леденцы! Он очень забавно растерялся тогда. Обожаю такие мистификации.

— А после этого вы с ним не разговаривали?

Дю Барнстокр задумался.

— Нет,— сказал он.— Насколько мне помнится — нет.

— И вы не поднимались на крышу?

— На крышу? Нет. Нет-нет. На крышу я не поднимался.

Я встал.

— Благодарю вас, господин дю Барнстокр. Вы оказали следствию помощь. Я надеюсь, вы понимаете, насколько неуместны были бы сейчас новые мистификации... (Он молча замахал на меня руками.) Ну, вот и хорошо. Я очень советую вам принять таблетку снотворного и лечь спать. На мой взгляд, это лучшее, что вы можете сейчас сделать.

— Я попытаюсь, — с готовностью сказал дю Барнстокр.

Я пожелал ему спокойной ночи и вышел. Я направился разбудить чадо, но тут я увидел, как в конце коридора быстро и бесшумно захлопнулась приоткрытая дверь номера Симонэ. Я немедленно повернул туда.

Я вошел, не постучавшись, и сразу понял, что поступил правильно. Через открытую дверь спальни я увидел, как великий физик, прыгая на одной ноге, сдирает с себя брюки. Это было тем более глупо, что в обеих комнатах номера горел свет.

— Не трудитесь, Симонэ, — произнес я угрюмо. — Все равно вы не успеете развязать галстук.

Симонэ обессиленно опустил на кровать. Челюсть у него тряслась, глаза вылезли из орбит. Я вошел в спальню и остановился перед ним, засунув руки в карманы. Некоторое время мы молчали. Я не сказал больше ни слова, я просто смотрел на него, давая ему время осознать, что он пропал. А он под моим взглядом все более сникал, голова его все глубже уходила в плечи, волнистый унылый нос становился все более унылым. Наконец он не выдержал.

— Я буду говорить только в присутствии своего адвоката, — объявил он надтреснутым голосом.

— Бросьте, Симонэ, — сказал я с отвращением. — А еще физик. Какие вам тут адвокаты?

Он вдруг схватил меня за полу пиджака и, заглядывая мне в глаза снизу вверх, просипел:

— Думайте, что хотите, Петер, но я вам клянусь: я не убивал ее.

Наступила моя очередь присесть. Я нащупал за собой стул и сел.

— Подумайте сами, зачем это мне? — страстно продолжал Симонэ. — Ведь должны быть мотивы... Никто не убивает просто так... Конечно, существуют садисты, но они ведь сумасшедшие... Тем более такое зверство, такой

кошмар... Клянусь вам! Она была уже совсем холодная, когда я обнял ее!

На несколько секунд я закрыл глаза. Так. В доме был еще один труп. На этот раз — женщина.

— Вы же отлично знаете, — горячечно бормотал Симонэ, — преступлений просто так не бывает. Правда, Андрэ Жид писал... Но это все так, игра интеллекта... Нужен мотив... Вы же меня знаете, Петер! Посмотрите на меня: разве я похож на убийцу?

— Стоп! — сказал я. — Подумайте хорошенько и расскажите все по порядку.

Он не стал думать.

— Пожалуйста, — с готовностью сказал он. — Но вы должны поверить мне, Петер. Все, что я расскажу, будет истинная правда, и только правда. Дело было так. Еще во время этого проклятого бала. Да она и раньше давала мне понять, только я не решался... А в этот раз пропустил стаканчик бренди и решился. Почему бы нет? Ведь это же не преступление, не правда ли? Н-ну, и вот часов в одиннадцать, когда все уgomонились, я вышел и тихонько спустился вниз. Вы с хозяином несли какую-то чепуху в каминной, что-то там о познании природы, обычная ерунда... Я тихонько прошел мимо каминной — я был в носках — и прокрался к ее номеру. У старика света не было, у нее — тоже. Дверь ее, как я и ожидал, была не заперта, это сразу придавало мне бодрости. Темно было — хоть глаз выколи, но я различил ее силуэт. Она сидела на кушетке прямо напротив двери. Я тихонько ее окликнул, она не ответила. Тогда, сами понимаете, я сел рядом с ней и, сами понимаете, обнял... Бр-р-р-р!.. Я даже поцеловать ее не успел! Она была совершенно мертвая. Лед! Окаменевшая, как дерево! И этот оскал... Я не помню, как я оттуда вылетел. По-моему, я там всю мебель поломал... Я клянусь вам, Петер, когда я дотронулся до нее, она была уже совершенно мертвая, холодная и окоченевшая... И потом, я не зверь...

— Наденьте брюки, — сказал я с тихим отчаянием. — Приведите себя в порядок и следуйте за мной.

— Куда? — спросил он с ужасом.

— В тюрьму! — гаркнул я. — В карцер! В башню пыток, идиот!

— Сейчас, — сказал он. — Сию минуту. Я просто не понял вас, Петер.

Мы спустились в холл навстречу вопрошающему взгляду хозяина. Хозяин сидел за журнальным столиком, положив перед собой тяжелый многозарядный винчестер. Я знаком приказал ему оставаться на месте и свернул в коридор на половину Мозесов. Лель, лежавший на пороге комнаты незнакомца, проворчал нам что-то неприязненное. Симонэ семенил за мною следом, время от времени судорожно вздыхая.

Я решительно толкнул дверь в номер госпожи Мозес и остолбенел. В комнате горел розовый торшер, а на диване прямо напротив двери в позе мадам Рекамье возлежала в шелковой пижаме очаровательная госпожа Мозес и читала книгу. Увидев меня, она удивленно подняла брови, но, впрочем, тут же очень мило улыбнулась. Симонэ за моей спиной издал странный звук — что-то вроде «а-ап!».

— Прощу прощения, — еле ворочая языком, проговорил я и со всей возможной стремительностью закрыл двери. Затем я повернулся к Симонэ и неторопливо, с наслаждением взял его за галстук.

— Клянусь! — одними губами произнес Симонэ. Он был на грани обморока.

Я отпустил его.

— Вы ошиблись, Симонэ, — сухо сказал я. — Вернемся в ваш номер.

Прежним порядком мы проследовали в обратном направлении. Впрочем, по дороге я передумал и повел его в свой номер. Я вдруг сообразил, что номер мой не заперт, а там у меня вещественное доказательство. И кстати, не мешает показать это самое доказательство великому физику.

Войдя, Симонэ бросился в мое кресло, на секунду закрыл лицо руками, а затем принялся стучать себя по черепу кулаками, как развеселившийся шимпанзе.

— Спасен! — бормотал он с идиотской улыбкой. — Ура! Снова живу! Не таюсь, не прячусь! Ура!..

Потом он положил руки на край стола, уставился на меня круглыми глазами и произнес шепотом:

— Но ведь она была мертва, Петер! Клянусь вам. Она была убита, и мало того...

— Ерунда, — сказал я холодно. — Вы были омерзительно пьяны.

— Нет-нет, — возразил Симонэ, мотая головой. — Я был навеселе, это верно, но тут что-то нечисто, тут что-то

не так... Скорее, уж это был кошмар, бред. Может быть, я на самом деле немножко того, а, Петер?

— Может быть,— согласился я.

— Не знаю, просто не знаю... Я глаз не сомкнул все это время, то раздевался, то одевался... хотел даже бежать... особенно когда услышал, как вы там ходите и говорите придушенными голосами...

— Где вы находились в это время?

— Я находился... В какое, собственно, время?

— Пока мы говорили придушенными голосами.

— У себя. Я не выходил из номера.

— В какой именно комнате вашего номера вы находились?

— То в одной, то в другой... Честно говоря, пока вы допрашивали Олафа, я пытался подслушивать и сидел в спальне...— Глаза его вдруг снова выкатились.— Постойте-ка,— сказал он.— Но если она жива... тогда из-за чего вся эта суета? Что случилось? Заболел кто-нибудь?

— Отвечайте на мои вопросы,— сказал я.— Что вы делали после того, как я ушел из бильярдной?

Некоторое время он молчал, глядя на меня круглыми глазами и покусывая нижнюю губу.

— Понятно,— сказал он наконец.— Значит, все-таки что-то случилось. Ну ладно... Что я делал после того, как вы ушли? Сыграл сам с собой на бильярде и пошел к себе. Было уже около десяти, а я назначил свое предприятие на одиннадцать, надо было привести себя в порядок, освежиться, побриться, то-се... Этим я и занимался примерно до половины одиннадцатого. А потом ждал, смотрел на часы, смотрел в окошко... Остальное вы знаете... Вот так...

— Вы вернулись в номер около десяти. А точнее? Ведь вы собирались на свидание и наверняка часто поглядывали на часы.

Симонэ тихонько свистнул.

— Ого! — сказал он.— Кажется, это следствие по всем правилам. Может быть, вы все-таки скажете мне, что произошло?

— Убит Олаф,— сказал я.

— Как — убит? Вы же только что были у него в номере... Я сам слышал, как вы с ним там разговаривали...

— Я разговаривал не с ним,— сказал я.— Олаф мертв.

Поэтому постарайтесь поточнее вспомнить все, о чем я вас спрашиваю. Когда вы вернулись в свой номер?

Симонэ вытер покрытый испариной лоб. Лицо у него сделалось несчастным.

— Безумие какое-то, — пробормотал он. — Сумасшедший бред... Сначала то, теперь это...

Я применил старый испытанный прием. Пристально глядя на Симонэ, я сказал:

— Перестаньте крутить. Отвечайте на мои вопросы.

Симонэ мгновенно ощутил себя подозреваемым, и все его эмоции тут же исчезли. Он перестал думать о госпоже Мозес. Он перестал думать о бедном Олафе. Теперь он думал только о себе.

— Что вы этим хотите сказать? — пробормотал он. — Что это значит — «перестаньте крутить»?..

— Это значит, что я жду ответа, — сказал я. — Когда — точно — вы вернулись в свой номер?

Симонэ преувеличенно-оскорбленно пожал плечами.

— Извольте, — сказал он. — Смешно, конечно, и дико, но... пожалуйста. Извольте. Из бильярдной я вышел без десяти десять. С точностью плюс-минус одна минута. Я посмотрел на часы и понял, что мне пора. Было без десяти десять.

— Что вы сделали, когда вошли в номер?

— Извольте. Я прошел в спальню, разделся... — Он вдруг остановился. — А знаете, Петер... Я ведь понимаю, что вам нужно. В это время Олаф был еще жив. Впрочем, откуда мне знать, может быть, это был уже не Олаф.

— Рассказывайте по порядку, — приказал я.

— Да тут нечего рассказывать по порядку... За стеной спальни двигали мебель. Голосов я не помню. Не было голосов. Но что-то там двигалось. Помнится, я показал стене язык и подумал: вот так-то, белокурая бестия, ты ляжешь баиньки, а я пойду к моей Ольге... Или что-то в этом духе. Это было, следовательно, примерно без пяти десять. Плюс-минус три минуты.

— Так. Дальше.

— Дальше... Дальше я пошел в туалетную комнату. Я тщательно побрился электрической бритвой. Я тщательно вымылся до пояса. Я тщательно вытерся махровым полотенцем... — В голосе унылого шалуна стремительно нарастала язвительность. Впрочем, он тут же почувствовал

неуместность такого тона и спохватился. — Короче говоря, в следующий раз я посмотрел на часы, когда вышел из туалетной. Было около половины одиннадцатого. Без двух-трех минут.

— Вы остались в спальне?

— Да, одевался я в спальне. Но больше я уже ничего не слышал. А если и слышал, то не обратил внимания. Одевшись, я вышел в гостиную и стал ждать. И я клятвенно утверждаю, что после вечеринки Олафа в глаза не видел.

— Вы уже утверждали клятвенно, что госпожа Мозес мертва, — заметил я.

— Ну, это я не знаю... Это я не понимаю. Уверяю вас, Петер...

— Верю, — сказал я. — Теперь скажите, когда вы в последний раз разговаривали с Хинкусом?

— Гм... Да я, пожалуй, вообще с ним никогда не разговаривал. Ни разу. Не представляю, о чем бы я мог с ним разговаривать.

— А когда вы его в последний раз видели?

Симонэ прищурился, вспоминая.

— Около душа? — произнес он с вопросительной интонацией. — Да нет, что это я! Он же обедал вместе со всеми, вы его тогда привели с крыши. А потом... куда-то он испарился, что ли... А что с ним случилось?

— Ничего особенного, — небрежно сказал я. — Еще один вопрос. Кто, по-вашему, разыгрывал все эти штучки — с душем, с пропавшими туфлями...

— Понимаю, — сказал Симонэ. — По-моему, начал это дю Барнстокр, а поддерживали его все кому не лень. Хозяин в первую очередь.

— А вы?

— И я. Я заглядывал в окна к госпоже Мозес. Обожаю такие шутки... — Он заржал было своим могильным смехом, но тут же спохватился и поспешно сделал серьезное лицо.

— И больше ничего? — спросил я.

— Ну, почему же ничего? Я звонил Кайсе из пустых номеров и устраивал «посещения утопленника»...

— То есть?

— То есть бегал по коридорам босиком с мокрыми ногами. Потом я собирался соорудить небольшое привидение, да так и не собрался.

— Нам повезло,— сухо сказал я.— А часы Мозеса — ваша работа?

— Какие часы Мозеса? Золотые такие? Луковица? Мне захотелось его ударить.

— Да,— сказал я.— Луковица. Вы их сперли?

— За кого вы меня принимаете? — возмутился Симонэ.— Что я вам — воришка?

— Нет-нет, не воришка,— сказал я, сдерживаясь.— Вы их утащили в шутку. Устроили «посещение Багдадского Вора».

— Слушайте, Петер,— сказал Симонэ очень серьезно.— Я вижу, что с этими часами тоже что-то произошло. Так вот — я их не трогал. Но я их видел. Да и все, наверное, видели. Здоровенная такая луковица, Мозес однажды при всем народе уронил ее в свою кружку...

— Хорошо,— сказал я.— Оставим это. Теперь у меня к вам вопрос, как к специалисту.— Я положил перед ним чемодан Олафа и откинул крышку.— Что это может быть, как по-вашему?

Симонэ быстро оглядел прибор, осторожно извлек его из чемодана и, посвистывая сквозь зубы, принялся рассматривать со всех сторон. Потом он взвесил его в руках и так же осторожно вложил обратно в чемодан.

— Не моя область,— сказал он.— Судя по тому, как это компактно и добротно сделано, это что-то либо военное, либо космическое. Не знаю. Даже догадаться не могу. Где вы это взяли. У Олафа?

— Да,— сказал я.

— Подумать только! — пробормотал он.— У этой дубины... Впрочем, пардон. На кой черт здесь верньеры? Ну это, вероятно, подключения? Очень странный агрегат...— Он посмотрел на меня.— Если хотите, Петер, я могу понажимать здесь клавиши и покрутить колесики и винтики. Я человек рискованный. Но имейте в виду, это очень нездоровое занятие.

— Не надо,— сказал я.— Дайте сюда.— Я закрыл чемодан.

— Правильно,— одобрил Симонэ, откидываясь в кресле.— Это надо отдать экспертам. Я даже знаю — кому... Между прочим,— сказал он.— Что это вы всем этим занимаетесь? Вы — энтузиаст своего дела? Почему вы не вызовете специалистов?

Я коротко объяснил ему про обвал.

— Все одно к одному, — уныло произнес он. — Мне можно идти?

— Да, — сказал я. — И сидите в своем номере. Лучше всего ложитесь спать.

Он ушел. Я взял чемодан и искал, куда его можно спрятать. Спрятать было некуда. Военное или космическое, подумал я. Только этого мне и не хватало. Политическое убийство, шпионаж, диверсия... Тьфу, глупость! Если бы убили из-за этого чемодана, чемодан бы унесли... Куда же мне его деть? Тут я вспомнил про хозяйский сейф и, взяв чемодан под мышку — для верности, — спустился вниз.

Хозяин расположился за столиком с бумагами и арифмометром. Винчестер был у него под рукой — прислонен рядом к стене.

— Что новенького? — спросил я.

Он поднялся мне навстречу.

— Да ничего особенно хорошего, — ответил он с виноватым лицом. — Пришлось мне объяснить Мозесу, что произошло.

— Зачем?

— Он с бешеной силой рвался к вам наверх, шипел, что никому не позволит врываться среди ночи к его жене. Я просто не знал, как его остановить, и объяснил, что к чему. Я решил, что так будет меньше шуму.

— Плохо, — сказал я. — Но это я сам виноват. А он что?

— А ничего. Выкатил на меня свои глазищи, отхлебнул из кружки, помолчал с полминуты, а потом стал орать — кого это я поселил на его территории, да как посмел... Еле-еле я от него отбился.

— Ну ладно, — сказал я. — Вот что, Алек. Дайте мне ключ от вашего сейфа, я спрячу туда вот этот чемодан, а ключ — вы уж извините — оставлю у себя. Во-вторых, мне нужно допросить Кайсу. Приведите ее в вашу контору. А в-третьих, я очень хотел бы кофе.

— Пойдемте, — сказал хозяин.

Я выпил кружку кофе и допросил Кайсу. Кофе был прекрасный. Но от Кайсы я почти ничего не добился. Во-первых, она все время засыпала на стуле, а когда я ее будил, немедленно спрашивала: «Чего это?» Во-вторых, она, казалось, совершенно неспособна была говорить об Олафе. Каждый раз, когда я произносил это имя, она заливалась краской, принималась хихикать, совершать сложные движения плечом и закрываться ладонью. У меня осталось впечатление, что Олаф успел здесь нашалить и что произошло это почти сразу после обеда, когда Кайса сносила вниз и мыла посуду. «А бусы они у меня забрали, — рассказала Кайса, хихикая. — Сувенир, говорят, на память то есть. Шалуны они...» В общем, я отправил ее спать, а сам вышел в холл и принялся за хозяина.

— Что вы обо всем этом думаете, Алек? — спросил я.

Он с удовольствием отодвинул арифмометр и с хрустом расправил могучие плечи.

— Я думаю, Петер, что в самом скором времени мне придется дать отелю другое название.

— Вот как? — сказал я. — А что это будет за название?

— Еще не знаю, — ответил хозяин. — И это меня несколько беспокоит. Через несколько дней моя долина будет кишеть репортерами, и к этому времени я должен быть во всеоружии. Конечно, многое будет зависеть от того, к каким выводам придет официальное следствие, но ведь к частному мнению владельца пресса не может не прислушаться...

— У владельца уже есть частное мнение? — удивился я.

— Ну, может быть, не совсем правильно называть это мнением... Но во всяком случае, у меня есть некое ощущение, которого у вас, по-моему, пока нет. Но оно будет, Петер. Оно обязательно появится и у вас, когда вы копнете это дело поглубже. Просто мы с вами по-разному устроены. Я все-таки механик-самоучка, поэтому ощущения мои как правило возникают вместо выводов. А вы — полицейский инспектор. У вас ощущения возникают в результате выводов, когда выводы вас не удовлетворяют. Когда они

вас обескураживают. Так-то вот, Петер... А теперь задавайте ваши вопросы.

Неожиданно для себя — уж очень я отчаялся и устал — я рассказал ему о Хинкусе. Он слушал, кивая лысой головой.

— Да, — сказал он, когда я кончил. — Вот видите, и Хинкус тоже...

Обронив это таинственное замечание, он обстоятельно и безо всякого понуждения рассказал, что делал после окончания карточной игры. Впрочем, знал он очень мало. Олафа в последний раз он видел примерно тогда же, когда и я. В половине десятого он спустился вниз вместе с Мозесами, покормил Леля, выпустил его погулять, задал трепку Кайсе за неторопливость, а тут появился я. Возникла идея посидеть у камина. Он отдал распоряжение Кайсе и направился в столовую, чтобы выключить там музыку и свет.

— ...Конечно, я мог бы тогда же зайти к Олафу и свернуть ему шею, хотя я совсем не уверен, что Олаф позволил бы мне это сделать. Но я и пытаться не стал, а просто пошел вниз и погасил свет в холле. Насколько я помню, все было в порядке. Все двери верхнего этажа были закрыты, и стояла тишина. Я вернулся в буфетную, и в эту минуту произошел обвал. Если вы помните, я занес вам кофе, а сам подумал: пойду-ка я позвоню в Мюр. У меня уже тогда появилось ощущение, что дело швах. Позвонив, я вернулся к вам в каминную, и больше мы не разлучались.

Я разглядывал его сквозь прикрытые веки. Да, он был очень крепким мужчиной. И вероятно, у него хватило бы силы свернуть шею Олафу, особенно если Олаф был предварительно отравлен. И он, хозяин отеля, как никто другой, располагал возможностями отравить любого из нас. Более того, у него мог быть запасной ключ от номера Олафа. Третий ключ... Все это он мог. Но кое-чего он не мог. Он не мог выйти из номера через дверь и запереть ее изнутри. Он не мог выскочить через окно, не оставив следов на подоконнике, не оставив следов на карнизе и не оставив следов — очень глубоких и очень заметных следов — внизу под окном... Между прочим, этого никто не смог бы сделать. Оставалось предположить существование потайного люка, ведущего из номера Олафа в номер, который сейчас занимает однорукий. Но тогда преступление становится изощ-

ренно сложным, это означало бы, что его запланировали давно и с совершенно непонятной целью... А черт, я же своими ушами слышал, как он, выключив музыку, спустился по лестнице и делал выговор Лелю. Через минуту после этого случился обвал, а потом...

— Вы мне разрешите полюбопытствовать, — сказал хозяин, — зачем вы с Симонэ заходили к госпоже Мозес?

— А, пустяки, — сказал я. — Великому физику почудилось бог знает что...

— Вы не скажете мне, что именно?

— Да вздор! — сказал я с досадой, пытаюсь ухватить за хвостик какую-то любопытную мысль, проскользнувшую у меня в сознании за несколько секунд до этого. — Вы меня сбили, Алек. Ну ладно, потом вспомню... Теперь насчет Хинкуса. Попытайтесь вспомнить, кто выходил из столовой между половиной девятого и девятью.

— Я, конечно, могу попытаться, — мягко сказал хозяин, — но ведь вы сами обратили мое внимание на тот факт, что Хинкус безумно напуган этим, скажем, существом, которое его связало.

Я впился в него глазами.

— Ну, и что вы об этом думаете?

— А вы? — спросил он. — Я бы на вашем месте подумал об этом хорошенько.

— Вы шутите или нет? — сказал я раздраженно. — Я не могу сейчас заниматься мистикой, фантастикой и прочей философией. Я просто склонен думать, что Хинкус того... — Я постучал себе по темени. — Я не могу представить себе, чтобы в отеле кто-то прятался, кого мы не знаем.

— Ну, хорошо, хорошо, — произнес хозяин примирительно. — Не будем спорить об этом. Итак, кто выходил из зала между половиной девятого и девятью? Во-первых, Кайса. Она приходила и уходила. Во-вторых, Олаф. Он тоже приходил и уходил. В-третьих, ребенок дю Барнстокра... Впрочем, нет. Ребенок исчез позже, вместе с Олафом...

— Когда это было? — быстро спросил я.

— Точного времени я, естественно, не помню, но хорошо помню, что мы тогда играли и продолжали играть еще некоторое время после их ухода.

— Это очень интересно, — сказал я. — Но об этом после. Так. Кто еще выходил?

— Да, собственно, остается одна только госпожа

Мозес... Гм... — Он сильно поскреб ногтями обширную щеку. — Нет, — сказал он решительно. — Не помню. Я, как хозяин, в общем следил за гостями и поэтому, как видите, кое-что помню довольно хорошо. Но вы знаете, был такой момент, когда мне чертовски везло. Это длилось недолго, всего два-три круга, но что было во время этой полосы удач... — Хозяин развел руками. — Я хорошо помню, что госпожа Мозес танцевала с ребенком, и хорошо помню, что потом она подсела к нам и даже играла. Но выходила ли она... Нет, я не видел. К сожалению.

— Ну что ж, и на том спасибо, — сказал я рассеянно. Я уже думал о другом. — А ребенок, стало быть, ушел с Олафом, и больше они не возвращались, так?

— Так.

— И было это до половины десятого, когда вы поднялись из-за карт?

— Именно так.

— Спасибо, — сказал я и встал. — Я пойду. Да, еще один вопрос. Вы видели Хинкуса после обеда?

— После обеда? Нет.

— Ах да, вы же играли... А до обеда?

— До обеда я видел его несколько раз. Я видел его утром, когда он завтракал, потом на дворе, когда все мы играли и резвились... Потом он из моей конторы давал телеграмму в Мюр, потом... Да! Потом он спросил меня, как пройти на крышу, и сказал, что будет загорать... Ну и все, кажется. Нет, еще раз я видел его днем в буфетной. Больше я его днем не видел.

Тут мне показалось, что я поймал ускользнувшую было мысль.

— Слушайте, Алек, я совсем забыл, — сказал я. — Как записался у вас Олаф?

— Принести вам книгу? — спросил хозяин. — Или так сказать?

— Так скажите.

— Олаф Андварафорс, государственный служащий, в отпуск на десять дней, один.

Нет, это была не та мысль.

— Спасибо, Алек, — сказал я и снова сел. — Теперь займитесь своими делами, а я буду сидеть и думать.

Я обхватил голову руками и стал думать. Что же у меня есть? Мало, чертовски мало. Я узнал, что Олаф ушел

из столовой между девятью и половиной десятого и больше в зал не возвращался. Теперь так. Выяснилось, что вместе с Олафом ушел этот самый ребенок. Таким образом, насколько можно пока судить, чадо — это последний человек, который видел Олафа живым. Если не считать убийцы, конечно. И если считать, что все допрошенные говорят правду. Значит, Олаф убит где-то между началом десятого и началом первого. Ничего себе, промежуток. Впрочем, Симонэ утверждает, будто без пяти десять в комнате Олафа было слышно какое-то движение, а примерно в десять минут одиннадцатого никто в номере не отзывался на стук дю Барнстокра. Но это еще ничего не значит, Олаф мог в это время выйти. Я с досадой дернул себя за волосы. Олафа вообще могли убить не в номере... Нет, рано, рано делать выводы. У меня еще остается Брюн по делу Олафа и госпожа Мозес по делу Хинкуса... Хотя что она мне может сказать? Ну, вышла на крышу, ну, увидела Хинкуса... Минуточку, а зачем она выходила на крышу? Одна, без мужа, декольте... Ладно. Вопрос: с кого начать? Поскольку убит Олаф, а не Хинкус, и поскольку госпожа Мозес уже наверняка знает об убийстве от супруга, начнем с чада. Спросонки люди говорят иногда интересные вещи. Заодно, может быть, удастся определить, какого оно пола, мельком подумал я, поднимаясь.

Стучать в номер к чаду пришлось долго и громко. Потом за дверью зашлепали босые ноги, и сердитый сипловатый голос осведомился: какого дьявола?

— Откройте, Брюн, это я, Глебски,— сказал я.

Последовало короткое молчание. Затем голос испуганно спросил:

— Вы что, свихнулись? Три часа ночи!..

— Откройте, вам говорят! — прикрикнул я.

— А в чем дело?

— Вашему дядюшке плохо,— сказал я наугад.

— Ну да?.. Постойте, дайте штаны надеть...

Шлепанье босых ног удалилось. Я ждал. Потом ключ в замке повернулся, дверь распахнулась, и чадо шагнуло через порог.

— Не так быстро,— сказал я, придерживая его за плечо.— Ну-ка, зайдемте в номер...

Чадо явно еще не проснулось до конца и поэтому не проявило особенной строптивости. Оно позволило вернуть

себя в номер и усадить на разоренную кровать. Я сел в кресло напротив. Несколько секунд чадо смотрело на меня сквозь свои огромные черные очки, и вдруг пухлые розовые губы его задрожали.

— Так плохо? — шепотом спросило оно. — Да не молчите же, скажите что-нибудь наконец!

С некоторым удивлением я был вынужден признать, что это дикое существо, по-видимому, любит своего дядю и боится за него.

— Нет, ваш дядя жив и здоров. Речь пойдет о другом.

— Но вы же сказали...

— Ничего я не говорил, вам приснилось. Вот что: быстро и немедленно говорите. Когда вы расстались с Олафом? Ну, живо!

— С каким Олафом? Что вам от меня надо?

— Когда и где вы в последний раз видели Олафа? Чадо помотало головой.

— Ничего не понимаю. Причем здесь Олаф? Что с дядей?

— Дядя спит. Дядя жив и здоров. Когда и где вы в последний раз виделись с Олафом?

— Да что вы затвердили одно и то же? — возмутилось чадо. Оно постепенно приходило в себя. — И чего вы вообще вперлись ко мне посреди ночи?

— Я вас спрашиваю...

— А мне на вас наплевать! Убирайся отсюда, а то я дядю позову! Фараон чертов!

— Вы танцевали с Олафом, а потом ушли. Куда? Зачем?

— А вам-то что? Приревновали?

— Хватит болтать, скверная девчонка! — гаркнул я. — Олаф убит! Я знаю, что ты — последняя, кто видел его живым! Когда это было? Где? Живо! Ну?

Наверное, я был страшен. Чадо отшатнулось и, словно защищаясь, вытянуло руки ладонями вперед.

— Нет! — прошептало оно. — Что вы! Что вы?..

— Отвечайте, — сказал я спокойно. — Вы вышли с ним из столовой и направились... Куда?

— Н-никуда... просто вышли в коридор...

— А потом?

Чадо молчало. Я не видел его глаз, и это было непривычно и неудобно.

— А потом? — повторил я.

— Позовите дядю, — сказала чадо твердо. — Я хочу, чтобы здесь был дядя.

— Дядя вам не поможет, — возразил я. — Вам поможет только одно — правда. Говорите правду.

Чадó молчало. Оно сидело, съежившись, на кровати под большим рукописным плакатом «Будем жестокими!» и молчало. Потом из-под черных очков по щекам потекли слезы.

— Слезы тоже не помогут, — сказал я холодно. — Говорите правду. Если вы будете лгать и изворачиваться, — я сунул руку в карман, — я надену на вас наручники и отправлю в Мюр. Там с вами будут говорить совсем уже посторонние люди. Дело идет об убийстве, вы понимаете, это?

— Я понимаю... — едва слышно пролепетало чадо. — Я скажу...

— Правильное решение, — одобрил я. — Итак, вы с Олафом вышли в коридор. Что было дальше?

— Мы вышли в коридор... — повторило чадо механически. — А дальше... дальше... Я плохо помню, память у меня паршивая... Он что-то сказал, а я... Он что-то сказал и ушел, а я... это...

— Никуда не годится, — сказал я, покачав головой. — Попробуйте снова.

Чадó с хлюпаньем утерло нос и полезло рукой под подушку. За носовым платком.

— Ну? — сказал я.

— Это... это стыдно, — прошептало чадо. — И противно. А Олаф мертвый.

— Полиция, как и медицина, — наставительно произнес я, ощущая огромную неловкость, — не признает таких понятий, как «стыдно».

— Ну ладно, — сказала вдруг чадо, гордо вздернув голову. — Дело было так. Сначала шутки: жених или невеста, мальчик или девочка... ну, вроде как вы со мной обращались... Он тоже, наверное, принял меня неизвестно за что... А потом, когда мы вышли, он принялся меня тискать. Мне стало противно, и пришлось дать ему по морде... по лицу...

— Ну? — сказал я.

— Ну, он обиделся, обругал меня и ушел. Может быть,

я, конечно, зря, может, и не надо было давать волю рукам, но он тоже был хорош...

— Куда он ушел?

— Да откуда мне знать? Стану я смотреть, куда да зачем... Ушел по коридору...— Чадо махнуло рукой.— Не знаю, куда.

— А вы?

— А я... А что — я? Все настроение пропало, противно, скучотища... Одно и оставалось — пойти к себе и запереться.

— И вы заперлись? — спросил я, осторожно потягивая носом и исподволь оглядывая номер. Кавардак в номере был страшный, все было разбросано, все валялось кое-как, а стол был завален длинными полосами бумаги — лозунгами, как я понял. Вешать на дверях у полицейских чиновников... Попахивало спиртным. На полу у изголовья постели я заметил бутылку.

— Ну, натурально, я же говорю вам!

Я наклонился и взял бутылку. Бутылка была раскупорена.

— Драть вас некому, — сказал я, ставя бутылку на стол, прямо на лозунг «Долой обобщения! Да здравствует мгновение!». — Вы потом все время сидели здесь?

— Да. А что делать? — Чадо по-прежнему, видимо по старой привычке, старательно избегало родовых окончаний.

— А когда вы легли спать?

— Не помню.

— Ну хорошо, предположим, — сказал я. — А теперь подробно опишите все ваши действия с того момента, как вы вышли из-за стола и до того момента, когда вы с Олафом удалились в коридор.

— Подробно? — спросило чадо.

— Да, со всеми подробностями.

— Ладно, — согласилось чадо, показав мелкие, острые, до голубизны белые зубы. — Значит, доедаю я десерт. Тут подсаживается ко мне инспектор полиции и начинает мне вкручивать, как я ему нравлюсь. При этом он то и дело пихает меня в плечо своей лапищей и приговаривает: «А ты иди, иди, я не с тобой, а с твоей сестрой...»

Я скушал эту тираду, не моргнув глазом. Надеюсь, лицо у меня было достаточно каменное.

— Тут, на мое счастье, — продолжало чадо злорадно, — подплывает Мозесиха и хищно тащит инспектора танцевать. Они пляшут, а я смотрю. А потом они оба ныряют за портьеру, а я смотрю на эту портьеру. И стало мне инспектора жалко, потому что парень он, в общем, неплохой, просто пить не умеет, а старый Мозес тоже уже хищно поглядывает на ту же портьеру. Тогда я встаю и приглашаю Мозесиху на пляс, причем инспектор рад-радешенек — видно, что за портьерой он присмирел...

— Кто в это время был в зале? — сухо спросил я.

— Все были. Олафа не было, Кайсы не было, а Симонэ наяривал в бильярд. С горя, что его инспектор отшил.

— Так, продолжайте, — сказал я.

— Ну, пляшу я с Мозесихой, и тут у нее что-то лопается в туалете. Ах, говорит она, пардон, у меня авария. Ну, мне плевать, она со своей аварией уплывает в коридор, а на меня набегает Олаф...

— Пойдите, когда это было?

— Ну, знаете! Часы мне были ни к чему.

— Значит, госпожа Мозес вышла в коридор?

— Ну, я не знаю, в коридор или к себе она пошла, или в пустой номер — там рядом два пустых номера... Дальше рассказывать?

— Да.

— Пляшем это мы с Олафом, он отсыпает мне разные комплименты — фигура, мол, осанка, мол, походка... а потом говорит: пойдете, говорит, я вам что-то интересенькое покажу. А мне что? Пожалуйста, можно и пойти... Тем более что в зале ничего интересенького я не вижу...

— А госпожу Мозес вы в зале видите в это время?

— Нет, она у себя. Ну, выходим мы в коридор... а дальше вам уже рассказано.

— И госпожу Мозес вы больше не видели?

И тут произошла заминка. Крошечная такая заминка, но я ее уловил.

— Н-нет, — сказала чадо. — Откуда? Мне было не до того.

Очень, очень мне мешали черные очки, и я твердо решил, что при втором допросе я эти очки сниму. Хотя бы и силой.

— Что вы делали днем на крыше? — спросил я резко.

— На какой еще крыше?

— На крыше отеля.— Я ткнул пальцем в потолок.— И не врите, я вас там видел.

— Идите-ка вы знаете куда? — ошетинилось чадо.— Что я вам — лунатик какой-нибудь по крышам бегать?

— Значит, это были не вы,— примирительно сказал я.— Ну, хорошо. Теперь насчет Хинкуса. Помните, такой маленький, вы его сначала спутали с Олафом...

— Ну, помню,— сказала чадо.

— Когда вы его видели в последний раз?

— В последний?.. В последний раз это было, пожалуй, в коридоре, когда мы с Олафом вышли из столовой.

Я так и подскочил.

— Когда? — спросил я.

Чадо встревожилось.

— А что такого? — спросило оно.— Ничего такого не было... Только это мы выскочили из зала, я смотрю — Хинкус сворачивает на лестницу...

Я судорожно соображал. Они выскочили из столовой не раньше девяти часов, в девять они еще танцевали, их помнит дю Барнстокр. Но в восемь сорок три у Хинкуса раздавили часы, и значит, в девять он уже лежал связанный под столом...

— Вы уверены, что это был Хинкус?

Чадо пожало плечами.

— Мне показалось, что Хинкус... Правда, он сразу свернул налево, на лестничную площадку... но все равно — Хинкус, кому же еще быть? С Кайсой или с Мозесихой его не спутаешь... да и ни с кем другим. Маленький такой, сутулый...

— Стоп! — сказал я.— Он был в шубе?

— Да... в этой своей дурацкой шубе до пят, и на ногах что-то белое... А что такое? — Чадо перешло на шепот.— Это он убил, да? Хинкус?

— Нет-нет,— сказал я. Неужели Хинкус врал? Неужели это все-таки инсценировка? Часы раздавили, переведя стрелки назад... а Хинкус сидел под столом и хихикал, а потом ловко разыграл меня и сейчас хихикает у себя в номере... а его сообщник хихикает где-то в другом месте. Я вскочил.

— Сидите здесь,— приказал я.— Не смейте выходить из номера. Имейте в виду, я с вами еще не закончил.

Я пошел к выходу, потом вернулся и забрал со стола бутылку.

— Это я конфискую. Мне не нужны пьяные свидетели.

— А можно, я пойду к дяде? — спросило чадо дрожащим голосом.

Я поколебался, потом махнул рукой.

— Идите. Может быть, он убедит вас, что надо говорить правду.

Выскочив в коридор, я свернул к номеру Хинкуса, отпер дверь и ворвался внутрь. Везде горел свет: в прихожей, в туалетной, в спальне. Сам Хинкус, оскаленный, мокрый, сидел на корточках за кроватью. Посередине комнаты валялся сломанный стул, и Хинкус сжимал в руке одну из ножек.

— Это вы? — сказал он хрипло и выпрямился.

— Да! — сказал я. Вид его и какое-то безумное выражение налитых кровью глаз снова поколебали мое убеждение, что он врёт и притворяется. Нужно было быть великим артистом, чтобы так играть свою роль. Но я все-таки сказал свирепо: — Мне надоело слушать вранье, Хинкус! Вы мне соврали! Вы сказали, что вас схватили в восемь сорок. Но вас видели в коридоре после девяти!

На лице его промелькнула растерянность.

— Меня? После девяти?

— Да! Вы шли по коридору и свернули на лестничную площадку.

— Я? — Он вдруг судорожно хихикнул. — Я шел по коридору? — Он снова хихикнул, и еще раз, и еще, и вдруг весь затрясся от визгливого истерического хохота. — Я? Меня? Вот то-то и оно, инспектор! Вот то-то и оно! — проговорил он, захлебываясь. — Меня видели в коридоре... и я тоже видел меня... И я схватил меня... и я связал меня... и я замуровал меня в стену! Я — меня... Понимаете, инспектор? Я — меня!

Г Л А В А

10

Спустившись в холл, я мрачно сказал хозяину:

— Там Хинкус совсем свихнулся. Есть у вас какое-нибудь успокаивающее посылнее?

— У меня все есть, — ответил хозяин, нисколько не удивившись.

— Инъекцию сделать сумеете?

— Я все умею.

— Вот и займитесь, — сказал я, протягивая ему ключ.

Голова у меня гудела. Было без пяти четыре. Я устал, осатанел и, главное, не испытывал никакого охотничьего азарта. Я слишком отчетливо понимал, что это дело мне не по плечу. Ни малейшего просвета, даже наоборот — чем дальше, тем хуже. Может быть, в отеле кто-то прячется, похожий на Хинкуса? Может быть, у Хинкуса действительно есть двойник — опасный гангстер, маньяк и садист? Это кое-что объяснило бы... убийство, страх Хинкуса, его истерику... Но зато тогда пришлось бы решить вопрос, как он сюда попал, где и как ему удастся прятаться. У нас же здесь все-таки не Лувр и не Зимний дворец — у нас здесь «маленький уютный отель на двенадцать номеров; гарантируется полная приватность и совершенно домашний уют»... Ладно, займусь-ка я Мозесами.

Старик Мозес не пустил меня к себе в номер. Он вышел на стук в огромном восточном халате, с неизменной кружкой в руке и буквально выпер меня в коридор своим толстым брюхом.

— Вы намерены беседовать здесь? — устало спросил я.

— Да, намерен, — с вызовом ответил он, густо дохнув мне в лицо сложной и непонятной смесью запахов, — именно здесь. Полицейскому нечего делать в доме Мозеса.

— Тогда лучше пройдемте в контору, — предложил я.

— Ну-ну... В контору. — Он отхлебнул из кружки. — В контору — еще куда ни шло. Хотя я не вижу, о чем нам с вами разговаривать. Уж не подозреваете ли вы меня в убийстве — меня, Мозеса?

— Нет, — сказал я. — Упаси бог. Но ваши показания могут оказать неоценимую помощь следствию.

— Следствию! — Он презрительно фыркнул и снова отхлебнул из кружки. — Ну ладно, пойдемте... — Пока мы шли, он брюзжал: — Часы не могли найти, обыкновенные украденные часы, а туда же — убийство, следствие...

В конторе я усадил его в кресло, а сам сел за стол.

— Значит, ваши часы так и не нашлись? — спросил я.

Он негодуя воззрился на меня.

— А вы что, господин полицейский, надеялись, что они сами как-нибудь найдутся?

— Была у меня такая надежда, — признался я. — Но раз не нашлись, ничего не поделаешь.

— Мне не нравится наша полиция, — заявил Мозес, пристально глядя на меня. — Мне не нравится этот отель. Какие-то убийства, какие-то обвалы... собаки, воры, шум среди ночи... Кого это вы поселили в моей комнате? Я же ясно сказал: весь этот коридор мой, за исключением каминной. Мне не нужна каминная. Как вы осмелились нарушать договор? Что это за бродяга расположился у меня в номере третьем?

— Он попал под обвал, — сказал я. — Он искалечен, обморожен. Было бы жестоко тащить его наверх.

— Но я вам заплатил за номер третий! Вы были обязаны спросить у меня разрешение!

Я не мог с ним спорить, у меня сил не было объяснять ему, что он перепутал меня с хозяином. Поэтому я просто сказал:

— Администрация отеля приносит вам свои извинения, господин Мозес, и обязуется завтра же восстановить статус-кво.

— Нищebroды! — прорычал господин Мозес и припал к кружке. — Но он по крайней мере приличный человек, этот бродяга из третьего номера? Или он тоже вор?

— Это совершенно приличный человек, — успокоительно сказал я.

— Почему же в таком случае его сторожит этот ваш гнусный пес?

— Это чистая случайность, — ответил я, закрывая глаза. — Завтра же все вернется в нормальное состояние, уверяю вас.

— Может быть, и покойник воскреснет? — ядовито осведомился паршивый старик. — Может быть, вы мне и это пообещаете? Я — Мозес, сударь! Альберт Мозес! Я не привык ко всем этим покойникам, собакам, божедодмам, обвалам...

Я сидел с закрытыми глазами и ждал.

— Я не привык, чтобы к моей жене врывались среди ночи, — продолжал Мозес. — Я не привык проигрывать по триста крон за вечер каким-то заезжим фокусникам, выдающим себя за аристократов... Этот Барл... Бралд... Он

же просто шулер! Мозес не садится за стол с шулерами! Мозес — это Мозес, сударь!..

Он еще долго бурчал, скворчал, шумно отхлебывая, рыгал и отдувался, и я на всю жизнь усвоил себе, что Мозес — это Мозес, что это Альберт Мозес, сударь, что он не привык к тому-то, тому-то и проклятому снегу и что он привык к тому-то, тому-то и хвойным ваннам, сударь... Я сидел с закрытыми глазами и, чтобы отвлечься, старался представить себе, как он ложится спать, не выпуская из рук своей кружки, как он, храпя и посвистывая, бережно держит ее на весу и время от времени отхлебывает, не просыпаясь... Потом стало тихо.

— Вот так-то, инспектор, — сказал он и поднялся. — Запомните хорошенько то, что я вам сейчас сказал, и пусть это послужит вам уроком на всю жизнь. Это многому научит вас, сударь. Спокойной ночи.

— Одну минуточку, — сказал я. — Два пустяковых вопроса. — Он в негодовании открыл было рот, но я был начеку и не дал ему говорить. — Когда примерно вы покинули зал, господин Мозес?

— Примерно? — хрюкнул он. — И таким манером вы надеетесь раскрыть преступление? Примерно! Я могу дать вам самые точные сведения. Мозес ничего не делает примерно, иначе он бы не стал Мозесом... Может быть, вы все-таки разрешите мне сесть? — осведомился он ядовито.

— Да, простите, пожалуйста.

— Благодарю вас, инспектор, — произнес он еще более ядовито и сел. — Так вот, я с госпожой Мозес, в номер которой вы столь неприличным образом ворвались нынешней ночью, не имея на то никакого права, да еще не один, да еще без стука, я уже не говорю об ордере или о чем-нибудь подобном, — я, естественно, не вправе ожидать от современной полиции соблюдения таких тонкостей закона, как бережное отношение к праву каждого честного человека пребывать в своем доме, как в своей крепости, и в особенности, сударь, если дело идет о женщине, о супруге, сударь, о супруге Мозеса, Альберта Мозеса, инспектор!

— Да-да, это было опрометчиво, — сказал я. — Я приношу вам и госпоже Мозес самые искренние извинения.

— Я не могу принять ваши извинения, инспектор, до тех пор, пока не уясню себе с полной отчетливостью, что за человек поселен в номере третьем, принадлежащем

мне, на каком основании он расположился в помещении, граничащем со спальней моей супруги, и почему его сторожит собака.

— Мы еще сами не уяснили себе с полной отчетливостью, кто этот человек, — сказал я, снова закрывая глаза. — Он потерпел аварию на автомобиле, он — калека, без руки, сейчас спит. Как только будет выяснена его личность, мы вам немедленно доложим, господин Мозес. — Я открыл глаза. — А теперь вернемся к тому моменту, когда вы с госпожой Мозес покинули столовую. Когда это было точно?

Он поднес кружку к губам и грозно посмотрел на меня.

— Меня удовлетворили ваши объяснения, — заявил он. — Выражаю надежду, что вы сдержите ваше обещание и доложите немедленно. — Он отхлебнул. — Итак, мы с госпожой Мозес встали из-за стола и покинули зал примерно... — Он прищурился с большой язвительностью и повторил: — Примерно, инспектор, в двадцать один час тридцать три минуты с секундами по местному времени. Это вас удовлетворяет? Отлично. Переходите к вашему второму и, я надеюсь, последнему вопросу.

— Мы еще не совсем покончили с первым, — возразил я. — Итак, вы вышли из зала в двадцать один тридцать три. А дальше?

— Что дальше? — злобно спросил Мозес. — Что вы хотите этим сказать, молодой человек? Уж не хотите ли вы узнать, чем я занимался, когда вернулся в свой номер?

— Следствие было бы благодарно вам, сударь, — сказал я с чувством.

— Следствие? Мне нет дела до благодарности вашего следствия! Впрочем, мне нечего скрывать. Вернувшись в свой номер, я немедленно разделся и лег спать. И спал до тех пор, пока не поднялся этот отвратительный шум и возня в принадлежащем мне третьем номере. Только природная сдержанность и сознание того, что я — Мозес, не позволили мне нагрянуть немедленно и разогнать весь этот сброд с полицией во главе. Но имейте в виду, сдержанность моя имеет пределы, никаким бездельникам я не позволю...

— Да-да, и будете совершенно правы, — поспешно сказал я. — Еще один, последний вопрос, господин Мозес.

— Последний! — сказал он, угрожающе потрясая указательным пальцем.

— Не заметили ли вы, в какое примерно время госпожа Мозес покидала столовую?

Наступила жуткая пауза. Мозес, наливаясь синевой, глядел на меня вытаращенными мутными глазами.

— Кажется, вы осмеливаетесь предположить, что супруга Мозеса причастна к убийству? — сдавленным голосом произнес он. Я отчаянно замотал головой, но это не помогло. — И вы, кажется, осмеливаетесь рассчитывать на то, что Мозес в этой ситуации будет давать вам какие бы то ни было показания? Или вы, быть может, полагаете, что имеете дело не с Мозесом, сударь? Может быть, вы позволили себе вообразить, будто имеете дело с каким-нибудь одноруким бродягой, укравшим у меня драгоценные золотые часы? Или, быть может...

Я закрыл глаза. На протяжении последующих пяти минут я услышал массу самых чудовищных предположений относительно своих намерений и своих замыслов, направленных против чести, достоинства, имущества, а также физической безопасности Мозеса, сударь, не какого-нибудь пса, служащего очевидным рассадником блох, а Мозеса, Альберта Мозеса, сударь, вы способны понять это или нет?.. К концу этой речи я уже не надеялся получить сколько-нибудь вразумительный ответ. Я только с отчаянием думал, что уж до госпожи Мозес мне теперь не добраться никогда. Но получилось иначе. Мозес вдруг остановился, подождал, пока я открою глаза, и произнес с невыразимым презрением:

— Впрочем, это смешно — приписывать такой мелкой личности столь хитроумные замыслы. Смешно и недостойно Мозеса. Конечно, мы имеем здесь дело с элементарной чиновничье-полицейской бестактностью, обусловленной низким уровнем культурного и умственного развития. Я принимаю ваши извинения, сударь, и честь имею откланяться. Мало того. Взвесив все обстоятельства... Я же понимаю, что у вас неостанет благородства оставить в покое мою жену и избавить ее от ваших нелепых вопросов. Поэтому я разрешаю вам задать эти вопросы — не больше двух вопросов, сударь! — в моем присутствии. Немедленно. Следуйте за мной.

Внутренне ликуя, я последовал за ним. Он постучался в дверь госпожи Мозес и, когда она откликнулась, скрипуче проворковал:

— К вам можно, дорогая? Я не один.

К дорогой было можно. Дорогая в прежней позе возлежала под торшером, теперь уже полностью одетая. Она встретила нас своей чарующей улыбкой. Старый хрыч подсеменил к ней и поцеловал ей руку — тут я почему-то вспомнил, как хозяин утверждал, будто он лупит ее плеткой.

— Это инспектор, дорогая, — проскрипел Мозес, ваясь в кресло. — Вы помните инспектора?

— Ну как я могла забыть нашего милого господина Глебски? — откликнулась красавица. — Садитесь, инспектор, сделайте одолжение. Чудная ночь, не правда ли? Сколько поэзии!

Я сел на стул.

— Инспектор делает нам честь, дорогая, — объявил Мозес, — подозревая нас в убийстве этого Олафа. Вы помните Олафа? Так вот, его убили.

— Да, я уже слыхала об этом, — сказала госпожа Мозес. — Это ужасно. Милый Глебски, неужели вы действительно подозреваете нас в этом кошмарном злодеянии?

Мне все это надоело. Хватит, подумал я. К черту.

— Сударыня, — сказал я сухо. — Следствием установлено, что вчера примерно в половине девятого вечера вы покидали столовую. Вы, конечно, подтверждаете это?

Старик негодуяще заворочался в кресле, но госпожа Мозес опередила его.

— Ну, разумеется, подтверждаю, — сказала она. — С какой стати я буду это отрицать? Мне понадобилось отлучиться, и я отлучилась.

— Насколько я понимаю, — продолжал я, — вы спустились сюда, в ваш номер, а в начале десятого вновь вернулись в столовую. Это так?

— Да, конечно. Правда, я не совсем уверена относительно времени, я не смотрела на часы... Но скорее всего, это было именно так.

— Мне бы хотелось, чтобы вы вспомнили, сударыня, видели ли вы кого-нибудь на пути из столовой и обратно в столовую.

— Да... кажется, — сказала госпожа Мозес. Она наморщила лобик, а я весь так и напрягся. — Ну конечно! — воскликнула она. — Когда я уже возвращалась, я увидела в коридоре парочку...

— Где? — быстро спросил я.

— Ну... сразу налево от лестничной площадки. Это был наш бедный Олаф и это забавное существо... я не знаю, юноша или девушка... Кто он, Мозес?

— Минуточку, — сказал я. — Вы уверены, что они стояли слева от лестничной площадки?

— Совершенно уверена. Они стояли, держась за руки, и очень мило беседовали. Я, конечно, сделала вид, будто ничего не заметила...

Вот она, заминочка Брюн, подумал я. Чадо вспомнило, что их могли видеть перед номером Олафа, и не успело ничего сообразить, а потому принялась врать, надеясь, что пронесет.

— Я — женщина, инспектор, — продолжала госпожа Мозес, — и я никогда не вмешиваюсь в дела окружающих. При других обстоятельствах вы не услышали бы от меня ни слова, но сейчас, мне кажется, я должна, я вынуждена быть вполне откровенной... Не правда ли, Мозес?

Мозес в кресле пробурчал что-то неопределенное.

— И еще, — продолжала госпожа Мозес. — Но это уже, наверное, не имеет особенного значения... Когда я спускалась по лестнице, мне повстречался этот маленький несчастный человек...

— Хинкус, — просипел я и откашлялся. У меня что-то застряло в горле.

— Да, Финкус... его, кажется, так зовут... Вы знаете, инспектор, ведь у него туберкулез. А ведь никогда не подумаешь, правда?

— Прошу прощения, — сказал я. — Когда вы встретили его, он поднимался по лестнице из холла?

— Даже полицейскому должно быть ясно, — раздраженно прорычал Мозес. — Моя жена ясно сказала вам, что она встретила этого Фикуса, когда спускалась по лестнице. Следовательно, он поднимался ей навстречу...

— Не сердись, Мозес, — ласково произнесла госпожа Мозес. — Инспектор просто интересуется деталями. Наверное, это ему важно... Да, инспектор, он поднимался мне навстречу и, по-видимому, именно из холла. Он шел не спеша и, кажется, глубоко задумавшись, потому что не обратил на меня никакого внимания. Мы разминулись и пошли каждый своей дорогой.

— Как он был одет?

— Ужасно! Какая-то кошмарная шуба... как это называется... тулуп! От него даже, простите, пахло... мокрой шерстью, псиной... Не знаю, как вы, инспектор, но я думаю: если у человека нет средств прилично одеваться, ему следует сидеть дома и изыскивать эти средства, а не выезжать в места, где бывает приличное общество.

— Я бы многим здесь посоветовал,— прорычал Мозес поверх кружки,— сидеть дома и не выезжать в места, где бывает приличное общество. Ну что, инспектор, вы, наконец, закончили?

— Нет, не совсем,— проговорил я медленно.— Еще один вопрос... Вернувшись к себе после окончания бала, вы, сударыня, наверное, легли спать и крепко заснули?

— Крепко заснула... Да как вам сказать... Так, подремала немножко, я чувствовала себя возбужденной.

— Но, вероятно, вас что-то разбудило? — сказал я.— Ведь когда я позже так неловко ворвался в ваш номер — я приношу вам глубочайшие извинения,— вы не спали...

— Ах, вот вы о чем... Не спала... Да, действительно не спала, но я не могу сказать, инспектор, чтобы меня что-то разбудило. Просто я чувствовала, что сегодня мне как следует не заснуть, и решила почитать немного. И вот, как видите, читаю до сих пор... Впрочем, если вы хотели узнать, слышала ли я ночью какой-нибудь подозрительный шум, то я могу твердо сказать: нет, не слышала.

— Никакого шума? — удивился я.

Она посмотрела на Мозеса с какой-то, как мне показалось, растерянностью. Я не спускал с нее глаз.

— По-моему, никакого,— сказала она неуверенно.— А вы, Мозес?

— Абсолютно никакого,— решительно сказал Мозес.— Если не считать отвратительной возни, поднятой этими господами вокруг нищebroда...

— И никто из вас не слышал даже шума обвала? Сотрясение?

— Какого обвала? — удивилась госпожа Мозес.

— Не волнуйтесь, дорогая,— сказал Мозес.— Ничего страшного. Неподалеку в горах случился обвал, я расскажу вам об этом после... Ну что, инспектор? Теперь уже, может быть, достаточно?

— Да,— сказал я.— Теперь достаточно.— Я встал.— Еще один, самый последний вопрос.

Господин Мозес зарычал совсем как Лель, но госпожа Мозес благосклонно кивнула.

— Пожалуйста, инспектор.

— Сегодня днем, незадолго до обеда, вы поднимались на крышу, госпожа Мозес...

Она рассмеялась и перебила меня:

— Нет, я не поднималась на крышу. Я поднималась из холла на второй этаж и по рассеянности, в задумчивости, пошла дальше по этой ужасной чердачной лестнице. Я почувствовала себя очень глупо, когда увидела вдруг перед собой дверь, доски... я даже не сразу поняла, куда попала...

Мне очень хотелось спросить ее, зачем это она поднималась на второй этаж. Я представления не имел, что ей могло понадобиться на втором этаже, хотя и можно было предположить, что речь шла об амурах с Симонэ, в которые я случайно вмешался. Но тут я посмотрел на старика, и все это вылетело у меня из головы. Потому что на коленях у Мозеса лежала плетка — мрачный черный арапник с толстой рукояткой и с многочисленными витыми хвостами, в которых поблескивал металл. Я ужаснулся и отвел глаза.

— Благодарю вас, сударыня, — пробормотал я. — Вы оказали большую помощь следствию, сударыня.

Чувствуя себя безнадежно усталым, я дотащился до холла и присел отдохнуть рядом с хозяином. Жуткое видение арапника все еще стояло у меня перед глазами, и, помотав головой, я с трудом отогнал его. Это не мое дело. Это дело семейное, меня это не касается... Глаза у меня резало, как от песка. Наверное, мне следовало бы поспать — хотя бы часа два. Мне предстояло еще допросить незнакомца, и вторично допросить чадо, и вторично допросить Кайсу, для всего этого мне понадобятся силы, и поэтому мне надо поспать. Но я чувствовал, что сейчас мне не заснуть. По отелю бродят двойники Хинкуса. Чадо дю Барнстокра врет. Да и с госпожой Мозес тоже не все ладно. Либо она спала мертвым сном, и тогда непонятно, почему она проснулась и почему она врет, что почти не спала. Либо она не спала, и тогда непонятно, почему она не слышала обвала и возни в соседней комнате. И совсем непонятно, что все-таки случилось с Симонэ... Слишком много сумасшедших в этом деле, подумал я вяло. И вообще я, наверное, действую неправильно. Как бы поступил на моем месте Згут? Он немедленно отобрал бы всех, у кого хватит

силы свернуть шею двухметровому викингу, и работал бы только с ними. А я вожусь с этим слабосильным чадом, с плюгавым шизофреником Хинкусом, со старым полоумным Мозесом... Да и не в этом дело. Ну, найду я убийцу. А дальше? Это же типичный случай убийства в закрытой комнате. Мне сроду не доказать, как убийца туда вошел и как он оттуда вышел... Эх, беда. Кофе, что ли, выпить?

Я посмотрел на хозяина. Хозяин прилежно нажимал клавиши арифмометра и что-то записывал в счетоводную книгу.

— Послушайте, Алек,— сказал я.— Может в вашем отеле укрыться, оставаясь незамеченным, двойник Хинкуса?

Хозяин поднял голову и посмотрел на меня.

— Именно двойник Хинкуса? — деловито спросил он.— Не кто-нибудь еще?

— Да, именно двойник Хинкуса, Алек. В вашем отеле живет двойник Хинкуса. Он не платит за постой, Алек. Он, должно быть, ворует продукты, подумайте об этом, Алек!

Хозяин подумал.

— Не знаю,— сказал он.— Ничего такого я не заметил. Я чувствую только одно, Петер. Вы заблуждаетесь. Вы идете по самому естественному пути, и именно поэтому вы заблуждаетесь особенно сильно. Вы исследуете алиби, вы собираете улики, вы ищете мотивы. А мне кажется, что в этом деле обычные понятия вашего искусства теряют свой смысл, как понятие времени при сверхсветовых скоростях...

— Это ваше ощущение? — горько спросил я.

— Что вы имеете в виду?

— Да всю эту вашу философию насчет алиби при сверхсветовых скоростях. У меня голова пухнет, а вы черт знает что городите. Принесите уж лучше кофе.

Хозяин встал.

— Вы все-таки еще не созрели, Петер,— сказал он.— А я жду, когда вы, наконец, созреете.

— Зачем это вам надо? Я уже перезрел, я скоро упаду.

— Не упадете! — успокоил меня хозяин.— И вы еще далеко не созрели. А вот когда вы созреете, когда я увижу, что вы готовы, тогда я вам кое-что расскажу.

— Расскажите сейчас,— вяло попросил я.

— Сейчас рассказывать бессмысленно. Вы отмахнетесь и забудете. А я хочу дождаться момента, когда мои слова покажутся вам единственным ключом к пониманию всего этого дела.

— Господи,— пробормотал я.— Могу себе представить, что это за слова!

Хозяин снисходительно улыбнулся и направился к кухне. На пороге он остановился и предложил:

— А хотите, я расскажу вам, что именно почудилось нашему великому физику?

— Ну, попробуйте,— сказал я.

— Наш великий физик вошел к госпоже Мозес и обнаружил вместо живой женщины бездыханный манекен. Куклу, Петер, холодную куклу.

Г Л А В А

11

Он стоял на пороге и, ухмыляясь, глядел на меня.

— Ну-ка, подите сюда,— сказал я.— Рассказывайте.

— А кофе?

— Черт с ним, с кофе! Я же вижу, что вы что-то знаете. Не морочьте мне голову, выкладывайте все, как есть. Он вернулся к столику, но садиться не стал.

— Я не знаю, как все есть,— сказал он.— Я могу только кое-что предполагать.

— Откуда вы знаете, что обнаружил Симонэ?

— Ага, значит, я угадал...— Он сел и удобно развалился.— Впрочем, это ясно было по вашему обалделому виду, Петер. Согласитесь, это вышло у меня довольно эффектно...

— Слушайте, Алек,— сказал я.— Я не стану скрывать: вы мне нравитесь.

— Вы мне тоже,— сказал он.

— Помолчите. Вы мне нравитесь. Но это еще ничего не значит. Я не подозреваю вас, Алек. У меня, к сожалению, нет никаких оснований вас подозревать. Но в этом отношении вы ничем не отличаетесь от остальных. Я никого не подозреваю. А мне уже пора кого-то подозревать...

— Не давайте себе воли! — сказал хозяин, подняв толстый палец.

— Я вам сказал: помолчите. Так вот, если вы будете морочить мне голову, то я начну вас подозревать. У вас будут неприятности, Алек. Я очень неопытен в такого рода делах, и потому у вас могут быть очень большие неприятности. Вы представить себе не можете, сколько неприятностей может причинить доброму гражданину неопытный полицейский.

— Ну, раз так,— сказал он,— тогда конечно. Значит, откуда я знаю, что видел господин Симонэ в комнате госпожи Мозес...

— Да,— сказал я.— Откуда?

Он сидел в своем кресле, широкий, кряжистый, невыносимо довольный собой.

— Значит, так. Начнем с теории. Колдуны и знахари некоторых малоисследованных племен Центральной Африки издревле владеют искусством возвращать видимость жизни своим умершим соплеменникам...

Я застонал, и хозяин повысил голос:

— Такое явление реального мира — мертвый человек, имеющий внешность живого и совершающий на первый взгляд вполне осмысленные действия,— носит название зомби. Строго говоря, зомби не есть мертвец...

— Слушайте, Алек,— утомленно сказал я.— Все понятно: вы репетируете свою речь перед газетчиками. Но мне все это неинтересно! Вы обещали рассказать что-то насчет госпожи Мозес и Симонэ. Вот и рассказывайте!

Некоторое время он грустно смотрел на меня.

— Да,— сказал он наконец с сожалением.— Так я и думал. Вы еще не созрели... Ну, хорошо.— Он вздохнул.— Пусть будут одни факты без теории. Шесть дней тому назад, когда мой отель ошастливили посещением господин и госпожа Мозес, со мною имело место следующее происшествие. Произведя все необходимые отметки в паспортах указанных господ, я отправился в номер господина Мозеса с целью вернуть ему эти паспорта. Я постучался. Я был несколько рассеян и потому, не дожидаясь разрешения, отворил дверь. Я был немедленно наказан за нарушение элементарных норм приличия. Я увидел в кресле посередине комнаты то, что при желании можно было бы назвать госпожой Мозес. Но это не была госпожа Мозес. Это была большая, в натуральную величину, красивая кукла, очень похожая на госпожу Мозес и одетая в точности как она.

Сейчас вы спросите меня, почему я уверен, что это была кукла, а не госпожа Мозес. В ответ я мог бы перечислить вам некие конкретности: неестественность позы, остекленелый взгляд, абсолютная неподвижность черт и так далее. Но в этом, по-моему, нет никакой необходимости. Всякий нормальный человек, как мне кажется, способен в течение нескольких секунд сообразить, что перед ним: манекенщица или манекен. Эти несколько секунд у меня были. А затем я был грубо схвачен за плечо и выдворен в коридор. Это грубое, но вполне оправданное действие произвел надо мною господин Мозес, который в это время, по-видимому, осматривал апартаменты своей супруги и набросился на меня сзади...

— Кукла,— сказал я задумчиво.

— Зомби,— мягко поправил меня хозяин.

— Кукла...— повторил я, не обращая на него внимания.— Какой у него багаж?

— Несколько обычных чемоданов,— сказал хозяин.— И гигантский, окованный железом, старинный дорожный сундук. Он привез с собой четверых носильщиков, и бедняги измучились, затаскивая этот сундук в дом. Разворотили мне весь косяк...

— Ну что ж,— сказал я, подумав.— В конце концов это его личное дело. Я слышал о миллионере, который повсюду таскал за собой коллекцию ночных горшков... Если человеку нравится иметь манекен своей супруги в натуральную величину... что ж, денег у него много, делать ему явно нечего... между прочим, вполне возможно, что он заметил поползновения нашего Симонэ, понял все и подсунил ему эту самую куклу... Черт побери, может быть, он возит с собой эту куклу именно для таких вот случаев! Судя по поведению госпожи Мозес...— Я представил себя на месте Симонэ и содрогнулся.— Ей-богу, славная шутка...

— Ну, вот вы все и объяснили,— сказал хозяин.

Тон его мне не понравился. Некоторое время мы смотрели друг на друга. Он все еще был мне симпатичен. Но черт его побери, зачем ему это нужно — забивать мне мозги всей этой африканской чепухой? Я же все-таки не репортер, и рекламе этого заведения в ущерб собственной репутации я способствовать не намерен... Нет, хватит с меня. Больше я с господином Алеком Сневаром на эти темы не разговариваю. Если у него и есть цель сбить меня

с толку, это ему не удастся. Он только ухудшит свое собственное положение. Ему не следовало бы обращать на себя слишком много внимания...

— Вот что,— сказал я.— Вы мне мешаете, Алек. Сидите здесь, а я пойду в каминную. Я должен хорошенько подумать.

— Уже без четверти пять,— напомнил хозяин.

— Ну и что? Спать сегодня все равно не придется. Имейте в виду, Алек, у меня вовсе нет впечатления, будто события закончились. Поэтому оставайтесь здесь в холле и будьте наготове.

— Ну что ж, надо так надо,— сказал хозяин.

Я прошел в каминную (Лель опять поворчал на меня), взял кочергу и принялся мешать тлеющие угли. Итак, происшествие с Симонэ более или менее объяснилось, и его можно выкинуть из головы. Или, наоборот, нельзя выкидывать ни в коем случае, потому что, если в одиннадцать часов вечера в номере госпожи Мозес была кукла, то где же была сама госпожа Мозес? Шутка, конечно, на славу... но есть в ней что-то чрезмерно громоздкое... Шутка ли? Может быть, попытка устроить алиби?.. Да нет, какое к черту алиби — ночь, темно, установить это алиби можно только на ощупь, а на ощупь получается не алиби, а шутка. Возможно, расчет был на то, что у бедняги Симонэ сдадут нервы, что он в ужасе заорет, поднимет всех на ноги, начнется скандал, тарарам, переполох... а что дальше? И главное, при чем здесь кукла? Все это можно было бы устроить без всякой куклы... Собственно, что меня здесь смущает? Только одно: комната Симонэ находится рядом с комнатой Олафа. Можно предположить, например, следующее: Мозесам нужно было, чтобы комната Симонэ начиная с одиннадцати часов и в течение некоторого времени была пуста... Вот что меня смущает. Но чтобы отвлечь господина Симонэ, совсем не нужна кукла. Конечно, рассуждая гипотетически, кукла могла бы повергнуть Симонэ в глубокий и долгий обморок, но чтобы отвлечь Симонэ, достаточно было бы самой госпожи Мозес. Это был бы самый естественный и надежный способ. И раз прибегают к такому неестественному и ненадежному способу, как кукла, значит, надо было, чтобы госпожа Мозес находилась где-то в другом месте. Госпожа Мозес... хрупкая, изнеженная, до кретинизма светская госпожа Мозес...

Нет, все это никуда меня не ведет. Окончательно выбрасывать из головы славную шутку не стоит, но и пользы от этой истории пока не видно...

То есть на редкость мерзкая ситуация: все нити никуда не ведут. Во-первых, нет ни одного подозреваемого. Во-вторых, абсолютно непонятно, как произошло преступление. Непонятно самое главное. Бог с ним, с убийцей! Объясните мне, как он убил! Как? Окно открыто, но никаких следов на подоконнике, никаких следов на снегу, на карнизе. Ни снизу, ни справа, ни слева к окну подобраться было нельзя. Остается одно — сверху. С крыши по веревке. Но тогда были бы следы на краю крыши. Можно, конечно, сходить и посмотреть снова, но я точно помню: снег разрыт только рядом с шезлонгом Хинкуса. Теперь уже ничего больше не остается, кроме Карлсона с пропеллером. Влетел, свернул соотечественнику шею и вылетел... Так что в запасе у меня только два паршивеньких предположеньица. Первое — это всякие потайные люки, замаскированные дверцы и двойные стены. А второе — какой-то гений изобрел новое техническое приспособление, позволяющее поворачивать ключ снаружи, не оставляя на нем никаких следов...

Оба предположения указывают прямо на владельца дома, механика-изобретателя. Так. Ну-с, а как выглядит у нас алиби этого человека? До половины десятого он безвылазно сидит за карточным столом. Начиная примерно с без пяти десять и до момента обнаружения трупа он фактически либо у меня на глазах, либо где-то в пределах слышимости. У него остается на убийство примерно двадцать — двадцать пять минут, когда его не видит никто, либо видит только Кайса, которой он, по его словам, задает трепку. Таким образом, теоретически он может быть убийцей, если знает потайной ход или владеет средством поворачивать ключ снаружи, не оставляя следов. Непонятны мотивы (не для рекламы же!), психологически совершенно неоправданно все его поведение, но, повторяю, теоретически он мог убить. Запомним это и пойдем дальше.

Дю Барнстокр. Алиби не имеет. Но он хилый старик, у него просто не хватит сил свернуть человеку шею. Симонэ. Алиби не имеет. Шею свернуть мог бы — парень крепкий, к тому же слегка не в себе. Непонятно, как попал в комнату к Олафу. А если попал, то непонятно, как

оттуда ушел. Теоретически, конечно, мог случайно обнаружить пресловутую потайную дверь. Непонятны мотивы, непонятно все поведение после убийства. Ничего непонятно. Хинкус... Двойник Хинкуса... Хорошо бы выпить еще кофе. Хорошо бы плюнуть на все и завалиться спать...

Брюн. Да, это единственная ниточка, которая пока не оборвалась. Этот ребенок мне солгал. Ребенок видел госпожу Мозес, но сказал, что не видел. Ребенок любезничал с Олафом у дверей его номера, но сказал, что дал ему пощечину у дверей столовой... И тут я вдруг вспомнил. Я сидел вот здесь, в этом кресле. Пол дрогнул, послышался гул обвала. Я посмотрел на часы, было две минуты одиннадцатого, и тут наверху громко хлопнула дверь. Именно наверху. Кто-то с силой захлопнул дверь. Кто? Симонэ в это время брился. Дю Барнстокр спал и, возможно, проснулся именно от этого стука. Хинкус лежал связанный под столом. Хозяин и Кайса были на кухне. Мозесы были у себя. Значит, дверью могли хлопнуть либо Олаф, либо Брюн, либо убийца. Например, двойник Хинкуса... Я бросил кочергу и побежал наверх.

Номер чада был пуст, и я постучался к дю Барнстокру. Чадо, подперев кулаками щеки, уныло сидело за столом. Дю Барнстокр, закутавшись в шотландский плед, клевал носом в кресле у окна. Оба они так и вскинулись, когда я вошел.

— Снимите очки! — резко приказал я чаду, и чадо немедленно повиновалось.

Да, это была девушка. И прехорошенькая, хотя глаза ее опухли и покраснели от слез. Подавив вздох облегчения, я сел напротив нее и сказал:

— Вот что, Брюн. Перестаньте запираяться. Лично вам ничего не грозит. Я не считаю вас убийцей, так что можете не врать. В девять часов десять минут госпожа Мозес видела вас с Олафом здесь... в коридоре, у дверей его номера. Вы сказали мне неправду. Вы расстались с Олафом не у дверей столовой. Где вы с ним расстались? Где, когда и при каких обстоятельствах?

Некоторое время она смотрела на меня, губы ее дрожали, покрасневшие глаза снова наполнились слезами. Потом она закрыла лицо ладонями.

— Мы были у него в номере, — сказала она.

Дю Барнстокр жалобно застонал.

— Нечего стонать, дядя! — сказала Брюн, немедленно расвирепев. — Ничего непоправимого не произошло. Мы целовались, и было довольно весело, только холодно, потому что у него все время было открыто окно. Я не помню, сколько времени все это продолжалось. Помню, он вытащил из кармана что-то вроде ожерелья, какие-то бусы, и все хотел надеть мне на шею, но тут раздался грохот, и я сказала: «Слушайте — лавина!» И он вдруг отпустил меня и схватился за голову, как будто что-то вспомнил... Знаете, как люди хватаются за голову, когда что-то вспоминают, что-то важное... Это длилось буквально несколько секунд. Он бросился к окну, но сейчас же вернулся, схватил меня за плечи и буквально выкинул в коридор. Я едва не упала, а он сразу же с силой захлопнул за мной дверь. При этом он ничего не говорил, только выругался шепотом, и еще я помню, как он повернул ключ в замке. Больше я его не видела, я дико разозлилась, потому что он поступил по-хамски, да еще обругал меня, и поэтому я сразу пошла к себе и заперлась...

Дю Барнстокр снова застонал.

— Так, — сказал я. — Он схватился за голову, словно что-то вспомнил, и кинулся к окну... Может быть, его кто-нибудь позвал?

Брюн затрясла головой.

— Нет. Я ничего не слышала, только шум обвала.

— И ушли вы сразу же? Не задержались у дверей ни на секунду?

— Сразу же. Я дико разозлилась.

— Как же развивались действия после того, как вы с ним вышли из столовой? Повторите снова.

— Он сказал, что хочет мне что-то показать, — заговорила она, нагнув голову. — Мы вышли в коридор, и он потянул меня к себе в номер. Я, конечно, сопротивлялась... ну, в общем, мы дурачились. Потом, когда мы уже стояли у его дверей...

— Стоп. В прошлый раз вы сказали, что видели Хинкуса.

— Да, видели. Сразу, как только мы вышли в коридор. Он как раз в этот момент сворачивал из коридора на лестницу.

— Так. Продолжайте.

— Когда мы уже стояли у дверей Олафа, появилась

эта Мозесиха. Она, конечно, сделала вид, что нас не заметила, но мне стало неловко. Противно, когда шляются вокруг и пялят на тебя глаза. Н-ну... и мы зашли в номер к Олафу.

— Понятно. — Я покосился на Барнстокра. Старик сидел, возведя очи горé. Так ему и надо. Вечно эти дядюшки воображают, будто у них под крылышком произрастают ангелочки. А эти ангелочки тем временем векселя подделывают. — Ну, ладно. Вы что-нибудь пили у Олафа?

— Я?

— Меня интересует, пил ли что-нибудь Олаф.

— Нет. Ни он, ни я — мы не пили.

— Теперь так... гм... Вы не заметили... м-м... Вы не заметили какого-нибудь странного запаха?

— Нет. Там был очень чистый, свежий воздух.

— Я не о комнате. Черт возьми, когда вы целовались, вы не заметили чего-нибудь странного? Странного запаха, я имею в виду...

— Ничего я такого не заметила, — сказала Брюн сердито.

Я попытался поделикатнее сформулировать следующий вопрос, потом отчаялся и сказал напрямик:

— Есть предположение, что Олафа перед убийством отравили медленно действующим ядом. Вы не заметили ничего такого, что подтверждало бы это предположение?

— А что такого я могла заметить?

— Обычно заметно, когда человек плохо себя чувствует, — пояснил я. — Особенно это заметно, если он на ваших глазах чувствует себя все хуже и хуже.

— Ничего такого не было, — решительно сказала Брюн. — Он чувствовал себя прекрасно.

— Свет вы не зажигали?

— Нет.

— А из того, что он говорил, вы не помните ничего странного?

— Я вообще ничего не помню, — ответила Брюн тихо. — Это был обычный треп. Шуточки, остроты, хохмы... Про мотоциклы мы с ним говорили, про лыжи. По-моему, он был хороший механик. Во всех двигателях разбирался...

— И он не показал вам ничего интересного? Он ведь собирался вам что-то показать...

— Да нет, конечно. Вы что, не понимаете? Это было просто так сказано...

— Когда случился обвал, вы сидели или стояли?

— Стояли.

— Где?

— У самых дверей. Мне уже надоело, и я собиралась уходить. И тут он стал напирать на меня это ожерелье...

— А вы уверены, что он кинулся от вас к окну?

— Ну, как вам сказать... Он схватился за голову, повернулся ко мне спиной, сделал шаг или два к окну... в сторону окна... ну, я не знаю, как еще вам сказать, может быть, и не к окну, конечно, но я просто ничего в комнате больше не видела, кроме окна...

— Вам не кажется, что, кроме вас, в комнате мог быть кто-нибудь еще? Может быть, вы сейчас вспомните какие-нибудь шорохи, странные звуки, на которые тогда не обратили внимания...

Она задумалась.

— Да нет, было тихо... Какой-то небольшой шум слышался, но за стеной. Олаф еще сострил, что это Симонэ у себя в номере бродит по стенам... А больше ничего.

— А шум действительно доносился от Симонэ?

— Да,— уверенно сказала Брюн.— Мы тогда уже стояли, и шум шел слева. Ну, самый обычный шум. Шаги, вода из крана...

— Олаф при вас передвигал какую-нибудь мебель?

— Мебель?.. А, да, было. Это он заявил, что не выпустит меня, и придвинул к двери кресло... Ну потом, конечно, отодвинул.

Я встал.

— На сегодня — все,— сказал я.— Ложитесь спать. Больше я вас сегодня не буду беспокоить.

Дю Барнстокр тоже поднялся и двинулся ко мне с протянутыми руками.

— Дорогой инспектор! Вы, конечно, понимаете, что я понятия не имел...

— Да, дю Барнстокр,— сказал я.— Дети растут, дю Барнстокр. Все дети. Впредь никогда не позволяйте ей носить черные очки, дю Барнстокр. Глаза — это зеркало души.

Я оставил их поразмыслить над этими сокровищами полицейской мудрости, а сам спустился в холл.

— Вы реабилитированы, Алек,— объявил я хозяину.

— Разве я был осужден? — удивился он, поднимая глаза от арифмометра.

— Я хочу сказать, что снимаю с вас все подозрения. Теперь у вас стопроцентное алиби. Но не воображайте, что это дает вам право опять забивать мне голову зомбизмом-момбизмом... Не перебивайте меня. Сейчас вы останетесь здесь и будете сидеть, пока я не разрешу вам встать. Имейте в виду, что с этим одноруким парнем первым должен говорить я.

— А если он проснется раньше вас?

— Я не собираюсь спать,— сказал я.— Я хочу обыскать дом. Если этот бедняга проснется и позовет кого-нибудь, даже маму, немедленно пошлите за мной.

— Слушаюсь,— сказал хозяин.— Один вопрос. Распорядок дня в отеле остается прежним?

Я подумал:

— Да, пожалуй. В девять часов завтрак. А там видно будет... Кстати, Алек, когда, по-вашему, можно ожидать здесь кого-нибудь из Мюра?

— Трудно сказать. Раскапывать завал они, может быть, начнут даже и завтра. Я помню примеры такой оперативности... Но в то же время они прекрасно знают, что нам здесь ничто не грозит... Возможно, дня через два прилетит на вертолете Цвирик, наш горный инспектор... если у него в других местах все благополучно. Вся беда в том, что им сначала нужно узнать про обвал. Короче говоря, на завтрашний день я бы не рассчитывал...

— То есть на сегодняшний?

— Да, на сегодняшний... Но завтра кто-нибудь может прилететь.

— Передатчика у вас нет?

— Ну, откуда? И главное, зачем? Это мне невыгодно, Петер.

— Понимаю,— сказал я.— Значит, завтра...

— За завтра я тоже не ручаюсь,— возразил хозяин.

— Одним словом, в ближайшие два-три дня... Хорошо. Теперь вот что, Алек. Предположим, вам понадобилось спрятаться в этом доме. Надолго, на несколько суток. Где бы вы спрятались?

— Гм... — сказал хозяин с сомнением.— Вы все-таки думаете, что в доме есть посторонний человек?

— Где бы вы спрятались? — повторил я.

Хозяин покачал головой.

— Обманывают вас, — сказал он. — Честное слово, обманывают. Здесь негде спрятаться. Двенадцать номеров, из них только два пустуют, но Кайса убирает их каждый день, она бы заметила. Человек всегда оставляет после себя всякий мусор, а у нее бзик — чистота... Подвал — он у меня закрыт снаружи на висячий замок... Чердака нет, в пространство между крышей и потолком едва руку просунешь... Служебные помещения тоже все закрываются снаружи, и, кроме того, мы там целый день крутимся, то я, то Кайса. Вот, собственно, и все.

— А верхняя душевая? — спросил я.

— Правильно. Верхняя душевая имеет место, и туда давно не заглядывали. И еще, может быть, стоит заглянуть в генераторную — туда я тоже нечасто наведываюсь. Посмотрите, Петер, поищите...

— Давайте ключи, — сказал я.

Я посмотрел и поискал. Я облазил подвал, заглянул в душевую, обследовал гараж, котельную, генераторную, влез даже в подземный склад солярки — я нигде ничего не обнаружил. Естественно, я и не ожидал ничего обнаружить, это было бы слишком просто, но проклятая чиновничья добросовестность не позволила мне оставлять в тылу белые пятна. Двадцать лет беспорочной службы — это двадцать лет беспорочной службы: в глазах начальства, да и в глазах подчиненных тоже, всегда лучше выглядеть добросовестным болваном, чем блестящим, хватающим вершки талантом. И я шарил, ползал, пачкался, дышал пылью и дрянью, жалел себя и ругал дурацкую судьбу.

Когда я, злой и грязный, выбрался из подземного склада, уже рассветало. Луна побледнела и склонилась к западу. Серые громады скал подернулись сиреновой дымкой. И какой же свежий, сладкий, морозный воздух наполнял долину! Пропади оно все пропадом!..

Я уже подходил к дому, когда дверь распахнулась, и на крыльцо вышел хозяин.

— Ага, — произнес он, увидев меня. — А я как раз за вами. Этот бедняга проснулся и зовет маму.

— Иду, — сказал я, отряхивая пиджак.

— Собственно, он зовет не маму, — сказал хозяин, — он зовет Олафа Андварафорса.

Увидев меня, незнакомец живо наклонился вперед и спросил:

— Вы — Олаф Андварафорс?

Такого вопроса я не ожидал. Совсем не ожидал. Я искал глазами стул, придвинул стул к кровати, неторопливо уселся и только тогда посмотрел на незнакомца. Был большой соблазн ответить утвердительно и посмотреть, что из этого выйдет. Но я не контрразведчик и не сыщик. Я честный полицейский чиновник. Поэтому я ответил:

— Нет. Я не Олаф Андварафорс. Я инспектор полиции, и зовут меня Петер Глебски.

— Да? — сказал он удивленно, но без всякого беспокойства. — Но где же Олаф Андварафорс?

По-видимому, он вполне оправился после вчерашнего. Тощее лицо его порозовело, кончик длинного носа, такой белый вчера, теперь был красен. Он сидел на кровати, закрываясь до пояса одеялом, ночная рубашка Алека была ему явно велика, ворот висел хомутом и обнажал острые ключицы и бледную безволосую кожу на груди. И на лице его не было растительности — только несколько волосков на месте бровей да редкие белесые ресницы. Он сидел, наклонившись вперед, и рассеянно наматывал на левую руку пустой рукав правой.

— Прошу прощения, — сказал я, — но предварительно я должен задать вам несколько вопросов.

На эти мои слова незнакомец не ответил ничего. Лицо его приняло странное выражение — до того странное, что я не сразу понял, в чем дело. А дело было в том, что одним глазом он уставился на меня, а другой глаз закатил под лоб, так что его почти не стало видно. Некоторое время мы молчали.

— Так вот, — сказал я. — Прежде всего хотелось бы узнать, кто вы такой и как вас зовут.

— Луарвик, — сказал он быстро.

— Луарвик... А имя?

— Имя? Луарвик.

— Господин Луарвик Луарвик?

Он опять помолчал. Я боролся с неловкостью, какую

всегда испытываешь, разговаривая с сильно косоглазыми людьми.

— Приблизительно, да, — сказал он наконец.

— В каком смысле — приблизительно?

— Луарвик Луарвик.

— Хорошо. Допустим. Кто вы такой?

— Луарвик, — сказал он. — Я — Луарвик. — Он помолчал. — Луарвик Луарвик. Луарвик Л. Луарвик.

Он выглядел достаточно здоровым и совершенно серьезным, и это удивляло больше всего. Впрочем, я не врач.

— Я хотел узнать, чем вы занимаетесь.

— Я механик, — сказал он. — Механик-водитель.

— Водитель чего? — спросил я.

Тут он уставился на меня обоими глазами. Он явно не понимал вопроса.

— Хорошо, оставим это, — поспешно сказал я. — Вы иностранец?

— Очень, — сказал он. — В большой степени.

— Вероятно, швед?

— Вероятно. В большой степени швед.

Что он — издевается надо мной? — подумал я. Непохоже. Скорее, у него вид человека, припертого к стене.

— Зачем вы сюда приехали? — спросил я.

— Здесь есть Олаф Андварафорс. Он вам все расскажет. Я не могу.

— Вы ехали к Олафу Андварафорсу?

— Да.

— Попали под обвал?

— Да.

— Ехали на автомобиле?

Он подумал.

— Машина, — сказал он.

— Зачем вам нужен Андварафорс?

— Я имею с ним дело.

— Какое именно?

— Я имею с ним дело, — повторил он. — С ним. Он расскажет.

Дверь за моей спиной скрипнула. Я обернулся. На пороге, держа кружку на отлете, стоял Мозес.

— Сюда нельзя, — сказал я резко.

Мозес из-под нависших бровей разглядывал незна-

комца. На меня он не обратил никакого внимания. Я вскочил и пошел на него грудью.

— Прошу вас немедленно выйти, господин Мозес!

— Не орите на меня,— неожиданно миролюбиво предложил Мозес.— Могу же я полюбопытствовать, кого вы поселили в моем помещении.

— Не сейчас, позже...— Я стал постепенно, но настойчиво закрывать дверь.

— Извольте, извольте...— бурчал Мозес, вытесненный в коридор.— Я, конечно, мог бы протестовать...

Я закрыл дверь и снова повернулся к Луарвику Л. Луарвику.

— Это был Олаф Андварафорс? — спросил Луарвик.

— Нет,— сказал я.— Олаф Андварафорс убит сегодня ночью.

— Убит,— повторил Луарвик. В голосе его не было никаких эмоций. Ни удивления, ни страха, ни горя. Как будто я сообщил ему, что Олаф на минутку вышел и сейчас вернется.— Мертвый? Олаф Андварафорс?

— Да.

— Нет,— сказал Луарвик.— Вы неточно знаете.

— Я знаю совершенно точно. Я видел его мертвым. Сам.

— Я хочу посмотреть.

— Зачем это вам? Я понял так, что вы не знаете его в лицо.

— Я имею с ним дело,— сказал Луарвик.

— Но я же говорю вам: он убит. Умер. Его убили.

— Хорошо. Я хочу посмотреть.

Меня вдруг осенило — я вспомнил про чемодан.

— Он должен был вам что-нибудь передать?

— Нет,— ответил он равнодушно.— Мы должны говорить. Я — с ним.

— О чем?

— Я — с ним. С ним.

— Слушайте, господин Луарвик,— сказал я.— Олаф Андварафорс мертв. Его убили. Я расследую убийство. Ищу убийцу. Понимаете? Мне надо знать как можно больше об Олафе Андварафорсе. Прошу вас быть откровенным. Рано или поздно вам все равно придется рассказать все. Лучше рано, чем поздно.

Он вдруг заполз под одеяло до самого носа. Глаза у него снова глядели в разные стороны.

— Я ничего не могу сказать вам,— невнятно проговорил он сквозь одеяло.

— Почему?

— Я могу сказать только Олафу Андварафурсу.

— Откуда вы ехали? — спросил я.

Он молчал.

— Где вы живете?

Молчание. Тихое посапывание. Один глаз смотрит на меня, другой — в потолок.

— Вы выполняете чье-нибудь поручение?

— Да.

— Чье именно?

— Зачем вы хотите это знать? — спросил он. — Я имею дело не с вами. Вы имеете дело не с нами.

— Прошу вас понять,— сказал я проникновенно.— Если мы узнаем хоть что-нибудь об Олафе, мы узнаем, кто его убийца. Ну, хорошо. Вы, по-видимому, не знаете Олафа. Но те, кто вас к нему послал, они могут что-то знать.

— Они не знают Олафа тоже,— сказал он.

— То есть как?

— Они не знают Олафа. Зачем?

Я потер обросшие щетиной щеки.

— У вас концы с концами не сходятся,— сказал я угрюмо.— Люди, которые не знают Олафа, посылают вас, который тоже не знает Олафа, с каким-то поручением к Олафу. Как это может быть?

— Это может быть. Это так.

— Кто эти люди?

Молчание.

— Где они находятся?

Молчание.

— Господин Луарвик, у вас могут быть большие неприятности.

— Зачем? — спросил он.

— При расследовании убийства каждый добрый гражданин обязан давать полиции требуемые показания,— сказал я строго.— Отказ может быть рассмотрен как соучастие.

Луарвик Л. Луарвик не реагировал.

— Не исключено, что придется вас арестовать, — добавил я. Это была явно незаконная угроза, и я поспешил поправиться: — Во всяком случае, ваше упорное запирательство очень повредит вам во время суда.

— Я хочу одеть одежду, — вдруг сказал Луарвик. — Я не хочу лежать. Я хочу видеть Олафа Андварафорса.

— С какой целью? — спросил я.

— Я хочу его видеть.

— Но вы же не знаете его в лицо.

— Я не хочу его лицо, — сказал Луарвик.

— А что же вам нужно?

Луарвик вылез из-под одеяла и снова сел.

— Я хочу видеть Олафа Андварафорса! — сказал он очень громко. Правый глаз его дергался и вращался. — Зачем вопросы? Зачем вопросы? Очень много вопросов. Почему я не вижу Олафа Андварафорса?

Я тоже потерял терпение.

— Вы хотите опознать труп? Так я вас понимаю?

— Опознать... Узнать?

— Да! Узнать!

— Хочу. Хочу видеть.

— Как вы можете его узнать, — сказал я, — если вы не знаете его в лицо?

— Какое лицо? — заорал Луарвик. — Зачем лицо? Я хочу видеть, что это не есть Олаф Андварафорс, что это есть другой!

— Почему вы думаете, что это — другой? — быстро спросил я.

— Почему вы думаете, что это Олаф Андварафорс? — возразил он.

Мы уставились друг на друга. Я был вынужден признать, что этот странный человек в известном смысле прав. Я не мог бы присягнуть, что викинг со свернутой шеей наверху — это тот самый Олаф Андварафорс, которого ищет Луарвик Л. Луарвик. Это мог быть не тот Олаф Андварафорс, и это мог быть вообще не Олаф Андварафорс. С другой стороны, я не понимал, какой толк показывать труп человеку, который не знает Олафа в лицо. В лицо... А действительно, почему обязательно — в лицо? Может быть, он должен был узнать его по одежде, или по какому-нибудь перстню... или, скажем, по татуировке...

В дверь постучали, и голос Кайсы пропищал: «Одевать»

ся, пожалуйста...» Я открыл дверь и принял у Кайсы высушенный и выглаженный костюм незнакомца.

— Одевайтесь, — сказал я, положив костюм на постель.

Потом я встал к окну и принялся смотреть на зубчатую скалу Погибшего Альпиниста, уже озаренную розовым светом восходящего солнца, на бледное пятно луны, на чистую темную синеву неба. За спиной у меня раздавалось шипение, шуршание, невнятное бормотание, почему-то двигали стулом: по-видимому, это нелегкое дело — одеваться при помощи одной руки и при таком косоглазии вдобавок. Дважды меня так и подмывало повернуться и предложить помощь, но я сдержался. Потом Луарвик сказал: «Я одел». Я обернулся. Я удивился. Я очень удивился, но тут же вспомнил, что этот человек пережил ночью, и перестал удивляться. Я подошел к нему, поправил и застегнул воротник, перестегнул пуговицы на пиджаке и пододвинул ему ногой шлепанцы хозяина. Пока я все это делал, он покорно стоял, отставив единственную руку. Пустой правый рукав я засунул ему в карман. Он посмотрел на шлепанцы и сказал с сомнением:

— Это не мое. У меня не так.

— Ваши ботинки еще не высохли, — сказал я. — Обувайте это, и пошли.

Можно было подумать, что он никогда в жизни не имел дело со шлепанцами. Дважды он с размаху пытался загнать в шлепанцы ноги и дважды промахнулся, каждый раз теряя при этом равновесие. У него вообще было неважно с равновесием — видно, ему здорово досталось, и он еще далеко не пришел в себя. Я его хорошо понимал: со мной тоже бывало такое...

Наверное, все это время какая-то машинка неслышно крутилась у меня в подсознании, потому что меня вдруг ослепила на мгновение дивная мысль: что, если Олаф — не Олаф, а Хинкус... А Хинкус — не Хинкус, а Олаф, и послал он телеграмму, чтобы вызвать вот этого странного человечка. Но от перестановки имен ничего в конечном итоге не прояснилось, и я выбросил эту мысль из головы.

Рука об руку мы вышли в холл и двинулись на второй этаж. Хозяин, по-прежнему сидевший на своем посту, проводил нас задумчивым взглядом. Луарвик же на хозяина внимания не обратил совсем. Все свое внимание он

сосредоточил на ступеньках лестницы. Я на всякий случай придерживал его за локоть.

Перед дверью номера Олафа мы остановились. Я внимательно осмотрел свои наклейки — все было в порядке. Тогда я достал ключ и распахнул дверь. Резкий неприятный запах ударил мне в нос — очень странный запах, похожий на запах дезинфекции. Я задержался на пороге, мне стало не по себе. Впрочем, в комнате все оставалось без изменений. Только лицо мертвеца показалось мне более темным, чем накануне, возможно, из-за освещения, и пятна кровоподтеков были теперь почти не видны. Луарвик довольно чувствительно ткнул меня в поясницу. Я шагнул в прихожую и посторонился, пропуская его посмотреть.

Можно было подумать, что он не механик-водитель, а служитель морга. С совершенно равнодушным видом он остановился над трупом и низко наклонился, закинув единственную руку за спину. Ни брезгливости, ни страха, ни благоговения — деловитый осмотр. И тем более странными показались мне его слова.

— Я удивлен, — произнес он совершенно бесцветным голосом. — Это есть Олаф Андварафорс на самом деле. Я не понимаю.

— Как вы его узнали? — сейчас же спросил я.

Он, не выпрямляясь, повернул голову и посмотрел на меня одним глазом. Он стоял, нагнувшись, расставив ноги, глядел на меня снизу вверх и молчал. Это продолжалось так долго, что у меня заныла шея. Как это он может оставаться в такой челепой позе? В поясницу ему вступило, что ли?.. Наконец он произнес:

— Вспомнил. Видел раньше. Тогда не знал, что Олаф Андварафорс.

— А где вы его видели раньше? — спросил я.

— Там. — Он, не разгибаясь, махнул рукой куда-то за окно. — Это не есть главное.

Вдруг он разогнулся и заковылял по комнате, смешно вертя головой. Я весь подобрался, не спуская с него глаз. Он явно искал что-то, и я уже догадывался — что именно.

— Олаф Андварафорс умер не здесь? — спросил он, останавливаясь передо мною.

— Почему вы так думаете? — спросил я.

— Я не думаю. Я сделал вопрос.
— Вы что-нибудь ищете?
— Олаф Андварафорс имел предмет,— сказал он.—
Где?

— Вы ищете чемодан? — спросил я.— Вы за ним приехали?

— Где он? — повторил Луарвик.

— Чемодан у меня,— сказал я.

— Это хорошо,— похвалил он.— Я хочу его иметь здесь. Принесите.

Я пропустил мимо ушей его тон и сказал:

— Я мог бы отдать вам чемодан, но сначала вы должны ответить на мои вопросы.

— Зачем? — с огромным изумлением спросил он.— Зачем снова вопросы?

— А затем,— терпеливо ответил я,— что вы получите чемодан только в том случае, если из ваших ответов станет ясно, что вы имеете на него право.

— Не понимаю,— сказал он.

— Я не знаю,— сказал я,— ваш это чемодан или нет. Если он ваш, если Олаф привез его для вас, докажите это. Тогда я его вам отдам.

Глаза у него разъехались и снова съехались к переносице.

— Не надо,— сказал он.— Не хочу. Устал. Пойдем.

Несколько озадаченный, я вышел вслед за ним из номера. Воздух в коридоре показался на удивление свежим и чистым. Откуда в номере эта аптечная вонь? Может быть, там и раньше было что-то разлито, только при открытом окне не чувствовалось? Я запер дверь. Пока я ходил к себе за клеем и бумагой и занимался опечатыванием, Луарвик оставался на месте, погруженный, казалось, в глубокую задумчивость.

— Ну что? — спросил я.— Вы будете отвечать на вопросы?

— Нет,— решительно ответил он.— Не хочу вопросов. Хочу лежать. Где можно лежать?

— Ступайте в свою комнату,— вяло сказал я. Мною овладела апатия. Вдруг зверски разболелась голова. Потянуло лечь, расслабиться, закрыть глаза. Все это нелепое, ни на что не похожее, уродливо-бессмысленное дело словно

бы воплотилось в нелепом, ни на кого не похожем уродливо-бессмысленном Луарвике Л. Луарвике.

Мы спустились в холл, и он проковылял к себе в комнату, а я сел в кресло, вытянулся и, наконец, закрыл глаза. Где-то шумело море, играла громкая неразборчивая музыка, приплывали и уплывали какие-то туманные пятна. Во рту было такое ощущение, как будто я много часов подряд жевал сырую вату. Потом кто-то обнюхал мне ухо мокрым носом, и тяжелая голова Леля дружески прижалась к моему колену.

Г Л А В А

13 _____

Наверное, мне все-таки удалось вздремнуть минут пятнадцать, а больше дремать мне не дал Лель. Он облизывал мне уши и щеки, теребил штанину, толкался и, наконец, легонько укусил за руку. Тогда я не выдержал и подскочил, готовый разорвать его на куски, бессвязные проклятия и жалобы теснились в моей глотке, но взгляд мой упал на столик, и я замер. На блестящей лакированной поверхности столика, рядом с бумагами и счетами хозяина, лежал огромный черный пистолет.

Это был люгер калибра 0.45 с удлинненной рукоятью. Он лежал в лужице воды, и комочки нерастаявшего снега еще облепляли его; и пока я смотрел, разинув рот, один комочек сорвался с курка и упал на поверхность стола. Тогда я оглядел холл. В холле было пусто, только Лель стоял рядом со столиком и, наклонив голову набок, серьезно-вопросительно смотрел на меня. Из кухни доносился звон кастрюль, слышался негромкий басок хозяина и тянуло запахом кофе.

— Это ты принес? — спросил я Леля шепотом.

Он наклонил голову на другой бок и все продолжал смотреть на меня. Лапы у него были в снегу, с лохматого брюха капало. Я осторожно взял пистолет.

Вот это было настоящее гангстерское оружие. Дальность прицельного боя — двести метров, приспособление для установки оптического прицела, рамка для приставного приклада, рычажок перевода на автоматическую

стрельбу и прочие удобства... Ствол был забит снегом. Пистолет был холодный, тяжелый, рубчатая рукоять ладно лежала в ладони. Почему-то я вспомнил, что не обыскал Хинкуса. Багаж его обыскал, шубу обыскал, а самого его — забыл. Должно быть, потому, что он представлялся мне жертвой.

Я извлек из рукояти обойму — обойма была полна. Я оттянул затвор, и на стол выскочил патрон. Я взял его, чтобы вставить в обойму, и вдруг обратил внимание на странный цвет пули. Она была не желтая и не тускло-серая, как обычно. Она сверкала как никелированная, только это был не никель, а скорее серебро. Никогда в жизни не видел таких пуль. Я стал торопливо, один за другим выщелкивать патроны из обоймы. Все они были с такими же серебряными пулями. Я облизал пересохшие губы и снова посмотрел на Леля.

— Где ты это взял, старик? — спросил я.

Лель игриво мотнул головой и боком скакнул к двери.

— Понятно, — сказал я. — Понимаю. Подожди минутку.

Я собрал патроны в обойму, загнал обойму в рукоять и, на ходу запихивая пистолет в боковой карман, пошел к выходу. За дверью Лель скатился с крыльца и, проваливаясь в снег, поскакал вдоль фасада. Я был почти уверен, что он остановится под окном Олафа, но он не остановился. Он обогнул дом, исчез на секунду и снова появился, нетерпеливо выглядывая из-за угла. Я схватил первые попавшиеся лыжи, кое-как закрепил их на ногах и побежал следом.

Мы обогнули гостиницу, а затем Лель устремился прочь от дома и остановился метрах в пятидесяти. Я подъехал к нему и огляделся. Все это было как-то странно. Я видел ямку в снегу, откуда Лель выкопал пистолет, я видел след своих лыж, позади, видел борозды, которые оставил Лель, прыгая через сугробы, а в остальном пелена снега вокруг была нетронута. Это могло означать только одно: пистолет зашвырнули сюда либо с дороги, либо из отеля. И это был хороший бросок. Я не был уверен, что сам сумел бы забросить такую тяжелую и неудобную для броска штуку столь далеко. Потом я понял. Пистолет бросили с крыши. Пистолет отобрали у Хинкуса и забросили подальше. Может быть, впрочем, и сам Хинкус забросил

его подальше. Может быть, он боялся, что его застукают с этим пистолетом. А может быть, конечно, это сделал и не Хинкус, а кто-то другой... но почти наверняка — с крыши. С дороги такой бросок мог сделать разве что хороший гранатометчик, а из окна какого-нибудь номера это сделать и вообще было бы невозможно.

— Что ж, Лель,— сказал я сенбернару,— ты молодец. А я вот — нет. Хинкуса надо было трясти поосновательней, на манер старины Згута. Правда? К счастью, это еще не поздно сделать.

И, не дожидаясь ответа Леля, я побежал обратно. Лель, разбрасывая снег, проваливаясь и размахивая ушами, скакал рядом.

Я намеревался сразу же отправиться к Хинкусу, разбудить этого сукиного сына и вытрясти из него душу, даже если это будет стоить мне выговора в послужной формуляр. Мне было теперь предельно ясно, что дело Олафа и Хинкуса связано между собой самым непосредственным образом, что Олаф и Хинкус приехали сюда вместе отнюдь не случайно, что Хинкус сидел на крыше, вооружившись дальнобойным пистолетом, только с одной целью: держать под прицелом ближайшие окрестности и не дать кому-то уйти из отеля; что это именно он предупреждал кого-то запиской, подписанной «Ф» (тут он, правда, напутал, и записка попала явно не по адресу — дю Барнстокр не вызывает ни малейших подозрений); что он кому-то здесь страшно мешал и, вероятно, продолжает мешать, и будь я проклят, если я сейчас же не выясню — кому и почему. В этой версии была, конечно, масса противоречий. Если Хинкус, скажем, был телохранителем Олафа и мешал его убийце, то почему с ним, Хинкусом, обошлись так мягко? Почему ему тоже не свернули шею? Почему его противник пользовался исключительно гуманными средствами борьбы — донос, пленение?.. Впрочем, Хинкус, видимо, наемный человек, и об него просто не хотели пачкать руки... Да! И надо выяснить, кому он посылал телеграмму. Я все время упускаю это из виду...

Хозяин окликнул меня из буфетной и, не говоря больше ни слова, предложил кружку горячего кофе и громадный сочный бутерброд с ветчиной. Это было как раз то, что нужно. Пока я жевал, он разглядывал меня прищуренными глазами и наконец спросил:

— Что-нибудь новенькое?

Я кивнул.

— Да. Пистолет. Только не я, а Лель. А я — идиот.

— Гм... Да. Лель — умная собака. А что за пистолет?

— Интересный пистолет, — сказал я. — Профессиональный... Между прочим, вы слышали когда-нибудь, чтобы пистолеты заряжались серебряными пулями?

Некоторое время хозяин молчал, выпячивая челюсть.

— Этот ваш пистолет заряжен серебряными пулями? — медленно произнес он.

Я кивнул.

— М-да, я читал об этом... — сказал хозяин. — Оружие заряжается серебряными пулями, когда человек собирается стрелять по призракам.

— Опять зомбизм-момбизм, — проворчал я.

— Да, опять. Вурдалака не убьешь обычной пулей. Вервольф... лисица-кицунэ... жабыя королева... Я вас предупреждал, Петер! — Он поднял толстый палец. — Я уже давно жду чего-нибудь вроде этого. А теперь оказывается, что не только я...

Я дожевал бутерброд и допил кофе. Нельзя сказать, что слова хозяина так уж совсем не задели меня. Почему-то все время так получалось, что версия хозяина — единственная и безумная — все время находила подтверждение, а все мои версии — многочисленные и реалистические — нет... Вурдалаки, призраки, привидения... Тут вся беда была в том, что тогда мне осталось бы только сложить оружие: как сказал один писатель, потусторонний мир — это ведомство церкви, а не полиции...

— Вы узнали, чей это пистолет? — спросил хозяин.

— Да есть тут у нас один охотник за вурдалаками, Хинкус его фамилия, — сказал я и вышел.

Посреди холла, весь какой-то корявый и неестественный, торчал покосившимся чучелом господин Луарвик Л. Луарвик. Одним глазом он смотрел на меня, а другим — на лестницу. Пиджак сидел на нем как-то особенно криво, брюки сползли, пустой рукав болтался и имел такой вид, словно его жевала корова. Я кивнул ему и хотел пройти мимо, но он быстро заковылял мне навстречу и загородил дорогу.

— Да? — сказал я, приостановившись.

— Один небольшой, но важный разговор, — объявил он.

— Я занят. Давайте через полчаса.

Он поймал меня за локоть.

— Очень прошу выделить. Немедленно.

— Не понимаю. Что выделить?

— Выделить несколько минут. Это важно для меня.

— Это важно для вас... — повторил я, продолжая продвигаться к лестнице. — Если это важно только для вас, то для меня это неважно совсем.

Он тащился за мной, как привязанный, как-то странно ставя ноги — одну носком наружу, другую — носком внутрь.

— Для вас тоже важно, — сказал он. — Вы будете довольны. Вы получите все желаемое.

Мы уже поднимались по лестнице.

— А в чем, собственно, дело? — спросил я.

— Это дело относительно чемодана.

— Вы готовы отвечать на мои вопросы?

— Давайте остановимся и поговорим, — попросил он. — Ноги ходят плохо.

Ага, припекает, подумал я. Это хорошо, это мне нравится.

— Через полчаса, — сказал я. — И отпустите меня, пожалуйста, вы мне мешаете.

— Да, — согласился он. — Мешаю. Я хочу мешать. Мой разговор срочный.

— Какая там срочность, — возразил я. — Успеется. Через полчаса. Или, скажем, через час.

— Нет-нет, очень прошу вас немедленно. Многое зависит. И это быстро. Я — вам, вы — мне. Все.

Мы были уже в коридоре второго этажа, и я сжался.

— Хорошо, пойдемте ко мне. Только давайте побыстрее.

— Да-да, это будет быстро.

Я привел его в свой номер и, присев на край стола, сказал:

— Выкладывайте.

Но он начал не сразу. Сначала он огляделся, надеясь, вероятно, что чемодан лежит где-нибудь здесь, на виду.

— Нету здесь чемодана, — сказал я. — Давайте скорее.

— Тогда я сяду, — сказал он и сел в мое кресло. — Мне очень нужен чемодан. Что вы хотите за него?

— Ничего не хочу. Докажите, что вы имеете на него права, и он — ваш.

Луарвик Л. Луарвик покачал головой и сказал:

— Нет. Доказывать не буду. Чемодан не мой. Сначала я ничего не понимал. Теперь я долго думал и все понял. Олаф украл чемодан. Мне было приказано найти Олафа и сказать ему: «Отдай то, что взял. Комендант двести двадцать четыре». Я не знаю, что это значит. Не знал, что он взял. И потом, вы все время говорите — чемодан. Это меня обмануло. Не чемодан. Футляр. Внутри — прибор. Раньше я не знал. Когда увидел Олафа — догадался. Теперь я знаю: Олаф не убит. Олаф умер. От прибора. Прибор очень опасный. Угроза для всех. Все будут как Олаф, или может быть взрыв. Тогда все будут еще хуже. Понимаете, почему надо быстро? Олаф — дурак, он умер. Мы — умные, мы не умрем. Скорее давайте чемодан.

Все это он протараторил своим бесцветным голосом, глядя на меня по очереди то правым, то левым глазом и немилосердно терзая пустой рукав. Лицо его оставалось неподвижным, только время от времени поднимались и опускались реденькие брови. Я смотрел на него и думал, что манеры и грамматика у него остались прежние, а вот запас слов основательно увеличился. Разговорился Луарвик.

— Кто вы такой? — спросил я.

— Я эмигрант, иностранный специалист. Изгнанник. Жертва политики.

Да, разговорился Луарвик. И откуда что берется!

— Эмигрант откуда? — спросил я.

— Не надо таких вопросов. Не могу сказать. Честь. Никакого вреда вашей стране.

— Но вы мне уже сказали, что вы швед.

— Швед? Не говорил. Эмигрант, политический изгнанник.

— Прощу прощения, — сказал я. — Час назад вы сказали мне, что вы швед. Что вы даже в большей степени швед. А теперь отказываетесь?

— Не знаю... не помню... — забормотал он. — Плохо себя чувствую. Боюсь. Надо скорее чемодан.

Чем больше он меня торопил, тем меньше я был склонен спешить. Мне все было ясно: он врал, и врал страшно неумело.

— Где вы живете? — спросил я.

— Не могу сказать.

— На чем вы ехали сюда?

— Машина.

— Какой марки?

— Марки... Черный, большой.

— Вы не знаете марки своего автомобиля?

— Не знаю, он не мой.

— Но вы же механик, — сказал я со злорадством. — Какой же вы к черту механик, да еще водитель, если вы не разбираетесь в автомобилях?

— Дайте мне чемодан, иначе будет несчастье.

— А что вы будете делать с этим чемоданом?

— Быстро увезу.

— Куда? Вы же знаете, лавина завалила дорогу.

— Это все равно. Увезу подальше. Попробую разрядить. Если не сумею, убегу. Пусть лежит там.

— Хорошо, — сказал я и соскочил со стола. — Поехали.

— Как?

— На моей машине. У меня хорошая машина марки «Москвич». Возьмем чемодан, отвезем подальше, посмотрим.

Он не двинулся с места.

— Вам не надо. Очень опасно.

— Ничего. Я рискну. Ну?

Он сидел неподвижно и молчал.

— Чего же вы сидите? — спросил я. — Ведь опасно, надо скорее.

— Не годится, — сказал он, наконец. — Попробуем по-другому. Не хотите отдать чемодан, тогда продайте чемодан. А?

— То есть? — сказал я, снова присаживаясь на край стола.

— Я даю деньги, много денег. Вы даете мне чемодан. Никто ничего не узнает, все довольны. Вы нашли чемодан, я его купил. Все.

— И сколько же вы мне дадите? — спросил я.

— Много. Сколько хотите. Вот.

Он полез за пазуху и вытащил толстенную пачку банкнот. В натуре я видел такие пачки только один раз — в Государственном банке, когда вел там дело о подлоге.

— Сколько здесь? — спросил я.

Мало? Тогда еще вот.

Он полез в боковой карман и вытащил еще одну такую же пачку и тоже бросил ее на стол рядом со мной.

Сколько здесь денег? спросил я.

— Какая разница? удивился он. — Все — ваше.

Очень большая разница. Вы знаете, сколько здесь денег?

Он молчал, глаза его то разъезжались, то съезжались.

Так. Не знаете. А где вы их взяли?

Это мои.

Бросьте, Луарвик. Кто вам их дал? Вы же явились сюда с пустыми карманами. Мозес, больше некому. Так?

Вы не хотите деньги?

— Вот что, — сказал я. — Эти деньги я конфискую, а вас привлекаю за попытку подкупа должностного лица. Вы вляпались в очень нехорошую историю, Луарвик. Вам остается одно: говорите все начистоту. Кто вы такой?

— Вы взяли деньги? — осведомился Луарвик.

— Я их конфисковал.

— Конфисковал... Хорошо, — сказал он. — А где чемодан?

— Вы не понимаете, что такое «конфисковал»? — спросил я. Спросите у Мозеса... Итак, кто вы такой?

Не говоря ни слова, он встал и направился к двери. Я сгреб деньги и пошел за ним следом. Мы прошли по коридору и стали спускаться по лестнице.

— Вы напрасно не отдаете чемодан, — сказал Луарвик. — Это не будет вам полезно.

— Не угрожайте, — напомнил я.

— Вы будете причиной большого несчастья.

— Хватит врать, — сказал я. — Не хотите говорить правду — дело ваше. Но вы уже влипли по уши, Луарвик, и утянули за собой Мозеса. Теперь вы легко не отделаетесь. С часу на час сюда приедет полиция, и вам все равно придется рассказать правду... Стоп! Не туда. Идите за мной.

Я взял его за пустой рукав и отвел в контору. Потом я позвал хозяина, и в его присутствии пересчитал деньги и написал акт. Хозяин тоже пересчитал деньги — денег оказалось больше восьмидесяти тысяч, мое жалованье за десять лет беспорочной службы, — и подписал акт.

Все это время Луарвик стоял поодаль, неуклюже пере-

минаясь с ноги на ногу, как человек, которому хочется уйти как можно скорее.

— Подпишите, — сказал я, протягивая ему ручку.

Он взял ручку, внимательно оглядел ее и осторожно положил на стол.

— Нет, — сказал он. — Я пойду.

— Как хотите, — сказал я. — Ваше положение это не изменит.

Он сейчас же повернулся и вышел, задев плечом за косяк. Мы с хозяином посмотрели друг на друга.

— Зачем он хотел вас подкупить? — спросил хозяин. — Что ему было надо?

— Чемодан, — сказал я.

— Какой чемодан?

— Чемодан Олафа, который стоит у вас в сейфе... — Я достал ключ и открыл сейф. — Вот этот вот.

— Он стоит восемьдесят тысяч? — спросил хозяин с уважением.

— Он стоит, наверное, гораздо больше. Тут какая-то темная история, Алек. — Я сложил деньги в сейф, снова запер тяжелую дверцу, а акт положил в карман.

— Кто же этот Луарвик? — задумчиво сказал хозяин. — Откуда у него столько денег?

— У Луарвика не было ни гроша. Деньги ему дал Мо-зес, больше никому.

Хозяин поднял было толстый палец, чтобы что-то сказать, но раздумал. Вместо этого он энергично потер толстый подбородок, гаркнул: «Кайса!» — и вышел. Я остался сидеть за конторкой. Я принялся вспоминать. Я тщательно перебирал в памяти самые мелкие подробности, самые незначительные происшествя, свидетелем которых я был в этом отеле. Выяснилось, что запомнил я довольно много.

Оказывается, я помнил, что при первой нашей встрече Симонэ был одет в серый костюм, а на вчерашней вечеринке он был в бордовом, и запонки у него были с желтыми камешками. Я помнил, что, когда Брюн кланчила у своего дяди сигарету, он всегда доставал их из-за правого уха. Я помнил, что у Кайсы есть маленькая черная родинка на правой ноздре; что дю Барнстокр, орудуя вилкой, всегда отставляет мизинец; что ключ моего номера похож на ключ от номера Олафа; и еще много подобной же дребедени. Во всей это мусорной куче я обнаружил две жемчужины.

Во-первых, я вспомнил, как позавчера вечером Олаф, весь в снегу, стоял посередине холла со своим черным чемоданом и оглядывался, словно ожидал, что его встретят, и как он посмотрел мимо меня на закрытый портьерой вход на половину Мозесов, и как мне показалось, что портьера колышется — надо полагать, от сквозняка. Во-вторых, я вспомнил, что, когда я стоял в очереди у душа, сверху спустились рука об руку Олаф и Мозес...

Все это упорно наводило меня на мысль, что Олаф, Мозес, а теперь и Луарвик — все это одна компания, причем эта компания не стремилась афишировать, что она — одна компания. И если вспомнить, что я обнаружил Мозеса в номере-музее рядом со своим номером за пять минут до того, как нашел у себя на столе записку насчет гангстера и маньяка; и если вспомнить, что золотые часы Мозеса были подброшены — явно подброшены, а потом снова изъяты — в баул Хинкуса... и если вспомнить, что госпожа Мозес была единственным человеком, не считая, может быть, Кайсы, который отсутствовал в зале именно тогда, когда Хинкуса скрутили в бараний рог и засунули под стол... если вспомнить все это, то картина получается прелюбопытная.

В эту картину неплохо укладывается и заявление Хинкуса о том, что один из его баулов легке превратился в фальшбагаж, и то обстоятельство, что госпожа Мозес была единственным человеком, который видел двойника Хинкуса в лицо. Ведь о Брюн никак нельзя было сказать, что она видела двойника Хинкуса: она видела только шубу Хинкуса, а кто был в этой шубе, неизвестно.

Конечно, в картине оставалось еще много белых и совершенно непонятных пятен. Но по крайней мере теперь была ясна расстановка сил: Хинкус, с одной стороны, а Мозесы, Олаф и Луарвик — с другой. Впрочем, судя по совершенно нелепым действиям Луарвика и той откровенности, с которой Мозес снабдил его деньгами, дело близилось к какому-то кризису... И тут мне пришло в голову, что я, пожалуй, напрасно держу Хинкуса взаперти. В надвигающейся схватке неплохо было бы обзавестись союзником, пусть даже таким сомнительным и явно преступным, как Хинкус.

Так я и сделаю, подумал я. Напущу-ка я на них гангстера и маньяка. Мозес небось думает, что Хинкус до

сих пор валяется под столом. Посмотрим, как он себя поведет, когда Хинкус вдруг объявится в столовой за завтраком. О том, как и кто скрутил Хинкуса, о том, кто и как убил Олафа, я решил пока не думать. Я смял свои заметки, положил в пепельницу и поджег.

— Кушать, пожалуйста... — пропищала где-то наверху Кайса. — Кушать, пожалуйста.

Г Л А В А

14

Хинкус уже поднялся. Он стоял посередине комнаты со спущенными подтяжками и вытирал лицо большим полотенцем.

— Доброе утро, — сказал я. — Как вы себя чувствуете?

Он настороженно глядел на меня исподлобья, лицо его несколько опухло, но в общем он выглядел вполне прилично. Ничего в нем не осталось от того сумасшедшего затравленного хорька, каким я видел его несколько часов назад.

— Более или менее, — буркнул он. — Чего это меня здесь заперли?

— У вас был нервный припадок, — объяснил я. Лицо у него немного перекосилось. — Ничего страшного. Хозяин сделал вам укол и запер, чтобы вас никто не беспокоил. Завтракать пойдете?

— Пойду, — сказал он. — Позавтракаю и смотаюсь отсюда к чертовой матери. И задаток отберу. Тоже мне — отдых в горах... — Он скомкал и отшвырнул полотенце. — Еще один такой отдых, и свихнешься к чертовой матери. Без всякого туберкулеза... Шуба моя где, не знаете? И шапка...

— На крыше, наверное, — сказал я.

— На крыше... — пробурчал он, надевая подтяжки. — На крыше...

— Да, — сказал я. — Не повезло вам. Можно только посочувствовать... Ну мы еще поговорим об этом.

Я повернулся и пошел к двери.

— Нечего мне об этом разговаривать! — со злостью крикнул он мне вслед.

В столовой еще никого не было. Кайса расставляла тарелки с сэндвичами. Я поздоровался с нею и выбрал себе новое место — спиной к буфету и лицом к двери, рядом со стулом дю Барнстокра. Едва я уселся, как вошел Симонэ — в толстом пестром свитере, свежевыбритый, с красными припухшими глазами.

— Ну и ночь, инспектор, — сказал он. — Я и пяти часов не спал. Нервы разгулялись. Все время кажется, будто тянет мертвечинкой. Аптечный такой запах, знаете ли, вроде формалина... — Он сел, выбрал сэндвич, потом посмотрел на меня. — Нашли?.. — спросил он.

— Смотря что, — ответил я.

— Ага, — сказал он и неуверенно хохотнул. — Вид у вас неважный.

— У каждого тот вид, которого он достоин, — отозвался я, и в ту же секунду вошли Барнстокры. Эти были как огурчики. Дядюшка щеголял астрой в петлице, благородно седые кудри пушисто серебрились вокруг лысой маковки, а Брюн была по-прежнему в очках, и нос у нее был по-прежнему нахально задран. Дядюшка, потирая руки, двинулся к своему месту, искательно поглядывая на меня.

— Доброе утро, инспектор, — нежно пропел он. — Какая ужасная ночь! Доброе утро, господин Симонэ. Не правда ли?

— Привет, — буркнуло чадо.

— Коньяку бы выпить, — сказал Симонэ с какой-то тоской. — Но ведь неприлично, а? Или ничего?

— Не знаю, право, — сказал дю Барнстокр. — Я бы не рискнул.

— А инспектор? — сказал Симонэ.

Я помотал головой и отхлебнул кофе, который поставила передо мной Кайса.

— Жаль, — сказал Симонэ. — А то я бы выпил.

— А как наши дела, дорогой инспектор? — спросил дю Барнстокр.

— Следствие напало на след, — сообщил я. — В руках у полиции ключ. Много ключей. Целая связка.

Симонэ снова загоготал было и сразу сделал серьезное лицо.

— Вероятно, нам придется провести весь день в доме, — сказал дю Барнстокр. — Выходить, вероятно, не разрешается...

— Почему же? — возразил я. — Сколько угодно. И чем больше, тем лучше.

— Удрать все равно не удастся, — добавил Симонэ. — Обвал. Мы здесь заперты — и надолго. Идеальная ситуация для полиции. Я бы, конечно, мог удрать через скалы...

— Но? — спросил я.

— Во-первых, из-за этого снега мне не добраться до скал. А во-вторых, что я там буду делать?.. Послушайте, господа, — сказал он. — Давайте прогуляемся по дороге — посмотрим, как там в Бутылочном Горлышке...

— Вы не возражаете, инспектор? — осведомился дю Барнстокр.

— Нет, — сказал я, и тут вошли Мозесы. Они тоже были как огурчики. То есть мадам была как огурчик... как персик... как ясное солнышко. Что касается Мозеса, то эта старая брюква так и осталась старой брюквой. Прихлебывая на ходу из кружки и не здороваясь, он добрался до своего стула, плюхнулся на сиденье и строго посмотрел на сэндвичи перед собой.

— Доброе утро, господа! — хрустальным голосом произнесла госпожа Мозес.

Я покосился на Симонэ. Симонэ косился на госпожу Мозес. В глазах его было какое-то недоверие. Потом он судорожно передернул плечами и схватился за кофе.

— Прелестное утро, — продолжала госпожа Мозес. — Так тепло, солнечно! Бедный Олаф, он не дожил до этого утра!

— Все там будем, — провозгласил вдруг Мозес хрипло.

— Аминь, — вежливо закончил дю Барнстокр.

Я покосился на Брюн. Девочка сидела нахохлившись, уткнувшись носом в чашку. Дверь снова отворилась, и появился Луарвик Л. Луарвик в сопровождении хозяина. Хозяин скорбно улыбался.

— Доброе утро, господа, — произнес он. — Позвольте представить вам господина Луарвика Луарвика, прибывшего к нам сегодня ночью. По дороге его постигла катастрофа, и мы, конечно, не откажем ему в гостеприимстве.

Судя по виду господина Луарвика Луарвика, катастрофа была чудовищной, и он очень нуждался в гостеприимстве. Хозяин был вынужден взять его за локоть и буквально впихнуть на мое старое место рядом с Симонэ.

— Очень приятно, Луарвик! — прохрипел господин Мозес. — Здесь все свои, Луарвик, будьте как дома.

— Да, — сказал Луарвик, глядя одним глазом на меня, а другим на Симонэ. — Прекрасная погода. Совсем зима...

— Это все чепуха, Луарвик, — сказал Мозес. — Поменьше разговаривайте, побольше ешьте. У вас истощенный вид... Симонэ, напомните-ка, что там было с этим метр-дотелем? Кажется, он съел чье-то филе...

И тут, наконец, появился Хинкус. Он вошел и сразу остановился. Симонэ пустился вновь рассказывать про метрдотеля, и пока он объяснял, что названный метрдотель не ел никакого филе, а все было наоборот, Хинкус стоял на пороге, а я смотрел на него, стараясь при этом не упустить из виду и Мозесов. Я смотрел и ничего не понимал. Госпожа Мозес кушала сливки с сухариками и восхищенно слушала унылого шалуна. Господин Мозес, правда, покосился на Хинкуса, но с полнейшим равнодушием и сразу же снова обратился к своей кружке. А вот Хинкус с лицом своим совладать не сумел.

Сначала вид у него сделался совершенно обалделый, как будто его ударили бревном по голове. Затем на лице явственно проступила радость, иступленная какая-то, он даже заулыбался вдруг совершенно по-детски. А потом злобно оскалился и шагнул вперед, сжимая кулаки. Но смотрел он, к моему величайшему удивлению, не на Мозесов. Он смотрел на Барнстокров: сначала в полнейшем обалдении, потом с облегчением и радостью, а потом со злобой и с каким-то злорадством. Тут он перехватил мой взгляд, расслабился и, потупившись, направился к своему месту.

— Как вы себя чувствуете, господин Хинкус? — участливо наклоняясь вперед, осведомился дю Барнстокр. — Здешний воздух...

Хинкус вскинул на него бешеные желтые глазки.

— Я-то себя ничего чувствую, — ответствовал он, усаживаясь. — А вот каково вы себя чувствуете?

Дю Барнстокр в изумлении откинулся на спинку стула.

— Я? Благодарю вас... — Он посмотрел сначала на меня, потом на Брюн. — Может быть, я как-то задел, затронул... В таком случае я приношу...

— Не выгорело дельце! — продолжал Хинкус, с остер-

венением запихивая себе за воротник салфетку.— Сорвалось, а, старина?

Дю Барнстокр был в совершенном смущении. Разговоры за столом прекратились, все смотрели на него и на Хинкуса.

— Право же, я боюсь...— Старый фокусник явно не знал, как себя вести.— Я имел в виду исключительно ваше самочувствие, не больше...

— Ладно, ладно, замнем для ясности,— отвечал Хинкус.

Он обеими руками взял большой сэндвич, краем заправил его в рот, откусил и, ни на кого не глядя, принялся во всю работать челюстями.

— А хамить-то не надо бы! — сказала вдруг Брюн.

Хинкус коротко глянул на нее и сейчас же отвел взгляд.

— Брюн, дитя мое...— сказал дю Барнстокр.

— Р-распетушился! — сказала Брюн, постукивая ножом о тарелку.— Пьянствовать меньше надо...

— Господа, господа! — сказал хозяин.— Все это пустяки!

— Не беспокойтесь, Сневар,— поспешно сказал дю Барнстокр.— Это какое-то маленькое недоразумение... Нервы напряжены... События этой ночи...

— Понятно, что я говорю? — грозно спросила Брюн, наставив на Хинкуса черные окуляры.

— Господа! — решительно вмешался хозяин.— Господа, я прошу внимания! Я не буду говорить о трагических событиях этой ночи. Я понимаю — да, нервы напряжены. Но с одной стороны, расследование судьбы несчастного Олафа Андварафорса находится сейчас в надежных руках инспектора Глебски, который по счастливому стечению обстоятельств оказался в нашей среде. С другой же стороны, нас вовсе не должно излишне нервировать то обстоятельство, что мы оказались временно отрезаны от внешнего мира...

Хинкус перестал жевать и поднял голову.

— Наши погреба полны, господа! — торжественно продолжал хозяин.— Все мыслимые и даже некоторые немыслимые припасы к вашим услугам. И я убежден, что, когда через несколько дней спасательная партия прорвется к нам через обвал, она застанет нас...

— Какой такой обвал? — громко спросил Хинкус,

обводя всех круглыми глазами.— Что за чертовщина?

— Да, простите,— сказал хозяин, поднося ладонь ко лбу.— Я совсем забыл, что некоторые гости могут не знать об этом событии. Дело в том, что вчера в десять часов вечера снежная лавина завалила Бутылочное Горлышко и разрушила телефонную связь.

За столом воцарилось молчание. Все жевали, глядя в тарелки. Хинкус сидел, отвесив нижнюю губу,— вид у него опять был ошарашенный. Луарвик Л. Луарвик меланхолично жевал лимон, откусывая от него вместе с кожурой. По узкому подбородку его стекал на пиджак желтоватый сок. У меня свело скулы, я отхлебнул кофе и объявил:

— Имею добавить следующее. Две небольшие банды каких-то мерзавцев избрали этот отель местом сведения своих личных счетов. Как лицо неофициальное, я могу предпринять лишь немногие меры. Например, я могу собрать материал для официальных представителей мюрской полиции. Таковой материал в основном уже собран, хотя я был бы очень благодарен каждому гражданину, который сообщит следствию какие-нибудь новые сведения. Далее я хочу поставить в известность всех добрых граждан о том, что они могут чувствовать себя в полной безопасности и свободно вести себя так, как им заблагорассудится. Что же касается лиц, составляющих упомянутые банды, то я призываю их прекратить всякую деятельность, дабы не ухудшать и без того безнадежное свое положение. Я напоминаю, что наша отрешенность от внешнего мира является лишь относительной. Кое-кто из присутствующих уже знает, что два часа назад я воспользовался любезностью господина Сневар и отправил с почтовым голубем донесение в Мюр. Теперь я с часу на час ожидаю полицейский самолет, а потому напоминаю лицам, замешанным в преступлении, что своевременное признание и раскаяние могут значительно улучшить их участь. Благодарю за внимание, господа.

— Как интересно! — восхищенно воскликнула госпожа Мозес.— Значит, среди нас есть бандиты? Ах, инспектор, ну хотя бы намекните! Мы пойдем!

Я покосился на хозяина. Алек Сневар, повернувшись к гостям обширной спиной, старательно перетирал рюмки, стоящие на буфете.

Разговор не возобновился. Тихонько звякали ложечки

в стаканах, да шумно сопел над своей кружкой господин Мозес, сверля глазами каждого по очереди. Никто не выдал себя, но всем, кому пора было подумать о своей судьбе, думали. Я запустил в этот курятник хорошего хорька, и теперь надо было ожидать событий.

Первым поднялся дю Барнстокр.

— Дамы и господа! — сказал он. — Я призываю всех добрых граждан встать на лыжи и отправиться в небольшую прогулку. Солнце, свежий воздух, снег и чистая совесть да будут нам опорой и успокоением. Брюн, дитя мое, пойдемте.

Задвигались стулья, гости один за другим вставали из-за стола и покидали зал. Симонэ предложил руку госпоже Мозес — очевидно, все его ночные впечатления в значительной степени развеялись под действием солнечного утра и жажды чувственных удовольствий. Господин Мозес извлек из-за стола Луарвика Л. Луарвика, поставил его на ноги, и тот, меланхолично дожевывая лимон, потащился за ним, заплетаясь башмаками.

За столом остался только Хинкус. Он сосредоточенно ел, словно намеревался заправиться надолго, впрок. Кайса собирала посуду, хозяин помогал ей.

— Ну что, Хинкус? — сказал я. — Поговорим?

— Это насчет чего? — угрюмо проворчал он, поедая яйцо с перцем.

— Да насчет всего, — сказал я. — Как видите смотаться вам не удастся. И на крыше больше торчать незачем. Верно?

— Не о чем нам говорить, — сказал Хинкус мрачно. — Ничего я по этому делу не знаю.

— По какому делу? — спросил я.

— Про убийство! По какому еще...

— Есть еще дело Хинкуса, — сказал я. — Вы кончили? Тогда пойдемте. Вот сюда, в бильярдную. Там сейчас солнышко, и нам никто не помешает.

Он ничего не ответил. Дожевывая яйцо, проглотил, утерся салфеткой и поднялся.

— Алек, — сказал я хозяину. — Будьте добры, спуститесь вниз и посидите в холле, где вы вчера сидели, понимаете?

— Понимаю, — сказал хозяин. — Будет сделано.

Он торопливо вытер руки полотенцем и вышел. Я рас-

пахнул дверь в бильярдную и пропустил Хинкуса вперед. Он вошел и остановился, засунув руки в карманы и жуя спичку. Я взял у стены один из стульев, поставил на самое солнце и сказал: «Сядьте». Помедлив секунду, Хинкус сел и сразу сощурился — солнце било ему в лицо.

— Полицейские штучки... — проворчал он с горечью.

— Служба такая, — сказал я и присел перед ним на край бильярда в тени. — Ну, Хинкус, что там у вас произошло с Барнстокром?

— С каким еще Барнстокром? Что у нас может произойти? Ничего у нас не произошло.

— Записку угрожающую вы ему писали?

— Никаких записок я не писал. А вот жалобу я напишу. За истязание больного человека...

— Слушайте, Хинкус. Через час-другой прилетит полиция. Прилетят эксперты. Записка ваша у меня в кармане. Определить, что писали ее вы, ничего не стоит. Зачем же вы запираетесь?

Он быстрым движением перебросил изжеванную спичку из одного угла рта в другой. В зале гремела тарелками Кайса, напевая что-то тонким фальшивым голоском.

— Ничего не знаю про записку, — сказал наконец Хинкус.

— Хватит врать, Филин! — гаркнул я. — Мне все о тебе известно! Ты влип, Филин. И если ты хочешь отделаться семьдесят второй, тни на пункт «ц»! Чистосердечное признание до начала официального следствия... Ну?

Он выплюнул изжеванную спичку, покопался в карманах и вытащил мятую пачку сигарет. Затем он поднес пачку ко рту, губами вытянул сигарету и задумался.

— Ну? — повторил я.

— Путаете вы что-то, — ответил Хинкус. — Филин какой-то. Я не Филин, я — Хинкус.

Я соскочил с бильярда и сунул ему под нос пистолет.

— А это узнаешь? А? Твоя машинка? Говори!

— Ничего не знаю, — угрюмо сказал он. — Чего вы ко мне привязались?

Я вернулся на стол, положил пистолет рядом с собой на сукно и закурил.

— Думай, думай, — сказал я. — Быстрее думай, а то поздно будет. Ты подсунул Барнстокру записку, а он отдал

ее мне — этого ты, конечно, не ожидал. Пистолет у тебя отобрали, а я его нашел. Ребятам своим ты дал телеграмму, а они не успели, потому что случился обвал. А полиция будет часа через два, самое большое. Понял, какая картина?

В дверь просунулась Кайса и пропищала:

— Подать чего-нибудь? Угодно?

— Идите, идите, Кайса, — сказал я. — Ступайте.

Хинкус молчал, сосредоточенно шаря в кармане, потом извлек коробок спичек и закурил. Солнце пекло. На его лице выступил пот.

— Маху ты дал, Филин, — сказал я. — Перепутал божий дар с яичницей. Чего ты привязался к Барнстокру? Напугал бедного старика до полусмерти... Разве его приказали тебе держать на мушке? Мозеса! Мозеса надо было держать! Олух ты царя небесного, я бы тебя в дворники не взял, не то что такое поручение давать... И твоя шпана тебе это еще припомнит. Так что теперь, Филин...

Он не дал мне закончить поучение. Я сидел на краю бильярда, свесив одну ногу, а другой упираясь в пол, покуривал себе и при этом, дурак этакий, самодовольно разглядывал струйки дыма в солнечном луче. А Хинкус сидел на стуле в двух шагах от меня, и он вдруг наклонился вперед, поймал меня за свисающую ногу, изо всех сил дернул на себя и круто повернул. Недооценил я Хинкуса, прямо скажем, недооценил. Меня снесло с бильярда, и я всеми своими девяноста килограммами, плашмя, физиономией, животом, коленями грохнулся об пол.

О том, что случилось дальше, я могу только догадываться. Коротко говоря, примерно через минуту я пришел в себя окончательно и обнаружил, что сижу на полу, прислонясь к бильярду, подбородок у меня разбит, два зуба шатаются, со лба на глаза течет кровь, а правое плечо ломит совершенно невыносимо. Хинкус валялся тут же неподалеку, скорчившись и обхватив руками голову, а над ним, как Георгий Победоносец над поверженным Змием, возвышался осклабившийся героический Симонэ, держа в руке обломок самого длинного и самого тяжелого кия. Я утер кровь со лба и поднялся. Меня пошатывало. Хотелось лечь в тень и забыться. Симонэ нагнулся, поднял с пола пистолет и подал его мне.

— Вам повезло, инспектор, — сказал он, сияя. — Еще

секунду, и он проломил бы вам голову. Куда вам попало? По плечу?

Я кивнул. У меня перехватило дыхание, и говорить я не мог.

— Подождите-ка, — сказал Симонэ и выскочил в столовую, бросив на бильярд обломок кия.

Я обошел стол и присел в тени так, чтобы видеть Хинкуса. Хинкус все еще лежал неподвижно. Экий дьявол, а ведь посмотришь на него — соплей перешибить можно... Да, джентльмены, это настоящий ганмен в лучших чикагских традициях. И откуда только они берутся в нашей добропорядочной стране? И подумать только — ведь у Згута такой же оклад, как у меня. Да его озолотить надо!.. Я достал из кармана платок и осторожно промокнул ссадину на лбу.

Хинкус застонал, заворочался и попытался встать. Он все еще держался за голову. Симонэ вернулся с графином воды. Я взял у него графин, кое-как добрался до Хинкуса и полил ему на лицо. Хинкус зарычал и оторвал одну руку от макушки. Физиономия у него опять была зеленоватая, но теперь это объяснялось естественными причинами. Симонэ присел на корточки рядом с ним.

— Надеюсь, я не перестарелся? — озабоченно сказал он. — Времени разбираться у меня, сами понимаете, не было.

— Ничего, старина, все будет в порядке... — Я поднял руку, чтобы похлопать его по плечу, и застонал от боли. — Сейчас я его возьму в оборот.

— Мне уйти? — спросил Симонэ.

— Нет уж, вы лучше останьтесь. А то как бы он не взял в оборот меня. Принесите еще воды... на случай обмороков...

— И бренди! — с энтузиазмом сказал Симонэ.

— Правильно, — сказал я. — Мы его живо приведем в порядок. Только никому не говорите, что случилось.

Симонэ принес еще воды и бутылку коньяку. Я разжал Хинкусу рот и влил в него полстакана чистого. Потом мы оттащили Хинкуса к стенке, прислонили его спиной, я снова облил его из графина и два раза ударил по щекам. Он открыл глаза, облизнулся и сиплым голосом произнес:

— Что вы там говорили насчет семьдесят второй «ц»?

— Там видно будет, — сказал я.

Он помотал головой и сморщился.

— Нет, так не пойдет. Мне бессрочная и так обеспечена.

— Wanted and listed? — сказал я.

— В точности так. У меня теперь только один интерес: уклониться от галстука. И между прочим, все шансы у меня есть — к Олафу я отношения не имею, сами знаете, а тогда что остается? Незаконное ношение оружия? Ерунда, это еще доказать надо, что я его носил...

— А нападение на инспектора полиции?

— Так об этом и речь! — сказал Хинкус, осторожно ощупывая макушку. — По-моему, так никакого нападения и не было, а было одно только сплошное чистосердечное признание до начала официального следствия. Как ваше мнение, шеф?

— Признания пока еще не было, — напомнил я.

— Сейчас будет, — сказал Хинкус. — Но вот в присутствии этого физика-химика обещаете, шеф? Семьдесят вторую «ц» — обещаете?

— Ладно, — сказал я. — Для начала будем считать, что имела место драка на личной почве. Ты был в состоянии опьянения, а я тебя урезонивал.

Симонэ заржал.

— А я что? — спросил он.

— А вы помогли мне справиться... Ладно, хватит болтать. Рассказывай, Филин. И смотри, если ты хоть слово соврешь. Ты мне два зуба расшатал, сволочь!..

— Значит, так, — начал Хинкус. — Меня намылил сюда Чемпион. Слыхали про Чемпиона? Еще бы не слышать... Так вот в позапрошлый месяц откопал Чемпион где-то одного типа. Где он его откопал, чем его на крючок взял, я не знаю, и настоящего его имени я тоже не знаю. У нас его звали Вельзевулом. Правильно звали, жуткий тип... Сработал он нам всего два дела, но зато дела были для простого человека ну никак не подъемные, и сработал при этом чисто, красиво... да вы и сами это знаете. Второй Национальный банк — раз, броневик с золотыми слитками — два. Знакомые дела, шеф, а? То-то! Дела эти вы не раскрыли, а кого вы посажали, те в полной мере ни при чем, это вам самим хорошо известно. В общем, сработал он нам эти два дела и вдруг решил завязать. Почему — это вопрос особый, но Вельзевул наш рванул когти, и нас намылили кого куда ему наперехват. Засечь его, взять на мушку и

свистнуть Чемпиону... Ну а в крайнем случае было велено кончать Вельзевула на месте. Вот я его и засек, и тут все мое чистосердечное признание.

— Так, — сказал я. — Ну а кто у нас здесь в отеле Вельзевул?

— Тут я, как вы правильно сказали, дал маху, шеф. Это вы мне глаза открыли, а я-то грешил на этого фокусника, на Барнстокра. Во-первых, вижу — магические штучки, разные фокусы. А во-вторых, подумал: если Вельзевул захочет под кого-нибудь замаскироваться, то под кого? Чтобы без лишнего шума... Ясно — под фокусника!

— Что-то ты тут путаешь, — сказал я. — Фокусы ладно. Но ведь Барнстокр и Мозес — это небо и земля. Один — тощий, длинный, другой — толстый, приземистый...

Хинкус махнул рукой.

— Я его в разных видах видел, и толстым, и тонким. Никто не знает, какой вид у него натуральный... Это бы вам надо понять, шеф. Вельзевул — он ведь не простой человек. Колдун, оборотень! У него власть над нечистой силой...

— Понес, понес, — сказал я предостерегающе.

— Правильно, — согласился Хинкус. — Конечно, никто не поверит, кто сам не видел... А вот, например, баба эта, с которой он разъезжает, кто это, по-вашему, шеф? Я ведь своими глазами видел, как она сейф в две тонны весом выворотила и несла по карнизу. Под мышкой несла. Была она тогда маленькая, щупленькая, ни дать ни взять — ребенок, подросточек, вроде Барнстокровой этой девчонки... а ручищи — во, метра два... да что там — метра три длиной...

— Филин, — сказал я строго. — Хватит врать.

Хинкус снова махнул рукой и приуныл было, но, впрочем, тут же оживился.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Пускай я вру. Но вот я, извиняюсь, вас голыми руками положил, шеф, а ведь вы мужчина рослый, умелый... Так сами подумайте, кто мог меня таким манером скрутить, как младенца, и засунуть под стол?

— Кто? — спросил я.

— Она! Теперь-то я усек, как все это случилось. Он меня узнал, запомнил. И когда он увидел, что я сижу на крыше и живьем его из дома не выпущу, он и наслал на

меня свою бабу. Под моим же видом наслал...— В глазах у Хинкуса всплеснулся пережитый ужас.— Мать пресвятая, сижу я там, а оно стоит передо мной, то есть я сам и стою — голый, покойник, и глаза вытекли... Как я там со страха не подох, как с ума не сошел — не понимаю. Пью и ведь не пьянею, как на землю лью... Это надо же, проник, значит, он, что у меня в черепушке того, не все в порядке, наследственное это у меня, от папаши досталось. Тому, бывало, тоже всякое чудилось — как схватит ружье, как начнет палить... Вот Вельзевул и решил: либо с ума меня свести, либо запугать до потери сознания, чтобы я смылся с глаз долой. А когда увидел, что не получается, ну, делать нечего, тут он силу и применил...

— А почему он тебя просто не прихлопнул? — спросил я.

Хинкус затряс головой.

— Нет, этого он не может. Ведь если правду сказать, почему он завязал? Когда броневик брали, сами знаете, охрану пришлось шлепнуть. Наши ребята погорячились, а получается вроде бы, что кровь-то на нем, на Вельзевуле... А у него вся чародейская сила пропасть может, если он человеческую жизнь погубит. Чемпион нам так и сказал. А то разве кто-нибудь посмел бы его выслеживать? Да упаси бог!

— Ну, допустим,— проговорил я неуверенно.

Я опять ничего не понимал. Хинкус, как он и сам признался, был, несомненно, психом. Но в его сумасшествии была своя логика. В рамках этого сумасшествия все концы сходились с концами, и даже серебряные пули находили свое место в общей картине. И все это как-то странно переплеталось с действительностью. Сейф из Второго Национального и в самом деле исчез самым загадочным образом, «растворился в воздухе», как говорили, разводя руками, эксперты, и единственные следы, которые вели из помещения, вели на карниз. А свидетели ограбления броневика, словно сговорившись, упорно твердили под присягой, будто все началось с того, что какой-то человек ухватил броневик под днище и перевернул эту машину набок... Черт его знает, как все это понимать.

— Ну, а серебряные пули? — на всякий случай спросил я.— Почему пистолет заряжен серебряными пулями?

— Потому и заряжен,— снисходительно пояснил Хин-

кус. — Свинцовой пулей оборотня не возьмешь. Чемпион с самого начала на всякий случай подготовил серебряные пульки, подготовил и Вельзевулу показал: вот, мол, смерть-то твоя, имей, мол, в виду, не рыпайся.

— А почему же они остались в отеле? — спросил я. — Тебя связали, а сами остались...

— Этого я не знаю, — признался Хинкус. — Этого я сам не понимаю. Я как утром увидел Барнстокра, так прямо обалдел. Я ведь думал, их тут давным-давно и след простыл... Тьфу, не Барнстокра, конечно... Но я-то думал тогда, что Барнстокр... В общем, Вельзевул здесь, а почему он здесь остался, этого я не знаю. Может быть, тоже не может через завал перебраться... Он хоть и колдун, но не господь же бог. Летать, например, он не умеет, это уж точно известно. Через стены проходить — тоже... Правда, ежели подумать, баба эта его — или кто она там есть — любой завал могла бы расковырять в два счета. Присобачил бы он ей вместо рук ковши, как у экскаватора, и готово дело...

Я повернулся к Симонэ.

— Ну, — сказал я, — а что скажет по этому поводу наука?

Лицо Симонэ меня удивило. Физик был очень серьезен.

— В рассуждениях господина Хинкуса, — произнес он, — есть по крайней мере одна очень интересная деталь. Вельзевул у него не всемогущ. Чувствуете, инспектор? Это очень важно. И очень странно. Казалось бы, в фантазиях этих темных невежественных людей никаких законов и ограничений быть не может. Но они есть... А как, собственно, был убит Олаф?

— Этого я не знаю, — решительно сказал Хинкус. — Об Олафе ничегошеньки не знаю, шеф. Как на духу говорю. — Он прижал руку к сердцу. — Могу только сказать, что Олаф — не наш, и ежели его действительно прикончил Вельзевул, то не понимаю — зачем... Тогда вообще получается, что Олаф не человек, а какая-нибудь погань, вроде самого Вельзевула... Я же говорю, нельзя Вельзевулу людей убивать. Что он — враг себе, что ли?

— Так-так-так, — сказал Симонэ. — А как же все-таки был убит Олаф, инспектор?

Я коротко изложил ему факты: про запертую изнутри дверь, про свернутую шею, про пятна на лице, про аптеч-

ный запах. Рассказывая, я не спускал глаз с Хинкуса. Хинкус, слушая, ежился, бегал глазами и, наконец, умоляюще попросил еще глоточек. Мне ясно было, что все это ему внове, и пугает это его до содрогания. А Симонэ совсем нахмурился. Глаза у него стали отсутствующими, обнажились желтоватые зубы-лопаты. Дослушав, он тихонько выругался. Больше он ничего не сказал. Не знаю, как я, а Хинкус был совсем зеленый и время от времени осторожно ощупывал голову. Потому я оставил физика размышлять и снова взялся за Хинкуса.

— А как же ты его, Филин, выследил? Ты же не знал заранее, в каком он обличье...

Несмотря на свою зеленоватость, Хинкус самодовольно усмехнулся.

— Это мы тоже умеем, — сказал он. — Не хуже вас, шеф. Во-первых, Вельзевул хоть и колдун, но дурак. Всюду за собой таскает свой кованый сундук. Таких во всем свете больше ни у кого нет. Мне одно и оставалось — расспрашивать, куда этот сундук поехал. Второе — деньгам счету не знает... Сколько из кармана достанет, столько и платит. Такие люди, сами понимаете, нечасто попадают. Где он проехал, там одни только о нем и разговоры. Не фокус. В общем, выследил я его, я свое дело знаю... Ну, а что с Барнстокром осечка получилась — ничего не скажешь: напылил мне в глаза старикашка, чтоб ему пусто было. Леденцы эти его проклятые... А потом — захожу я в холл, сидит он там один, думает, что никто его не видит, и в руках у него куколка какая-то деревянная. Так что он с этой куколкой делал, господи! Да, осечка вышла, конечно...

— И к тому же он все время с этой женщиной, — сказал я задумчиво.

— Нет, — сказал Хинкус. — Женщина — это, шеф, не обязательно. Она не всегда при нем. Это когда на дело надо идти, он ее откуда-то раздобывает... Да и не женщина она вовсе, тоже вроде оборотня. Куда она девается, когда ее нет, этого никто не знает.

Тут я поймал себя на том, что я, солидный опытный полицейский, сижу здесь и с полной серьезностью обсуждаю с помешанным бандитом всякие сказки насчет оборотней, чародеев и колдунов. Я виновато оглянулся на Симонэ и обнаружил, что физик исчез, а вместо него в дверях, прислонившись к косяку, стоит хозяин с винчестером под

мышкой, и я вспомнил все его намеки, все эти его разговорчики насчет зомби и его толстый указательный палец, совершающий многозначительные движения. Еще более устыдившись, я раскурил сигарету и с нарочитой строгостью сказал:

— Так. Хватит об этом. Ты видел когда-нибудь раньше этого однорукого?

— Которого?

— Ты сидел с ним рядом за столом.

— А, это который лимоны жрал... Нет, в первый раз. А что?

— Ничего, — сказал я. — Когда должен был прибыть Чемпион?

— Вечером я его ждал. Не приехал. Теперь-то я понимаю — лавина.

— На что же ты, дурак, рассчитывал, когда напал на меня?

— А куда мне было деваться? — сказал Хинкус с тоской. — Сами посудите, шеф. Полицию мне было дожидаться ни к чему. Я человек известный, пожизненная мне обеспечена. Вот я и решил: отберу пистолет, шлепну кого надо, а сам подамся к завалу... либо сам как-нибудь переберусь, либо Чемпион меня подберет. Чемпион ведь сейчас тоже не спит. Самолеты не только у полицейских есть...

— Сколько человек должно прибыть с Чемпионом?

— Не знаю. Не меньше трех. Ну, конечно, самые отборные...

— Ладно, вставай, — сказал я и не без труда поднялся сам. — Пойдем, я тебя запру.

Хинкус, постанывая и кряхтя, тоже встал. Мы с хозяином повели его вниз, по черной лестнице, чтобы ни с кем не встречаться. В кухне мы все-таки встретили Кайсу, и, увидев меня, она взвизгнула и спряталась за плиту.

— Не визжи, дура, — строго сказал ей хозяин. — Горячую воду приготовь, бинты, йод... Сюда, Петер, в чулан его.

Я осмотрел чулан, и он мне понравился. Дверь закрывалась снаружи висячим замком и была крепкая, надежная. Других выходов и даже окон в чулане не было.

— Будешь сидеть здесь, — сказал я Хинкусу на прощание, — пока полиция не прилетит. И не вздумай проявлять какую-нибудь активность — пристрелю на месте.

— Ну да! — занял Хинкус. — Филина под замок,

а этот ходит себе на свободе, с него все как с гуся вода... Нехорошо, шеф. Несправедливо получается... И раненый я, башка болит...

Я не стал с ним разговаривать, запер дверь и сунул ключ в карман. Огромное количество ключей скопилось у меня в кармане. Еще пара часов, подумал я, и все ключи, какие есть в отеле, мне придется таскать на себе.

Потом мы прошли в контору, Кайса принесла воду и бинты, и хозяин принялся меня обрабатывать.

— Какое оружие есть в отеле? — спросил я у него.

— Винчестер, два охотничьих дробовика. Пистолет. Оружие есть, а вот кто из него будет стрелять?

— Н-да, — сказал я. — Тяжеловато.

Дробовики против пулеметов. Дю Барнстокр против отборных головорезов. Да и не будут они перестрелками заниматься, знаю я этого Чемпиона — сбросит с самолета какую-нибудь зажигательную пакость и перещелкает нас всех в чистом поле, как куропаток...

— Пока вы были наверху, — сообщил хозяин, ловко обмывая мне лоб вокруг ссадины, — сюда ко мне заявился Мозес. Положил на стол мешок с деньгами — именно мешок, я не преувеличиваю, Петер, — и потребовал, чтобы я все это тут же при нем положил в сейф. Он, видите ли, считает, что при таком положении дел его имущество находится в серьезной опасности.

— А вы? — спросил я.

— Тут я немного промахнулся, — признался хозяин. — Не сообразил и ляпнул ему, что ключи от сейфа у вас.

— Спасибо, Алек, — сказал я с горечью. — Вот теперь начнется охота на полицейского инспектора...

Мы помолчали. Хозяин обкручивал меня бинтами, мне было больно, прямо тошнило от боли. Должно быть, этот подонок все-таки сломал мне ключицу. Радиоприемник хрипел и потрескивал, передавали местные новости. О лавине в Бутылочном Горлышке не было сказано ни слова. Потом хозяин отступил на шаг и критически оглядел дело рук своих.

— Ну, вот так будет достаточно прилично, — сказал он.

— Спасибо, — сказал я.

Он взял таз и деловито осведомился:

— Кого вам прислать?

— К чертям, — сказал я. — Спать хочу. Возьмите винче-

стер, сядьте в холле и стреляйте в каждого, кто приблизится к этой двери. Мне нужно хоть часок поспать, иначе я сейчас упаду. Проклятые вурдалаки. Вонючие оборотни.

— У меня нет серебряных пуль,— кротко напомнил хозяин.

— Стреляйте свинцовыми, черт бы вас подрал! И прекратите разводить здесь ваши суеверия! Эта банда водит меня за нос, а вы им помогаете... Ставни у вас здесь есть на окне?

Хозяин поставил таз, молча подошел к окну и опустил железную штору.

— Так,— сказал я.— Хорошо... Нет, свет включать не надо... И вот еще что, Алек... Поставьте кого-нибудь... Симонэ или эту девчонку... Брюн... пусть следят за небом. Объясните им, что дело идет о жизни и смерти. Как только появится какой-нибудь самолет, пусть поднимают тревогу...

Хозяин кивнул, взял таз и пошел к двери. На пороге он остановился.

— Хотите мой совет, Петер? — сказал он.— Последний.

— Ну?

— Отдайте вы им чемодан, и пусть они убираются с ним прямо в свой ад, откуда они вышли. Неужели вы не понимаете: единственное, что их здесь держит,— это чемодан...

— Понимаю,— сказал я.— Уж это-то я понимаю. И именно поэтому я буду спать здесь на жестких стульях, упираясь головой в ваш проклятый сейф, и расстреляю серебряными пулями любую сволочь, которая попытается отобрать у меня чемодан. Если увидите Мозеса, передайте все это ему. Выражений можете не смягчать. И скажите ему, что на стрелковых соревнованиях я брал призы именно с люгером калибра 0.45. Все. Идите и оставьте меня в покое.

Г Л А В А

15

Наверное, это был служебный проступок. Помощи мне было ждать не от кого, а гангстеры могли налететь с минуты на минуту. Я мог рассчитывать только на то, что Чем-

пиону сейчас уже не до Вельзевула. Наткнувшись вчера вечером на завал, он мог растеряться и впопыхах наделать глупостей — вроде попытки захватить вертолет на Мюрском аэродроме. Я знал, что полиция давно следит за этим бандитом, и надежда моя имела некоторые основания. А кроме того, я больше просто не держался на ногах. Проклятый Филин меня доконал. Я расстелил газеты и какую-то отчетность перед сейфом, придвинул конторку к двери, а сам улегся, положив люгер рядом с собою. Заснул я мгновенно, а когда проснулся, было уже начало первого.

В дверь негромко, но настойчиво стучали.

— Кто там? — гаркнул я, торопливо нащупывая рукоять люгера.

— Это я, — отозвался голос Симонэ. — Откройте, инспектор.

— Что, самолет?

— Нет. Но надо поговорить. Открывайте. Сейчас не время спать.

Он был прав. Спать было не время. Хрустя зубами от боли, я поднялся — сначала на четвереньки, а потом, упираясь в сейф, на ноги. Плечо болело ужасно. Бинт сполз на глаза, подбородок распух. Я включил свет, оттащил конторку от двери и повернул ключ. Затем я отступил, держа люгер наготове.

Вид у Симонэ был торжественный и деловой, хотя чувствовалось в нем и какое-то возбуждение.

— Ого! — сказал он. — Вы тут как в крепости. И совершенно напрасно: никто на вас не собирается нападать.

— Этого я не знаю, — сказал я угрюмо.

— Да, вы здесь ничего не знаете, — сказал Симонэ. — Пока вы дрыхли, инспектор, я выполнил за вас всю вашу работу.

— Да что вы говорите? — произнес я язвительно. — Неужели Мозес уже в наручниках, а его сообщница арестована?

Симонэ нахмурился. Куда девался унылый шалун, еще вчера беспечно бегавший по стенам?

— В этом нет никакой необходимости, — сказал он. — Мозес ни в чем не виновен. Здесь все гораздо сложнее, чем вы думаете, инспектор.

— Только не рассказывайте мне о вурдалаках, — попросил я, усаживаясь верхом на стул рядом с сейфом.

Симонэ усмехнулся.

— Никаких вурдалаков. Никакой мистики. Сплошная научная фантастика. Мозес — не человек, инспектор. Тут наш хозяин оказался прав. Мозес и Луарвик это не земляне.

— Они прибыли к нам с Венеры, сказал я понимающе.

— Этого я не знаю. Может быть, с Венеры, может быть, из другой планетной системы, может быть, из соседствующего пространства... Этого они не говорят. Важно то, что они — не люди. Мозес находится на Земле уже давно, больше года. Примерно полтора месяца назад он попал в лапы к гангстерам. Они его шантажировали, непрерывно держали на мушке. Ему еле-еле удалось вырваться и бежать сюда. Луарвик что-то вроде пилота, он ведает переброской. Отсюда туда. Они должны были отбыть вчера в полночь. Но в десять часов вечера случилась какая-то авария, что-то у них взорвалось в аппаратуре. В результате — обвал, а Луарвику пришлось добираться сюда на своих двоих... Им надо помочь, инспектор. Это просто наша обязанность. Если гангстеры поспеют сюда раньше полиции, они их убьют.

— Нас тоже, — сказал я.

— Возможно, — согласился он. — Но это наше, земное дело. А если мы допустим убийство инопланетников, это будет позор.

Я смотрел на него и уныло думал: слишком много сумасшедших в этом отеле. Вот вам еще один псих.

— Короче говоря, что вам от меня надо? — спросил я.

— Отдайте им аккумулятор, Петер, — сказал Симонэ.

— Какой аккумулятор?

— В чемодане аккумулятор. Энергия для их роботов. Олаф не убит. Он вообще не живое существо. Он — робот, и госпожа Мозес тоже. Это роботы, им нужна энергия для того, чтобы они могли функционировать. В момент взрыва погибла их энергетическая станция, прекратилась подача энергии, и все их роботы в радиусе ста километров оказались под угрозой. Некоторые, вероятно, успели подключиться к своим портативным аккумуляторам. Господу Мозес подключил к аккумулятору сам Мозес... а я, если вы помните, принял ее за мертвую. А вот Олаф почему-то подключиться не успел...

— Ага,— сказал я.— Не успел он подключиться, упал, да так ловко, что свернул себе шею. Вывернул ее, понимаете ли, на сто восемьдесят градусов...

— Вы совершенно напрасно язвите,— сказал Симонэ.— Это у них квазиагонические явления. Выворачиваются суставы, несимметрично напрягаются псевдомышцы... Я ведь так и не успел вам сказать: у госпожи Мозес тоже была свернута шея.

— Ну ладно,— сказал я.— Квазимышцы, псевдосвязки... Вы же не мальчик, Симонэ, вы должны понимать: если пользоваться арсеналом мистики и фантастики, можно объяснить любое преступление, и всегда это будет очень логично. Но разумные люди в такую логику не верят.

— Я ожидал этого возражения, Петер,— сказал Симонэ.— Все это очень легко проверить. Отдайте им аккумулятор, и они в вашем присутствии снова включают Олафа. Ведь хотите же вы, чтобы Олаф снова был жив...

— Не пойдет,— сказал я сразу.

— Почему? Вы не верите — вам предлагают доказательства. В чем дело?

Я взялся за свою бедную забинтованную голову.

Действительно, в чем дело? Для чего я слушаю этого болтуна? Дать ему в руки винтовку и погнать на крышу как доброго гражданина, обязанного содействовать закону. А Мозесов запереть в подвале. И Луарвика туда же. Подвал бетонированный, прямое попадание выдержит... И Барнстокров туда же, и Кайсу. И будем держаться. А в самом крайнем случае я этих Мозесов выдам. С Чемпионом шутки плохи. Дай бог, чтобы он согласился на переговоры...

— Ну, что же вы молчите? — сказал Симонэ.— Сказать нечего?

Но мне было что сказать.

— Я не ученый,— медленно проговорил я.— Я — полицейский чиновник. Слишком много вранья накручено возле этого чемодана... Погодите, не перебивайте. Я вас не перебивал. Я готов во все это поверить. Пожалуйста. Пусть Олаф и эта баба — роботы. Тем хуже. Госпожа Мозес уже совершила... то есть ее руками уже совершено несколько преступлений. Такие страшные орудия в руках гангстеров — слуга покорный. Если бы я мог, я бы с удовольствием выключил и госпожу Мозес тоже. А вы предлагаете мне,

полицейскому, вернуть гангстерам орудия преступления! Понимаете, что у вас получается?

Симонэ в затруднении похлопал себя по темени.

— Слушайте, — сказал он. — Если налетят гангстеры, нам всем конец. Ведь вы наврали насчет почтовых голубей? На полицию ведь рассчитывать нечего? А если мы поможем бежать Мозесу и Луарвику, у нас хоть совесть будет чиста.

— Это у вас она будет чиста, — сказал я. — А у меня она будет замарана по самые уши. Полицейский своими руками помогает бежать бандитам.

— Они не бандиты! — сказал Симонэ.

— Они бандиты! — сказал я. — Они самые настоящие гангстеры. Вы же сами слышали показания Хинкуса. Мозес был членом банды Чемпиона. Мозес организовал и произвел несколько преступно дерзких нападений, нанеся государству и частным лицам огромный урон. Если вам угодно знать, Мозесу полагается не менее двадцати пяти лет каторжной тюрьмы, и я обязан сделать все, чтобы он получил эти двадцать пять лет.

— Черт возьми, — сказал Симонэ. — Вы что, не понимаете? Его запутали! Его шантажом втянули в эту банду! У него не было никакого выхода!

— В этом будет разбираться суд, — сказал я холодно.

Симонэ откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня прищурившись.

— А вы, однако, порядочная дубина, Глебски, — сказал он. — Не ожидал.

— Придержите язык, — сказал я. — Идите и займитесь своими делами. Что там у вас в программе? Чувственные удовольствия?

Симонэ покусал губу.

— Вот тебе и первый контакт, — пробормотал он. — Вот тебе и встреча двух миров.

— Не капайте мне на мозги, Симонэ, — сказал я зло. — И уходите отсюда. Вы мне надоели.

Он поднялся и пошел к двери. Голова его была опущена, плечи ссутулились. На пороге он остановился и сказал, полуобернувшись:

— А ведь вы пожалеете об этом, Глебски. Вам будет стыдно, очень стыдно.

— Возможно, — сказал я сухо. — Это мое дело... Кстати, вы стрелять умеете?

— Да.

— Это хорошо. Возьмите у хозяина винтовку и идите на крышу. Возможно, нам всем скоро придется стрелять.

Он молча вышел. Я осторожно погладил вспухшее плечо. Ну и отпуск. И чем все это кончится — неясно. Черт побери, неужели это действительно пришельцы? Уж больно здорово все совпадает... «Вам будет стыдно, Глебски»... Что ж, может быть, и будет. А что делать? Хотя в общем-то какая мне разница, пришельцы они или нет? Где это сказано, что пришельцам разрешается грабить банки? Землянам, видите ли, не разрешается, а им можно... Ладно. Что же мне все-таки делать? Того и гляди, начнется осада, а гарнизон у меня совершенно ненадежный.

На всякий случай я снял телефонную трубку. Ничего. Мертвая тишина. Все-таки скотина этот Алек. Не мог застаться аварийной сигнализацией. А вдруг сейчас бы у кого-нибудь приступ аппендицита? Торгаш несчастный, только бы ему деньги тянуть с клиентов...

В дверь снова постучали, и я снова поспешно схватился за люгер. На этот раз меня почтил вниманием сам господин Мозес — он же оборотень, он же венерианец, он же старая бруква с неизменной кружкой в руке.

— Сядьте у двери, — сказал я. — Вон стул.

— Я могу и постоять, — пророкотал он, глядя на меня исподлобья.

— Дело ваше, — сказал я. — Что вам нужно?

Все так же вытворяясь, он отхлебнул из кружки.

— Какие вам еще нужны доказательства? — спросил он. — Вы губите нас. Все это понимают. Все, кроме вас. Что вам от нас нужно?

— Кто бы вы ни были, — сказал я, — вы совершили ряд преступлений. И вы за них будете отвечать.

Он шумно потянул носом воздух, подошел к стулу и сел.

— Конечно, мне, наверное, уже давно нужно было обратиться к вам, — сказал он. — Но я все надеялся, что как-нибудь обойдется, и мне удастся избежать контакта с официальными лицами. Если бы не эта проклятая авария, меня бы здесь уже не было. Не было бы никакого убийства. Вы нашли бы связанного Филина и размотали бы клубок всех преступлений, которые совершил Чемпион с моей помощью. Я клянусь, что все убытки, которые принесло

вам мое пребывание здесь, будут возмещены. Частично я даже возмещаю их — я готов вручить вам ассигнации государственного банка общей суммой на миллион крон. Остальное ваше государство получит золотом, чистым золотом. Что вам еще нужно?

Я смотрел на него, и мне было нехорошо. Мне было нехорошо, потому что я ему сочувствовал. Я сидел лицом к лицу с явным преступником, слушал его и сочувствовал ему. Это было какое-то наваждение, и, чтобы избавиться от этого наваждения, я сухо спросил:

— Это вы изгадили стол и наклеили записку?

— Да. Я боялся, что иначе записку сдует сквозняком. А главное, я хотел, чтобы вы сразу поняли, что это не мистификация.

— Золотые часы?..

— Тоже я. И браунинг. Мне нужно было, чтобы вы поверили, чтобы вы заинтересовались Хинкусом и арестовали его.

— Это было очень неуклюже сделано, — сказал я. Все получилось наоборот. Я понял это так, что Хинкус — никакой не гангстер, а просто кому-то выгодно выдать его за гангстера.

— Да? — сказал Мозес. — Вот, значит, в чем дело... Ну что ж, этого следовало ожидать. Не умею я такие вещи... не для того я здесь...

Я снова ощутил прилив сочувствия и снова попытался взвинтить себя.

— Все у вас как-то неуклюже получается, господин Вельзевул, — сказал я. — Ну какой же вы к чертовой матери пришелец? Вы просто негодяй. Богатый, развратный, до предела обнаглевший негодяй. И притом еще пьяница...

Мозес отхлебнул из кружки.

— Роботы ваши... — продолжал я. — Дама из светского салона... Спортсмен-викинг... Неужели вы хоть на секунду можете себе вообразить, что я поверю, будто это роботы?

— То есть вы хотите сказать, что наши роботы слишком похожи на людей? — спросил Мозес. — Но согласитесь, нам иначе нельзя. Это довольно точные копии людей, которые существуют на самом деле. Почти двойники... — Он снова отхлебнул из кружки. — А что касается меня, инспектор, то я, к сожалению, не могу показаться вам в своем истин-

ном обличье. К сожалению — потому что тогда бы вы сразу поверили мне.

— Рискните, — сказал я. — Покажитесь. Я как-нибудь переживу.

Он покачал головой.

— Во-первых, вряд ли вы так уж легко это переживете, — грустно сказал он. — А во-вторых, вряд ли я это переживу. Господин Мозес, которого вы видите, это скафандр. Господин Мозес, которого вы слышите, это трансляционное устройство. Но может быть, мне придется рискнуть — я оставляю это на самый крайний случай. Если окажется, что убедить вас совершенно невозможно, я рискну. Для меня это почти верная гибель, но тогда вы, может быть, отпустите хотя бы Луарвика. Он-то здесь совсем ни при чем...

И тут я, наконец, рассвирепел.

— Куда отпускаю? — заорал я. — Разве я вас держу? Что вы мне все врете? Если бы вам нужно было уйти, вы бы давно ушли! Перестаньте врать и говорите правду: что это за чемодан? Что в нем? Вы мне долбите, что вы пришельцы. А я склонен полагать, что вы просто банда иностранных шпионов, укравших ценную аппаратуру...

— Нет! — сказал Мозес. — Нет! Все совсем не так. Наша станция разрушена, ее может починить только Олаф. Он — робот-смотритель этой станции, понимаете? Конечно, мы бы ушли давным-давно, но куда нам идти? Без Олафа мы совершенно беспомощны, а Олаф выключен, и вы не даете аккумулятор!

— И опять врете! — сказал я. — Госпожа Мозес ведь тоже робот, как я понял! У нее, как я понял, тоже есть аккумулятор...

Он закрыл глаза и замотал головой.

— Ольга — простое рабочее устройство. Носильщик, землекоп, телохранитель... Ну неужели вы не понимаете, что нельзя одним и тем же горючим питать... ну, я не знаю... грубый трактор, например, и самолет... Это же разные системы...

— У вас на все готов ответ, — угрюмо сказал я. — Но я не эксперт. Я простой полицейский. Я не уполномочен вести переговоры с вурдалаками и пришельцами. Я обязан передать вас в руки закона, вот и все. Кто бы вы ни были на самом деле, вы находитесь на территории моей страны

и подлежат ее юрисдикции. — Я встал. — С этой минуты считайте себя арестованным, Мозес. Я не намерен запираť вас, я догадываюсь, что это бессмысленно. Но если попытаетесь бежать, я буду стрелять. И напоминаю: все, что вы с этой минуты скажете, может быть обращено против вас на суде.

— Так, — сказал он, помолчав. — Со мной вы решили. Пусть будет так. — Он отхлебнул из кружки. — Ну, а Луарвик-то в чем виноват? Против него-то вы ничего не можете иметь... Заприте меня и отдайте чемодан Луарвику. Пусть по крайней мере хоть он спасется...

Я снова сел.

— Спасется... При чем здесь — спасется? Почему это вы так уверены, что Чемпион настигнет вас? Может быть, он давным-давно лежит под обвалом... может быть, его уже сцапали... да и самолет достать не так-то легко... Если вы действительно невиновны, то почему вы так паникуете? Подождите сутки-другие. Прибудет полиция, я сдам вас на руки властям, власти соберут экспертов, специалистов...

Он опять замотал головой.

— Плохо, не годится. Во-первых, мы не имеем права входить в организованный контакт. Я здесь всего-навсего наблюдатель. Я наделал ошибок, но все это поправимые ошибки... Неподготовленный контакт может иметь и для вашего, и для нашего мира самые ужасные последствия... Но даже не это сейчас самое главное, инспектор. Я боюсь за Луарвика. Он не кондиционирован для ваших условий, никогда не предполагалось, что ему потребуется провести на вашей планете более суток. А у него вдобавок поврежден скафандр, вы же видите — нет руки... Он уже отравлен... он слабеет с каждым часом...

Я стиснул зубы. Да, у него на все был готов ответ. Мне не за что было зацепиться. Мне ни разу не удалось поймать его. Все было безукоризненно логично. Я был вынужден признать, что, если бы речь не шла обо всех этих скафандрах, контактах и псевдомышцах, такие показания удовлетворили бы меня полностью. Я испытывал жалость и был склонен идти навстречу, я терял непредубежденность...

В самом-то деле. Юридические претензии у меня были только к Мозесам... к Мозесу. Луарвик был формально чист, хотя он тоже мог быть сообщником, но на это я бы еще

мог закрыть глаза... Настоящий уголовник никогда не предложит себя заложником. Мозес предлагал. Ну хорошо, запереть Мозеса и... Что «и»? Отдать Луарвику аппарат? Что я знаю про этот аппарат? Только то, что мне сказал Мозес. Да, все, что говорит Мозес, звучит правдоподобно. А если это просто удачная интерпретация совершенно иных обстоятельств? Если я просто не нашел вопроса, который бы разрушил эту интерпретацию?..

Если отбросить все слова, правдивы они или нет, — налицо два несомненных факта. Закон требует, чтобы я задержал этих людей впредь до выяснения обстоятельств. Вот факт номер один. А вот факт номер два: эти люди хотят уйти. Неважно, от чего они в действительности хотят уйти — от закона, от гангстеров, от преждевременного контакта или еще от чего-нибудь... Они хотят уйти.

Вот два факта, и они абсолютно противостоят друг другу...

— Что там у вас вышло с Чемпионом? — угрюмо спросил я.

Он исподлобья взглянул на меня, лицо его перекошилось. Потом он опустил глаза и стал рассказывать.

Если отвлечься от зомбизма-момбизма и всяких там псевдосвязок, это была совершенно банальная история вполне заурядного шантажа. Примерно два месяца назад господин Мозес, у которого были достаточно веские основания скрывать от официальных лиц не только свои истинные занятия, но и самый факт своего существования, начал ощущать признаки назойливого и пристального внимания к своей особе. Он попытался переменить местожительство. Это не помогло. Он попытался отпугнуть преследователей. Это тоже не помогло. В конце концов, как это всегда бывает, к нему явились и предложили любовную сделку. Он окажет посильное содействие в ограблении Второго Национального, ему заплатят за это молчанием. Разумеется, его заверили, что беспокоят его в первый и последний раз. Как водится, он отказывался. Как водится, они настаивали. Как водится, он в конце концов согласился.

Мозес утверждал, что иного выхода у него не было. Смерти как таковой он не боялся: они там все умеют преодолевать страх смерти. На этом этапе он мог даже не особенно опасаться попыток разоблачения: свернуть свои

мастерские и остаться просто богатым бездельником ему ничего не стоило, а свидетельства агентов Чемпиона, пострадавших при столкновении с роботами, вряд ли были бы приняты всерьез. Но и смерть, и разоблачение грозили надолго приостановить всю громадную работу, которая была так успешно начата несколько лет назад. Короче говоря, он рискнул уступить Чемпиону, тем более что убытки, понесенные Вторым Национальным, ему нетрудно было возместить чистым золотом.

Дельце провернули, и Чемпион действительно исчез с горизонта. Впрочем, всего на месяц. Через месяц он объявился вновь. На этот раз речь шла о броневику с золотом. Но теперь положение существенно изменилось. Мудрый Чемпион предъявил злосчастной жертве показания восьми свидетелей, исключавшие для Мозеса хоть какую-нибудь возможность алиби, плюс киноплёнку, на которой была запечатлена вся процедура ограбления банка, — не только три или четыре гангстера, готовых пойти на отсидку за приличный гонорар, но и Ольга с сейфом под мышкой, и сам Мозес с неким аппаратом («форсаж-генератором») в руках. В случае отказа Мозесу грозила уже не дешёвая газетная шумиха. Теперь ему грозило формальное судебное преследование, а значит, и полное разоблачение всех его тайн, а значит, преждевременный контакт на чудовищно невыгодных для его стороны условиях. Как и многие другие жертвы шантажа, уступая в первый раз, Мозес всего этого не предусмотрел.

Положение было ужасно. Отказ означал преступление перед своими. Согласие ничего не меняло, потому что теперь-то он понимал, какая железная рука держит его за горло. Бежать в другой город, в другую страну не имело смысла: он уже убедился, что рука у Чемпиона не только железная, но и длинная. Немедленно бежать с Земли он тоже не мог: подготовка транспорта требовала десяти — двенадцати земных суток. Тогда он связался со своими и потребовал эвакуации в кратчайшие сроки. Да, он был вынужден совершить ещё одно преступление — теперь это означало только увеличение долга, лишние триста тридцать пять килограммов золота, стоимость необходимой отсрочки. Когда подошло время, он бежал, обманув агентуру Чемпиона своим двойником. Он знал, что за ним будет погоня, он знал, что Хинкусы рано или поздно нападут на его

след,— он только надеялся, что ему удастся опередить их...

— Вы можете верить или не верить, инспектор,— закончил Мозес.— Но я хочу, чтобы вы поняли: есть всего две возможности. Либо вы отдаете нам аккумулятор, и мы еще попытаемся спастись. Повторяю, в этом случае все убытки, понесенные вашими согражданами, будут полностью возмещены. Либо...— Он отхлебнул из кружки.— Постарайтесь, пожалуйста, это понять, инспектор. Я не имею права попасть живым в руки официальных лиц. Понимаете, это мой долг. Я не могу рисковать будущим наших миров. Это будущее еще только начинается. Я провалился, но я ведь первый, а не последний наблюдатель на вашей Земле. Это вы понимаете, инспектор?

Я понимал только одно: дело мое дрянь.

— Чем вы, собственно, здесь занимались? — спросил я. Мозес покачал головой.

— Я не могу вам этого сказать, инспектор. Я исследовал возможности контакта. Я его готовил. А конкретно... Да это к тому же и очень сложно, инспектор. Вы ведь не специалист.

— Идите,— сказал я.— И позовите сюда Луарвика.

Мозес грузно поднялся и вышел. Я оперся локтями на стол и положил голову на руки. Люгер приятно охлаждал правую щеку. Мельком я подумал, что таскаюсь теперь с этим люгером, как Мозес со своей кружкой. Я был смешон. Я был жалок. Я ненавидел себя. Я ненавидел Згута с его дружескими советами. Я ненавидел всю эту банду, собравшуюся здесь. Верить или не верить... В том-то и дело, черт возьми, что я верил. Я не первый год работаю, я чувствую, когда люди говорят правду. Но ведь люди же, люди! А если я поверил, то они для меня не люди! Да я просто не имею права верить. Это просто самоубийство — верить! Это значит — взять на себя такую ответственность, на которую я не имею никакого права, которой я не хочу, не хочу, не хочу... Она раздавит меня, как клопа! Ладно. Хинкуса я во всяком случае поймал. И Мозеса я тоже не выпущу. Пусть будет что будет, а Мозеса я не выпущу! Пусть будет что будет, а тайна Второго Национального и тайна золотого броневика раскрыты. Вот так-то. А если здесь замешана межпланетная политика, так я — простой полицейский, пусть политикой занимается тот, кому это

положено... В обморок бы сейчас брякнуться, подумал я с тоской. И пусть делают, что хотят...

Дверь скрипнула, и я встрепенулся. Но это был не Луарвик. Вошли Симонэ и хозяин. Хозяин поставил передо мной кружку кофе, а Симонэ взял у стены стул и уселся напротив меня. Мне показалось, что он сильно осунулся и даже как-то пожелтел.

— Ну, что вы надумали, инспектор? — спросил он.

— Где Луарвик? Я вызывал Луарвика.

— Луарвику совсем плохо, — сказал Симонэ. — Мозес делает ему какие-то процедуры. — Он неприятно оскалился. — Вы его загубите, Глебски, и это будет скотский поступок. Я знаю вас, правда, всего два дня, но никак не мог ожидать, что вы окажетесь всего-навсего чучелом с золотыми пуговицами.

Свободной рукой я взял кружку, поднес ее ко рту и поставил обратно. Не мог я больше пить кофе. Меня уже тошнило от кофе.

— Отстаньте вы от меня. Все вы болтуны. Алек заботится о своем заведении, а вы, Симонэ, просто интеллектуал на отдыхе...

— А вы-то? — сказал Симонэ. — Вы-то о чем заботитесь? Бляху лишнюю вам захотелось на мундир?

— Да, — холодно сказал я. — Бляху. Люблю, знаете ли, бляхи.

— Вы — мелкая полицейская сошка, — сказал Симонэ. — В кои-то веки судьба вам бросила кусок. В первый и последний раз в жизни. Звездный час инспектора Глебски! В ваших руках оказалось действительно важное решение, а вы ведете себя, как распоследний тупоголовый...

— Заткнитесь, — сказал я устало. — Перестаньте болтать и хоть минуту просто подумайте. Оставим в стороне то, что Мозес — обыкновенный преступник. Вы, я вижу, ни черта не смыслите в законе. Вы, кажется, воображаете, будто существует один закон для людей и другой закон для вурдалаков. Но оставим в стороне все это. Пусть они пришельцы. Пусть они жертвы шантажа. Великий контакт... — Я вяло помахал рукой с люгером. — Дружба миров и так далее... Вопрос: что они делают у нас на Земле? Мозес сам признался, что он наблюдатель. За чем он, собственно, наблюдает? Что им здесь понадобилось?.. Не скальтесь, не скальтесь... Мы здесь с вами занимаемся фантастикой, а в

фантастических романах, насколько я помню, пришельцы на Земле занимаются шпионажем и готовят вторжение. Как, по вашему мнению, в такой ситуации должен поступать я, чиновник с золотыми пуговицами? Должен я исполнить свой долг или нет? А вы сами, Симонэ, как землянин, что вы думаете о своем долге?

Симонэ молча уставился на меня. Хозяин прошел к окну и поднял штору. Я оглянулся на него.

— Зачем вы это сделали?

Хозяин ответил не сразу. Прижимаясь лицом к стеклу, он оглядывал небо.

— Да вот все посматриваю, Петер,— медленно сказал он, не оборачиваясь.— Жду, Петер, жду... Вы бы приказали девочке вернуться в дом. Там, на снегу она прямо готовая мишень... Меня она не слушает...

Я положил люгер на стол, взял кружку обеими руками и, закрыв глаза, сделал несколько глотков. Готовая мишень... Все мы здесь — готовые мишени... И вдруг я ощутил, как сильные руки взяли меня сзади за локти. Я открыл глаза и дернулся. Боль в ключице была такой острой, что я едва не потерял сознание.

— Ничего, Петер, ничего,— ласково сказал хозяин.— Потерпите.

Симонэ с озабоченным и виноватым видом уже засовывал люгер к себе в карман.

— Предатели!..— сказал я с удивлением.

— Нет-нет, Петер,— сказал хозяин.— Но надо быть разумным. Не одним законом жива совесть человеческая.

Симонэ, осторожно зайдя сбоку, похлопал меня по карману. Ключи звякнули. Заранее покрывшись потом в ожидании жуткой боли, я рванулся изо всех сил. Это ничем не кончилось, и, когда я опомнился, Симонэ уже выходил из комнаты с чемоданом в руке. Хозяин, все еще придерживая меня за локти, тревожно говорил ему вслед:

— Поторапливайтесь, Симонэ, поторапливайтесь, ему плохо...

Я хотел заговорить, но у меня перехватило горло, и я только захрипел. Хозяин озабоченно наклонился надо мной.

— Господи, Петер,— проговорил он,— на вас лица нет...

— Бандиты...— прохрипел я.— Арестанты...

— Да, да, конечно, — покорно согласился хозяин. — Вы всех нас арестуете и правильно сделаете, только потерпите немного, не рвитесь, ведь вам же очень больно, а я вас пока все равно не выпущу...

Да, не выпустит. Я и раньше видел, что он здоровый медведь, но такой хватки все-таки не ожидал. Я откинулся на спинку стула и перестал сопротивляться. Меня мутило, тупое безразличие овладело мною. И где-то на самом доньшке души слабо тлело чувство облегчения — ситуация больше не зависела от меня, ответственность взяли на себя другие. По-видимому, я снова потерял сознание, потому что оказался вдруг на полу, а хозяин стоял рядом со мной на коленях и смачивал мне лоб мокрой ледяной тряпкой. Едва я открыл глаза, он поднес к моим губам стакан с водой. Он был очень бледен.

— Помогите мне сесть, — сказал я.

Он беспрекословно повиновался. Дверь была распахнута настежь, по полу тянуло холодом, слышались возбужденные голоса, потом что-то грохнуло, затрещало. Хозяин болезненно сморщился.

— Проклятый сундук, — произнес он сдавленным голосом. — Опять косяк разворотили...

Под окном голос Мозеса гаркнул с нечеловеческой силой:

— Готовы? Вперед!.. Прощайте, люди! До встречи! До настоящей встречи!..

Голос Симонэ прокричал в ответ что-то неразборчивое, а затем стекла дрогнули от какого-то жуткого клекота и свиста. И стало тихо. Я поднялся на ноги и пошел к двери. Хозяин суетился рядом, широкое лицо его было белое и рыхлое, как вата, по лбу стекал пот. Он беззвучно шевелил губами — наверное, молился.

Мы вышли в пустой холл, по которому гулял ледяной ветер, и хозяин пробормотал: «Давайте выйдем, Петер, вам надо подышать свежим воздухом...» Я оттолкнул его и двинулся к лестнице. Мимоходом я с глубоким злорадством отметил, что входная дверь снесена начисто. На лестнице, на первых же ступеньках, мне стало дурно, и я вцепился в перила. Хозяин попытался поддержать меня, но я отпихнул его здоровым плечом и сказал: «Убирайтесь к черту, слышите?..» Он исчез. Я медленно пополз по ступенькам, цепляясь за перила, миновал Брюн, испуганно

прижавшуюся к стене, поднялся на второй этаж и побрел в свой номер. Дверь номера Олафа была распахнута настежь, там было пусто, резкий аптечный запах расплзался по коридору. Добраться бы до дивана, думал я. Только бы добраться до дивана и лечь... И тут я услышал крик.

— Вон они!.. — завопил кто-то. — Поздно! Будь оно все проклято, поздно!

Голос сорвался. Внизу в холле затопали, что-то упало, покатилося, и вдруг я услышал ровное далекое гудение. Тогда я повернулся и, спотыкаясь, побежал к чердачной лестнице...

Вся широкая снежная долина распахнулась передо мной. Я зажмурился от солнечного блеска, а потом различил две голубоватые, совершенно прямые лыжни. Они уходили на север, наискосок от отеля, и там, где они кончались, я увидел четкие, словно нарисованные на белом, фигурки беглецов. У меня отличное зрение, я хорошо видел их, и это было самое дикое и нелепое зрелище, какое я помню.

Впереди мчалась госпожа Мозес с гигантским черным сундуком под мышкой, а на плечах ее грузно восседал сам старый Мозес. Правее и чуть отставая, ровным финским шагом неся Олаф с Луарвиком на спине. Билась на ветру широкая юбка госпожи Мозес, вился пустой рукав Луарвика, и старый Мозес, не останавливаясь ни на секунду, страшно и яростно работал многохвостовой плетью. Они мчались быстро, сверхъестественно быстро, а сбоку, им наперерез, сверкая на солнце лопастями и стеклами кабины, заходил вертолет.

Вся долина была наполнена мощным ровным гулом, вертолет медленно, словно бы неторопливо, снижался, прошел над беглецами, обогнал их, вернулся, спускаясь все ниже, а они продолжали стремительно мчаться по долине, будто ничего не видя и не слыша, и тогда в это могучее монотонное гудение ворвался новый звук, злобный отрывистый треск, и беглецы заматались, а потом Олаф упал и остался лежать неподвижно, а потом кубарем покатился по снегу Мозес, а Симонэ рвал на мне воротник и рыдал мне в ухо: «Видишь? Видишь? Видишь?..» А потом вертолет повис над неподвижными телами и медленно опустился, скрыв от нас и тех, кто лежал неподвижно, и тех, кто пытался еще ползти... Снег закрутился вихрем от

его винтов, сверкающая белая туча горбом встала на фоне сизых отвесных скал. Снова слышался злобный треск пулемета, и Алек сел на корточки, закрыв глаза ладонями, а Симонэ все рыдал, все кричал: «Добился! Добился своего, дубина, убийца!»

Вертолет так же медленно поднялся из снежной тучи и, косо уйдя в пронзительную синеву неба, исчез за хребтом. И тогда внизу тоскливо и жалобно завыл Лель.

ЭПИЛОГ

С тех пор прошло больше двадцати лет. Вот уже год, как я в отставке. У меня внуки, и я иногда рассказываю младшенькой эту историю. Правда, в моих рассказах она всегда кончается благополучно: пришельцы благополучно отбывают домой в своей сверкающей ракете, а банду Чемпиона благополучно захватывает подроспевшая полиция. Сначала пришельцы отбывали у меня на Венеру, а потом, когда на Венере высадились первые экспедиции, мне пришлось перенести господина Мозеса в созвездие Волопаса. Впрочем, не об этом речь.

Сначала факты. Бутылочное Горлышко расчистили через два дня. Я вызвал полицию и передал ей Хинкуса, миллион сто пятнадцать тысяч крон и свой подробный отчет. Но следствие, надо сказать, кончилось ничем. Правда в разрытом снегу было найдено более пятисот серебряных пуль, но вертолет Чемпиона, забравший трупы, исчез бесследно. Через несколько недель супружеская чета туристов-лыжников, путешествовавших неподалеку от нашей долины, сообщила, что они видели, как какой-то вертолет прямо у них на глазах упал в озеро Трех Тысяч Дев. Были организованы розыски, однако ничего интересного обнаружить не удалось. Глубина этого озера, как известно, достигает местами четырехсот метров, дно его ледяное, и рельеф дна постоянно меняется. Чемпион, по-видимому, погиб — во всяком случае на уголовной сцене он больше не появлялся. Банда его, благодаря Хинкусу, который торопился спасти свою шкуру, была частично отловлена, а частично рассеялась по всей Европе. Гангстеры,

попавшие под следствие, ничего существенного к показаниям Хинкуса не добавили — все они были убеждены, что Вельзевул был колдуном или даже самым дьяволом. Симонэ считал, что один из роботов, уже в вертолете, очнулся и в последней вспышке активности сокрушил все, до чего мог дотянуться. Очень может быть, и если это так, то не завидую я Чемпиону в его последние минуты...

Симонэ сделался тогда главным специалистом по этому вопросу. Он создавал какие-то комиссии, писал в газеты и журналы, выступал по телевидению. Оказалось, что он и в самом деле был крупным физиком, но это нисколько ему не помогло. Ни огромный его авторитет не помог, ни прошлые заслуги. Не знаю, что о нем говорили в научных кругах, но никакой поддержки там он, по-моему, не получил. Комиссии, правда, функционировали, всех нас, даже Кайсу, вызывали в качестве свидетелей, однако ни один научный журнал, насколько мне известно, не опубликовал по этому поводу ни строчки. Комиссии распадались, снова возникали, то объединялись с Обществом исследования летающих тарелок, то отмежевывались от него, материалы комиссий то засекречивались властями, то вдруг начинали широко публиковаться, десятки и сотни халтурщиков вились вокруг этого дела, вышло несколько брошюр, написанных фальшивыми свидетелями и подозрительными очевидцами, и кончилось все это тем, что Симонэ остался один с кучкой энтузиастов — молодых ученых и студентов. Они совершили несколько восхождений на скалы в районе Бутылочного Горлышка, пытаясь обнаружить остатки разрушенной станции. Во время одного из этих восхождений Симонэ погиб. Найти так ничего и не удалось.

Все остальные участники описанных выше событий живы до сих пор. Недавно я прочитал о чествовании д-ра Барнстокра в Международном обществе иллюзионистов — старику исполнилось девяносто лет. На чествовании «присутствовала очаровательная племянница юбиляра Брюнхилд Канн с супругом, известным космонавтом Перри Канном». Хинкус отсиживает свою бессрочную и ежегодно пишет прошения об амнистии. В начале срока на него было сделано два покушения, он был ранен в голову, но как-то вывернулся. Говорят, он пристрастился вырезать по дереву и неплохо прирабатывает. Тюремная администрация им довольна. Кайса вышла замуж, у нее четверо детей.

В прошлом году я ездил к Алеку и видел ее. Она живет в пригороде Мюра и очень мало изменилась — все так же толста, все так же глупа и смешлива. Я убежден, что вся трагедия прошла совершенно мимо ее сознания, не оставив никаких следов.

С Алеком мы большие друзья. Отель «У Межзвездного Зомби» процветает — в долине теперь уже два здания, второе построено из современных материалов, изобилует электронными удобствами и очень мне не нравится. Когда я приезжаю к Алеку, я всегда поселяюсь в своем старом номере, а вечера мы проводим, как встарь, в каминной, за чашечкой черного кофе с лимоном. Увы, одной чашечки теперь хватает на весь вечер. Алек сильно высох и отпустил бороду, нос у него стал бордовый, но он по-прежнему любит говорить глухим голосом и не прочь подшутить над гостями. Он, как и раньше, увлекается изобретательством и даже запатентовал новый тип ветряного двигателя. Диплом на изобретение он держит под стеклом над своим старым сейфом в старой конторе. Вечные двигатели обоих родов все еще не пущены; впрочем, дело за деталями. Насколько я понял, для того, чтобы его вечные двигатели работали действительно вечно, необходимо изобрести вечную пластмассу. Мне всегда очень хорошо у Алека — так спокойно, уютно. Но однажды он шепотом признался мне, что держит теперь в подвале пулемет Брена на всякий случай.

Я совсем забыл упомянуть о сенбернаре Леле. Лель умер. Просто от старости. Алек любит рассказывать, что этот удивительный пес незадолго до смерти научился читать.

А теперь обо мне. Много-много раз во время скучных дежурств, во время одиноких прогулок и просто бессонными ночами я думал обо всем случившемся и задавал себе только один вопрос: прав я был или нет? Формально я был прав, начальство признало мои действия соответствующими обстановке, только начальник статского управления слегка побранил меня за то, что я не отдал чемодан сразу и тем самым подвергал свидетелей излишнему риску. За поимку Хинкуса и за спасение миллиона с лишним крон я получил премию, а в отставку вышел в чине старшего инспектора — предел, на который я мог рассчитывать. Мне пришлось немало помучиться, пока я писал отчет об этом странном деле. Я должен был исключить из

официальной бумаги всякий намек на мое субъективное отношение, и в конце концов это мне, по-видимому, удалось. Во всяком случае я не стал ни посмешищем, ни человеком с репутацией фантазера. Конечно, в отчете многого не было. Как можно описать в полицейской бумаге эту жуткую гонку на лыжах через снежную равнину? Когда при болезни у меня поднимается температура, я снова и снова вижу в бреду это дикое, нечеловеческое зрелище и слышу леденящий душу свист и клекот... Нет, формально все обошлось. Правда, товарищи иногда посмеивались надо мной под веселую руку, однако чисто дружески, без злости и язвительности. Згугу я рассказал больше, чем другим. Он долго размышлял, скреб железную свою щетину, вонял трубкой, но так ничего путного и не сказал, только пообещал мне, что дальше него эта история не пойдет. Неоднократно я заводил разговор на эту тему с Алеком. Каждый раз он отвечал односложно и только однажды, пряча глаза, признался, что тогда его больше всего интересовала целостность отеля и жизнь клиентов. Мне кажется, потом он стыдился этих слов и жалел, что признался. А Симонэ до самой своей гибели так и не сказал мне ни слова.

Наверное, они все-таки действительно были пришельцами. Никогда и нигде я не выражал своего личного мнения по этому поводу. Выступая перед комиссиями, я всегда строго придерживался сухих фактов и того отчета, который представил своему начальству. Но теперь я почти не сомневаюсь. Раз люди высадились на Марсе и Венере, почему бы не высадиться кому-нибудь и у нас, на Земле? И потом, просто невозможно придумать другую версию, которая объясняла бы все темные места этой истории. Но разве дело в том, что они были пришельцами? Я много думал об этом и теперь могу сказать: да, дело только в этом. Они, бедняги, попались как кур в ощиц, и обойтись с ними так, как обошелся я, было, пожалуй, слишком жестоко. Наверное, все дело в том, что они прилетели не вовремя и встретились не с теми людьми, с которыми им следовало встретиться. Они встретились с гангстерами и с полицией. Ну, ладно. А если бы они встретились с контрразведкой или с военными? Было бы им лучше? Вряд ли...

Совесть у меня болит, вот в чем дело. Никогда со мной такого не было: все делал правильно, чист перед богом, законом и людьми, а совесть болит. Иногда мне становится

совсем плохо, и мне хочется найти кого-нибудь из них и просить, чтобы они простили меня. Мысль о том, что кто-то из них, может быть, ещё бродит среди людей, замаскированный, неузнаваемый, мысль эта не дает мне покоя. Я даже вступил было в Общество имени Адама Адамского, и они вытянули из меня массу денег, прежде чем я понял, что все это только болтовня и что они никогда не помогут мне найти друзей Мозеса и Луарвика...

Да, они пришли к нам не вовремя. Мы не были готовы их встретить. Мы не готовы к этому и сейчас. Даже сейчас и даже я, тот самый человек, который все это пережил и передумал, снова столкнувшись с подобной ситуацией, прежде всего спрошу себя: а правду ли они говорят, не скрывают ли что-нибудь, не таится ли в их появлении какая-то огромная беда? Я-то старый человек, но у меня, видите ли, есть внуки...

Когда мне становится плохо, жена садится рядом и принимается утешать меня. Она говорит, что, если бы я даже не чинил препятствий Мозесу и всем им удалось бы уйти, это все равно привело бы к большой трагедии, потому что тогда гангстеры напали бы на отель и, вероятно, убили бы всех нас, оставшихся в доме. Все это совершенно правильно. Я сам научил ее говорить так, только теперь она уже забыла об этом, и ей кажется, что это ее собственная мысль. И все-таки от ее утешений мне становится немножечко легче. Но ненадолго. Только до тех пор, пока я не вспоминаю, что Симон-Симонэ до самой своей смерти так и не сказал мне ни одного слова. Ведь мы не раз встречались с ним — и на суде Хинкуса, и на телевидении, и на заседаниях многих комиссий, и он так и не сказал мне ни одного слова. Ни одного слова. Ни одного.

*Комарово-Ленинград.
Январь-апрель 1969*

О Г Л А В Л Е Н И Е

ГЛАВА 1	3
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	29
ГЛАВА 5	44
ГЛАВА 6	51
ГЛАВА 7	60
ГЛАВА 8	67
ГЛАВА 9	88
ГЛАВА 10	98
ГЛАВА 11	109
ГЛАВА 12	120
ГЛАВА 13	128
ГЛАВА 14	138
ГЛАВА 15	155
ЭПИЛОГ	171

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Для старшего школьного возраста

Аркадий Натанович Стругацкий
Борис Натанович Стругацкий

Отель «У Погибшего Альпиниста»

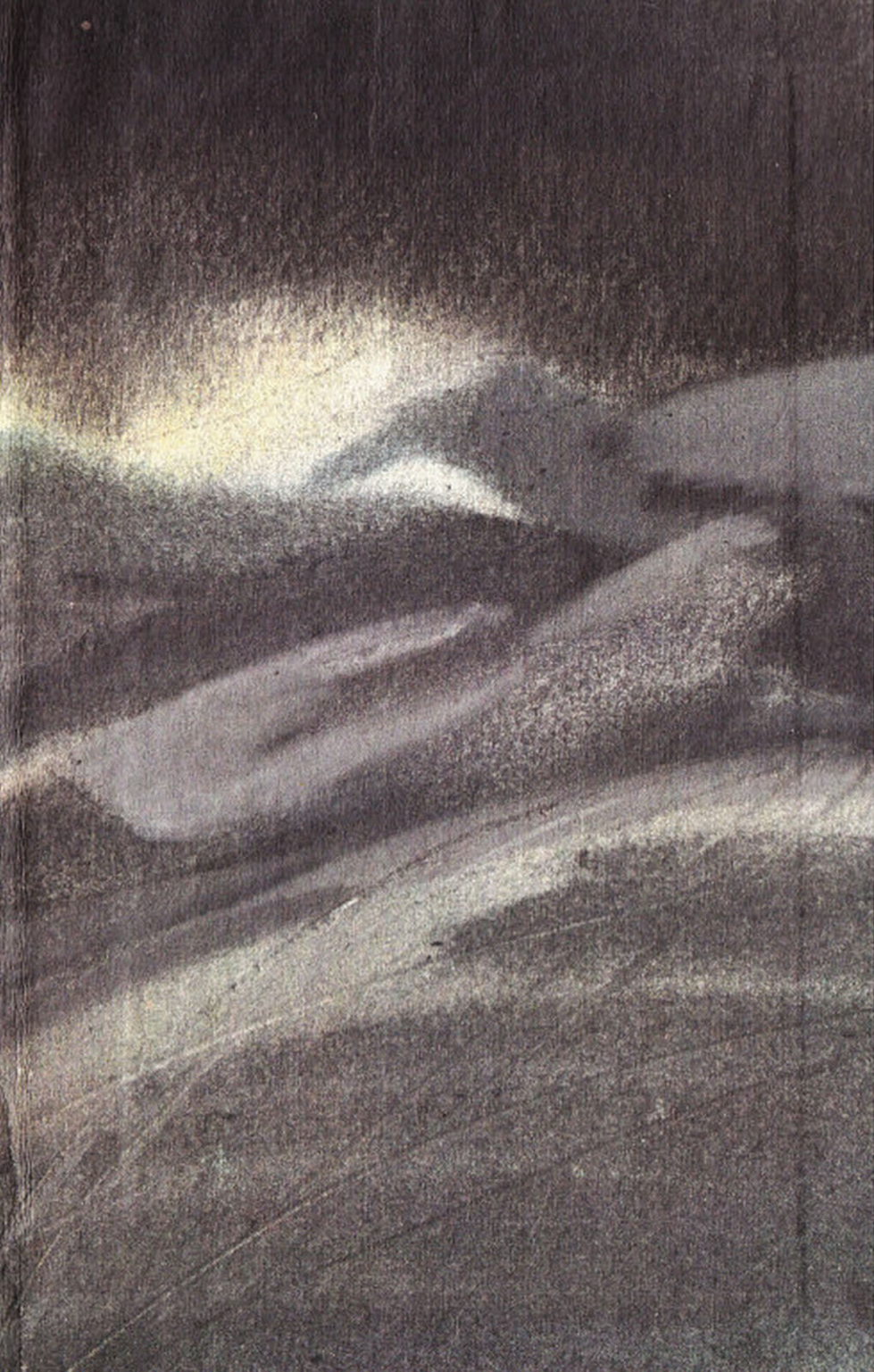
Фантастическая повесть

ИБ № 7609

Ответственный редактор В. А. Анкудинов. Художественный редактор И. Г. Найдёнова. Технический редактор Г. Г. Седова. Корректоры В. А. Иванова и Ж. Ю. Румянцева. Сдано в набор 16.12.82. Подписано к печати 27.05.83. А03131. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 10,4. Уч.-изд. л. 9,87. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2188. Цена 45 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушеский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“